

Анне-Катрине Вестли

**ПАПА, МАМА, БАБУШКА, ВОСЕМЬ
ДЕТЕЙ И ГРУЗОВИК**

(сборник)

Папа, мама, восемь детей и грузовик

Жила-была большая-пребольшая семья: папа, мама и целых восемь детей. Детей звали так: Мårен, Мårтин, Мårта, Мадс, Мона, Милли, Мина и Малышка Мортен.

И ещё с ними жил небольшой грузовик, который они все очень любили. Ещё бы не любить — ведь грузовик кормил всю семью!

Если кто-нибудь из знакомых собирался переезжать, то непременно просил папу перевезти вещи. Если в какой-нибудь магазин нужно было доставить со станции товар, то и тут не обходилось без папиного грузовика. Как-то раз грузовик возил громадные брёвна прямо из леса и так устал, что потом ему пришлось дать небольшой отпуск.

Обычно папа и грузовик выходили на работу каждый день, и папа получал за это деньги. Деньги папа отдавал маме, а мама покупала на них

еду, и все были довольны, потому что приятнее быть сытым, чем голодным.

Когда папа, мама и все восемь детей гуляли по улице, прохожие почти всегда принимали их за небольшую демонстрацию. Некоторые даже останавливались и спрашивали маму:

— Неужели это все ваши дети?

— Конечно, — гордо отвечала мама. — А то чьи же?

Папа, мама и восемь детей жили в высоком каменном доме, в самом центре огромного города. И хотя семья была такой большой, их квартира состояла всего-навсего из одной комнаты и кухни. Ночью папа и мама спали в кухне, на диване, а дети в комнате. Но разве можно разместить в одной-единственной комнате целых восемь кроватей? Конечно нет! У них и не было никаких кроватей. Каждый вечер дети расстилали на полу восемь матрасов. Им казалось, что это не так уж плохо: во-первых, можно лежать всем рядышком и болтать сколько захочешь, а во-вторых, нет никакой опасности, что ночью кто-нибудь свалится с кровати на пол.

На день матрасы укладывались высокой горкой в углу, чтобы по комнате можно было свободно ходить.

И всё было бы прекрасно, если б не одно неприятное обстоятельство. Вот какое: в квартире прямо под ними жила дама, которая терпеть не могла шума.

Но что поделаешь, если Марен любила танцевать, Мартин — прыгать, Марта — бегать, Мадс — стучать, Мона — петь, Милли — бить в барабан, Мина — кричать, а Малышка Мортен — колотить по полу чем попало. Одним словом, можете себе представить, что у них дома было не очень-то тихо.

Однажды в дверь постучали, и в комнату вошла дама, которая жила под ними.

— Моё терпение лопнуло, — заявила она. — Я сейчас же иду жаловаться хозяину. В этом доме невозможно жить. Неужели вы не можете утихомирить своих несносных детей?

Дети спрятались за мамину спину и осторожно из-за неё выглядывали. Казалось, что у мамы вместо одной головы растёт сразу девять.

— Я всё время пытаюсь их успокоить, — сказала мама, — но ведь они просто играют, как все дети на свете, не могу же я их ругать за это.

— Разумеется. По мне, так пусть играют сколько угодно, — сердито сказала дама. — Но после обеда я ложусь отдыхать, и, если я ещё услышу хоть один звук, я пойду и пожалуюсь хозяину. Я только хотела вас предупредить.

— Что же, ладно, — вздохнула мама, — сделаем как обычно.

Детям было хорошо известно, что значит «как обычно», и четверо старших сразу начали одевать четверых младших. Мама тоже повязала платок и надела пальто, и все были готовы к прогулке.

— Куда же мы отправимся сегодня? — спросила мама.

— Откроем новые земли, — сказала Марен.

— Пойдём на улицу, по которой мы никогда раньше не ходили, — подхватил Мадс: они всегда делали на прогулке какое-нибудь новое открытие.

— Тогда нам пришлось бы идти очень далеко, а у нас не так уж много времени, — сказала мама. — Пойдёмте лучше на пристань.

Пока они гуляли, с работы вернулся папа. Он поставил грузовик возле дома и, прежде чем пойти домой, немного помыл и почистил его. Тряпку для протирания грузовика папа положил в кабину под сиденье. На обратной стороне сиденья у папы были приклеены фотографии мамы и всех восьмерых детей. Папе казалось, что они таким образом сопровождают его во всех поездках.

Если папа встречал кого-нибудь, кто ему особенно нравился, он поднимал сиденье и показывал фотографии.

— Вот и отлично, — сказал папа, — теперь и грузовику приятно, и я могу спокойно идти домой.

Но как только папа открыл дверь своей квартиры, он сразу понял, что дома никого нет.

«Видно, опять у нас побывала Дама Снизу», — догадался он и прилёг отдохнуть.

Через некоторое время мама с детьми вернулась домой. Грузовика возле дома не было.

— Значит, папа ещё не приехал, — сказала Марта.

— Очень жаль, — огорчилась мама. — А я-то думала, мы все вместе пообедаем. Ну что ж, ничего не поделаешь.

Они вошли в квартиру и, к своему удивлению, обнаружили на кухне спокойно похрапывающего папу.

— Здорово ты нас надул! — сказала мама. — Куда ты спрятал грузовик? Мы огорчились, что тебя нет дома, а ты, оказывается, здесь.

— Грузовик? — сонно сказал папа. — Грузовик стоит на месте, вы его просто не разглядели.

— Что ты говоришь! — возмутилась мама. — Не может быть, чтобы я и восемь детей не заметили одного грузовика. Ну-ка, Марен, сбегай вниз, посмотри ещё раз!

Папа сел, почесал затылок, зевнул. Казалось, что он даже не понимает, о чём идёт речь.

— Может, ты отвёз грузовик в ремонт? — спросила мама. — Может, мотор испортился?

— Нет, нет, нет! — воскликнул папа. — Я же сказал, что он стоит внизу. Я его даже вымыл и протёр стёкла. Довольно об этом! Точка!

Но когда Марен прибежала наверх и сказала, что внизу нет никакого грузовика, папа окончательно проснулся.

— Я пойду, — сказал он, — надо сразу же заявить в полицию.

Все словно окаменели. Долго никто не мог вымолвить ни слова. Страшно было и подумать, что грузовик украли. Ведь грузовик каждый день зарабатывал для них деньги, и они все любили его, как будто он был член семьи. Да, собственно говоря, так оно и было.

— Мама, ты думаешь, его украли? — спросила наконец Марен.

— Что же тут удивительного? Ведь он такой красивый, — ответила мама.

Папа пошёл в полицейский участок, оттуда позвонили в другие полицейские участки и сообщили, что украден небольшой зелёный грузовик.

Прошло несколько дней, но о грузовике не было ни слуху ни духу. Наконец даже по радио объявили, чтобы все люди в стране знали, что пропал небольшой зелёный грузовик.

В эти дни дети были очень тихими и послушными. Они всё время думали о грузовике и очень его жалели.

По вечерам они долго шептались, лёжа на матрасах. Больше всех говорил Мартин:

— Завтра — день получки, а папа ничего не получит. Давайте пойдём завтра искать грузовик. Без малышей, конечно, только Марен, Марта и я.

— А можно, мы с Моной тоже пойдём с вами, ведь мы уже не малыши? — спросил Мадс.

— Нет, мы пойдём очень далеко. Мы будем ходить весь день, пока не найдём, — ответил Мартин.

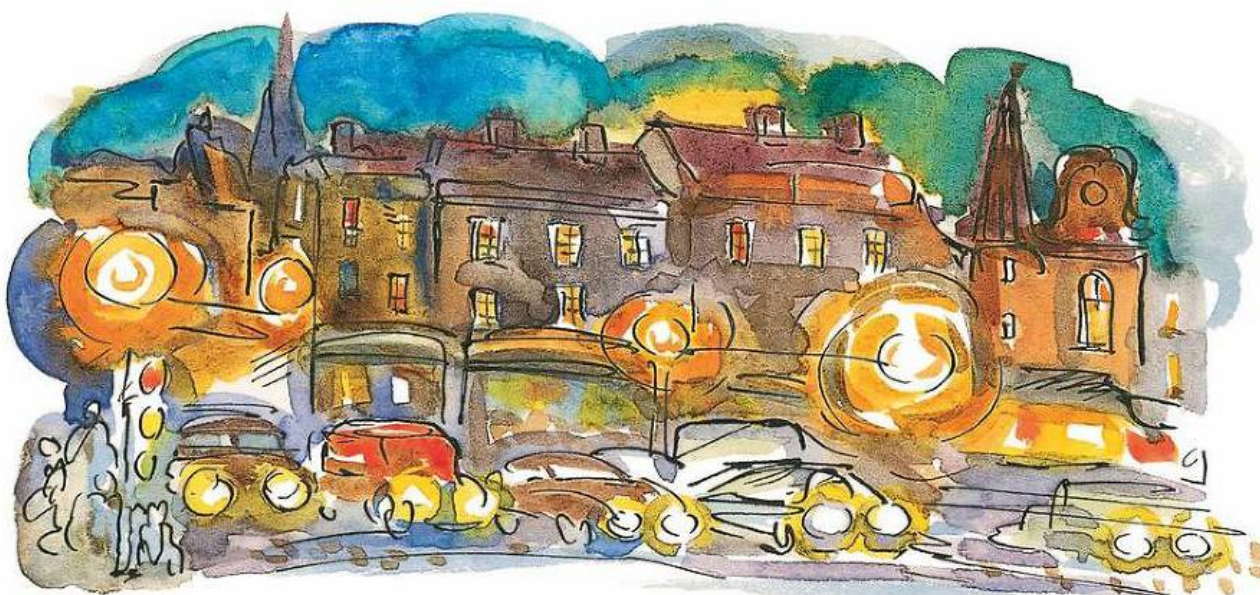
— Пускай, — шепнул Мадс Моне. — Завтра, когда они уйдут, мы тоже улизнём и пойдём искать без них.

— Ладно. Как ты ловко придумал! — обрадовалась Мона.

Скоро они уснули, но город ещё не спал, и по улицам проносились машины: легковые автомобили, автобусы и много-много зелёных грузовиков.

Как вы думаете, найдут папа, мама и восемь детей свой грузовик?

Наберитесь терпения, и вы обо всём узнаете из следующей главы.

Грузовик

На другое утро, как только старшие дети ушли из дома, Мадс и Мона стали готовиться к походу.

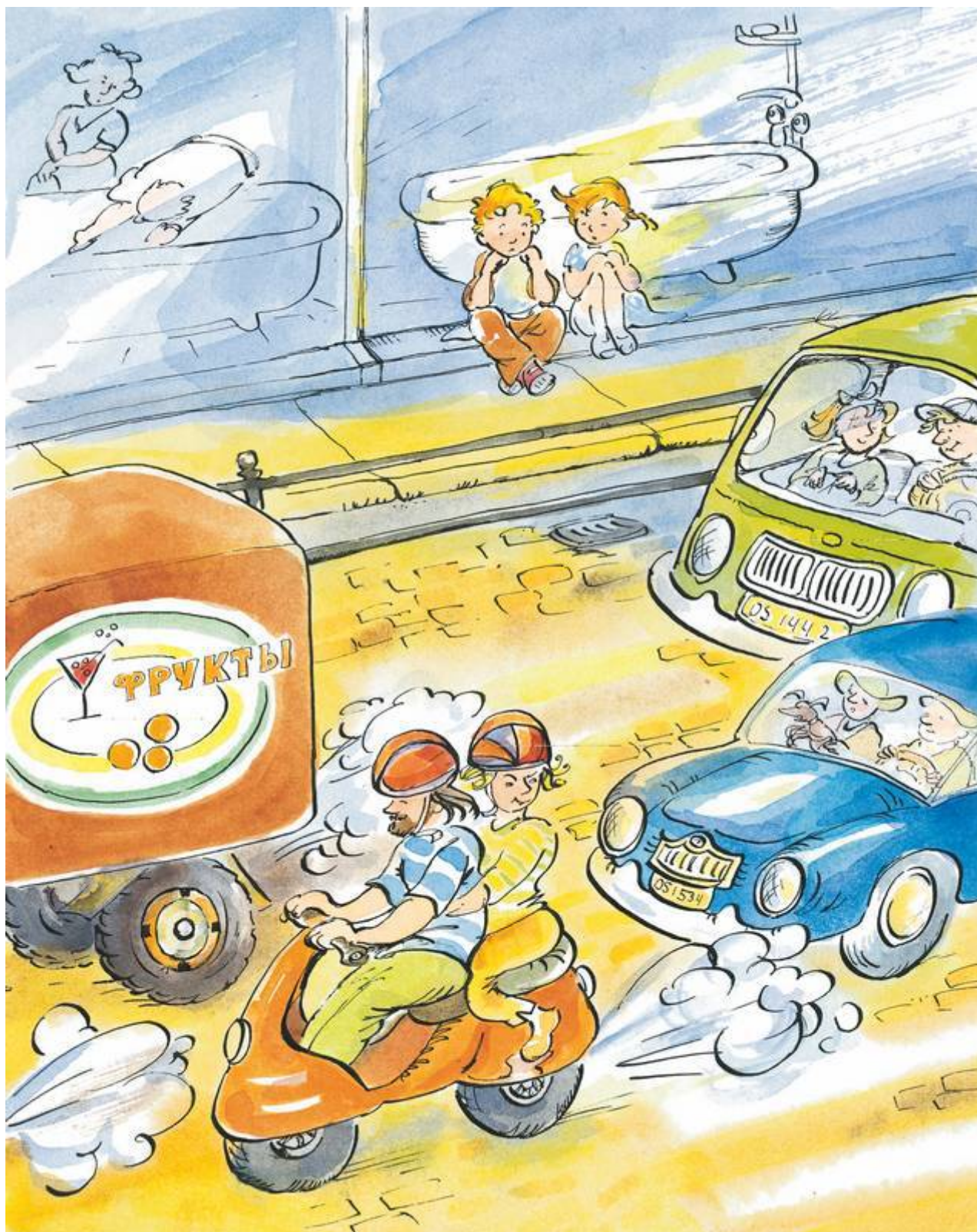
Они о чём-то пошептались с мамой и выскользнули на лестницу.

Они шли, взявшись за руки, и разглядывали все проезжавшие мимо грузовики. А грузовиков было очень много.

Когда им случалось увидеть зелёный грузовик, они подбегали к нему, заглядывали ему в лицо, но тут же оказывалось, что это чужой. Да, да, не удивляйтесь, у их грузовика было своё собственное лицо, так же, как у человека. К тому же у него был покосившийся кузов, потому что за свою жизнь грузовик перевёз очень много тяжёлых грузов.

Нет, не так-то просто найти свой грузовик. Но они должны найти его, потому что без грузовика папа и мама никогда уже не будут весёлыми и папа не сможет зарабатывать деньги. Конечно, есть другая работа, но он уже не будет любить её, потому что больше всего на свете он любил водить свой грузовик.

У Моны устали ноги.

— Давай посидим немножко, — сказала она и подошла к большой витрине с широким низким карнизом, на который можно было присесть.

— Что ж, посиди, — разрешил Мадс. — Ты только не раскисай, а то мы никогда не найдём грузовик.

По правде говоря, Мадс не очень-то надеялся найти грузовик. Вчера вечером, лёжа в постели, он был уверен, что найдут грузовик именно они, но сегодня на улице, видя бесконечный поток машин, он почти потерял надежду. Чепуха, из этих поисков всё равно ничего не выйдет! Но ему не хотелось говорить об этом Моне.

Лучше уж притвориться, будто он верит, что они найдут грузовик. А вдруг это поможет?

— Посмотри, какие красивые ванны, — сказала Мона, — может, и у нас когда-нибудь будет такая!

— Тогда нам придётся подвесить её к потолку, — буркнул Мадс. — Ты лучше смотри на грузовики, а не на ванны.

— У меня уже глаза устали от этих грузовиков!

— Тогда закрой глаза и слушай моторы, ты же знаешь, какой у нашего мотора голос.

— Знаю! — Мона крепко зажмурила глаза и стала слушать.

Сначала было страшно, ей казалось, что все машины едут прямо на неё. Сперва шум мотора слышался издали, потом он всё приближался и приближался и наконец ревел у неё над ухом с такой силой, что Мона от страха не могла дышать. Но постепенно звук затихал — машина удалялась. Скоро Мона перестала пугаться и даже чуть не задремала под шум моторов.

Вдруг она вскочила:

— Мадс, послушай-ка! Закрой глаза и слушай. Похоже?

— Похоже. Очень!

Он моментально открыл глаза, но — увы! — по улице ехал не зелёный, а ярко-красный грузовик.

Грузовик подъехал и остановился прямо перед ними. Из него вышел мужчина. Некоторое время он с довольным видом разглядывал свой грузовик. Потом он вошёл в магазин, где продавались ванны.

Мадс подошёл к грузовику и осмотрел кузов.

— Такой же кривой, как у нашего, — сказал он. — Не понимаю, неужели могут быть на свете два таких похожих грузовика?

— Поймай, Мадс, — вдруг закричала Мона, — смотри, ты весь вымазался в красной краске! Что теперь скажет мама!

— В краске? — удивился Мадс, и, хотите верьте, хотите нет, он был доволен. — Значит, грузовик выкрашен совсем недавно!

Мадс обошёл грузовик со всех сторон.

— И лицо у него совсем как у нашего. Как ты думаешь, стоит заглянуть в кабину?

— Давай, только быстро! Я покараулю.

Не прошло и минуты, как Мадс вылез из кабины.

— Это наш грузовик, Мона! — закричал он.

К ним подошёл полицейский.

— Что вы здесь делаете? — строго спросил он.

— Это наш грузовик. Его у нас украли, — затараторили Мадс и Мона разом. — А мы его нашли. Понимаете, это наш грузовик! Нам никак нельзя без него, ведь он нас всех кормит, всех-всех: и папу, и маму, и восемь детей.

— Какой был грузовик у вашего отца? — спросил полицейский.

— Зелёный, — ответила Мона.

— А этот красный. — Полицейский прислонился к кузову. — Я понимаю, что вы хотели помочь своему отцу, но на этот раз вы ошиблись.

— Ой, господин полицейский, не прислоняйтесь! — закричал Мадс. — Смотрите, вы испачкались в красной краске. Я тоже весь в краске.

— Ага! Значит, грузовик только что выкрашен. Подозрительно! — сказал полицейский.

— Хотите, я сразу докажу, что это наш грузовик? — спросил Мадс.

В это время из магазина вышел мужчина, который приехал на грузовике.

— Это ваш грузовик? — спросил полицейский.

— Конечно, — ответил мужчина.

— Тогда спросите у него, что в кабине под сиденьем, — сказал Мадс.

Мужчина немного смутился, но ответил:

— Не помню точно, кажется, замша для протирки стёкол.

— А я знаю точно! — гордо заявил Мадс.

— Ну что? — спросил полицейский.

— На обратной стороне сиденья папа приклеил фотографии мамы, Марен, Мартина, Марты, Моны, Милли, Мины, Малышки Мортена и мою, — сказал Мадс.

— Сейчас увидим, — сказал полицейский. — Тащи сюда сиденье.

Мадс залез в кабину, вытащил сиденье, и там действительно были приклеены все девять фотографий.

Мужчина, приехавший на грузовике, стал очень серьёзным. Вдруг он улыбнулся.

— Да это же моя жена и мои дети, — сказал он.

— Неправда, — возразила Мона. — Мы не твои дети, а это наши фотографии.

— Как — не мои! Конечно мои! — Он повернулся к полицейскому. — Просто они очень непослушные, я не могу с ними справиться.

— Тогда скажи, как меня зовут! — потребовал Мадс.

— М-М-М-Монс! — испуганно сказал мужчина.

— Ничего подобного. Меня зовут Мадс!

— Ну хватит, — сказал полицейский. — Мне всё ясно!

— Это верно, я украл грузовик, — произнёс мужчина. Теперь вид у него был жалкий-прежалкий. — Мне всегда очень хотелось править грузовиком. Однажды мне даже нагадали, что я буду шофёром. Этот грузовик выглядел таким одиноким, когда я нашёл его, что я решил взять его хоть на недельку.

— Ладно, ладно, пойдёшь со мной в участок и там объяснишь, как всё случилось, — сказал полицейский. — До свиданья, ребята! Сейчас я пришлю к вам дежурного, он отвезёт вас домой на вашем грузовике. Ключ, я вижу, на месте.

— До-до свиданья!.. — растерянно произнёс мужчина.

Он смотрел на пакет, который держал в руке.

— Собственно, я купил это для грузовика, — сказал он. — Здесь стаканчик для цветов. Будет очень красиво, если вы прикрепите его к окну кабины.

Мадс взял пакет и вежливо поклонился мужчине. Тот пошёл вместе с полицейским, вид у него был такой несчастный, что Моне и Мадсу стало его жалко.

— Приходи к нам в гости! — крикнул Мадс ему вслед. — Папа даст тебе покататься на грузовике. Мы живём там, где ты его нашёл.

Мужчина очень серьёзно кивнул Мадсу и пошёл дальше.

А счастливые Мадс и Мона влезли в кузов. Наконец пришёл другой полицейский, завёл мотор, и грузовик тронулся.

Проехав немного, они увидели Марен, Мартина и Марту, которые медленно брели по улице и пристально рассматривали все зелёные грузовики.

Мадс постучал в окошечко кабины и попросил полицейского остановиться.

— Эй! — крикнул он Марен, Мартину и Марте. — Идите сюда, садитесь!

Они забрались в кузов, но лица у них были расстроенные.

— Вообще-то у нас нет времени разъезжать на машине, но уж очень ноги устали, — сказала Марен.

— Куда же это вы так спешите? — спросил Мадс.

— Мы ищем папин грузовик, — торжественно ответил Мартин.

— Тогда взгляните получше, на чём вы едете, — сказал Мадс.

Вот была радость, когда они вернулись домой вместе с грузовиком! Но больше всех радовался сам грузовик! Ведь он уже давно привык к этой семье и не мог даже представить себе, как это можно служить кому-нибудь другому. Ну а то, что он из зелёного стал красным, ему даже нравилось.

В город приезжает бабушка

Представляете, как трудно одеть такую большую семью? Счастье ещё, что они могли друг за другом донашивать одежду: Марта после Марен, Мона после Марты, Милли после Моны, Мина после Милли, Мадс после Мартина, а Малышка Мортен носил всё после всех, но тогда все вещи были уже такие изношенные, что маме приходилось вырезать из них куски поцелее и из этих кусочков шить ему штаны.

Мортену очень нравилось, что у него штаны получались разноцветные. Когда ему становилось скучно, он мог без конца разглядывать разноцветные лоскутки материи, из которых была сшита его одежда.

Зато у каждого из детей был свой собственный тазик для умывания. И эти тазики не переходили по наследству от одного к другому.

Каждый вечер дети по двое шли на кухню и умывались.

Первыми шли Малышка Мортен и Мина. Мама помогала им умываться, потом наливала в их тазики чистую воду, сыпала туда немного стирального порошка и спрашивала:

— Есть у вас сегодня что-нибудь грязное?

«Что-нибудь грязное» находилось почти всегда. Мортен и Мина опускали своё бельё каждый в свой тазик.

Точно так же поступали все остальные. Ночью в кухне на столе стояло подряд десять тазиков, и в каждом мокло грязное бельё. Рано утром мама наливала в них горячую воду, и каждый самостоятельно, как умел, принимался за стирку. Мама помогала всем понемножку, наливала воду

для полоскания, и вскоре она уже вешала чистое бельё на верёвку, которая была протянута от кухонного окна через весь двор к другому дому.

И каждый день верёвка была полна.

Однажды, когда все были заняты стиркой, через щёлку в двери в почтовый ящик вдруг упало письмо.

Все быстро побросали мокрое бельё и кинулись к ящику.

— Не трогайте письмо мокрыми руками! — закричала мама, бегая по кухне в поисках полотенца.

Папа вытер руки о штаны, Мортен последовал его примеру. Мона, Милли и Мина вытерли руки о мамин передник, а Марен, Мартин и Мадс схватили какую-то тряпку. Все старательно вытирали руки.

Да, из-за письма случился целый переполох.

Конечно, вы скажете, что в получении писем нет ничего удивительного, что вы тоже получали письма, и не один раз. Но это письмо было от старенькой бабушки, которая жила в деревне и очень не любила писать писем.

Давно-давно они уже ничего от неё не получали. Конечно, бабушке было трудно написать это письмо, ведь с тех пор, как она училась в школе, прошло уже шестьдесят лет, а за это время легко и позабыть, как выглядят буквы.

— Можно, я разрежу конверт? — спросил папа, вооружившись большим кухонным ножом.

Но мама испугалась.

— Этим ножом ты разрежешь на кусочки всё письмо, — сказала она. — Лучше уж я сама его вскрою.

Она вытащила из волос шпильку и разрежала ею конверт так ловко, будто всю жизнь только и делала, что открывала шпилькой конверты. Затем она сунула шпильку в рот и стала читать.

— «Ои-о-о-ие!»

— Что ты читаешь? — перебил её папа. — Мы ничего не понимаем. Нельзя же одновременно жевать шпильку и читать.

— И то правда, — согласилась мама, воткнула шпильку в волосы и прочла: — *«Мои дорогие! Я уже десять лет копила копилку».*

— Какую копилку? — спросил папа.

— Обыкновенную, — ответила мама. — Слушай дальше:

«И теперь у меня так много денег, что я могу поехать и навестить вас всех. Очень будет весело увидеть всех ваших детей. Сколько их теперь штук? Надеюсь, я вас не стесню. Ночью я могу сидеть на стуле или вы можете подвесить меня к потолку, потому что я сплю крепко и где угодно. Я выеду во вторник и думаю, что вы меня встретите на вокзале, потому что я раньше никогда не бывала в таком большом городе.

Целую. Бабушка».

— Боже мой! — воскликнул папа. — Неужели нам придётся подвешивать её к потолку?

— Не знаю, — ответила мама. — Во всяком случае, мы должны навести порядок к бабушкиному приезду. Сегодня понедельник, и, если не ошибаюсь, она приедет завтра утром.

— Я поеду, попробую достать матрас, он всё равно пригодится, будем мы подвешивать его к потолку или нет, — сказал папа и уехал на красном грузовике.

Мама и младшие дети сразу же принялись печь печенье. А старшим пришлось идти в школу, но, вернувшись из школы, они схватили свои матрасы, вынесли во двор и стали их выколачивать с таким жаром, что поднялось целое облако пыли. Потом они мыли, скребли и чистили квартиру, чтобы всюду было чисто и красиво.

Папа приехал домой с тюфяком и целым рулоном красной бумаги для украшения.

К вечеру все ужасно устали, и дети моментально уснули.

Папа и мама тоже клевали носом, но у них было ещё много дел. Прежде всего предстояло сделать восемь плакатов. На каждом плакате было написано имя. Ведь бабушка даже не знала, сколько у неё внуков. Ясно, что она и понятия не имела, как их всех зовут.

На другой день вся семья отправилась на вокзал на грузовике. Они вышли на перрон, выстроились в шеренгу и стали ждать. У каждого на шее висел плакат.

Вдруг загрохотало вокзальное радио.

— Что оно сказало? — спросили дети.

— Оно сказало, что бабушкин поезд подходит к перрону, — ответила мама.

И все увидели, как, пыхтя и фырча, подъехал бабушкин паровоз. Он тащил за собой много вагонов.

— Вот она и приехала, — прошептала Марта. — Не проворонить бы её.

Папа, мама и восемь детей встали на цыпочки и заглядывали в окна вагонов, но бабушки нигде не было.

— Не волнуйтесь, не волнуйтесь, — сказала мама. — Подождём её здесь, сейчас она выйдет из вагона.

Из поезда вышло много людей. Среди них оказалось немало старушек, но бабушки всё не было. Наконец вышел последний пассажир, и поезд опустел.

— Может, бабушка вовсе и не приехала? — спросила Мона, чуть не плача.

— Непременно приехала, — твёрдо сказала мама. — Сейчас мы пройдем по вагонам и поищем её.

Вагоны стояли совсем пустые, но когда они заглянули в одно купе, дверь которого была приоткрыта, то в самом дальнем уголке увидели старушку в белом платочке. Она сидела низко опустив голову и закрыв лицо руками. Это и была бабушка.

— Зачем же ты здесь спряталась? — спросила мама.

— Боюсь выходить, — сказала бабушка. — Здесь, в городе, так шумно.

— Чего ты боишься? Ведь мы все с тобой и будем тебя охранять.

— А я думала посидеть здесь, пока поезд не повернется и не пойдёт обратно. Всё равно ведь будет считаться, что я побывала в городе.

— Так не годится, — решительно заявила мама. — Ты должна погостить у нас хоть немного.

— Боюсь выходить на улицу, там столько автомобилей, — сказала бабушка.

— Не бойся, бабуска, я пелеведу тебя челез дологу, — сказал Малышка Мортен.

Тогда бабушка согласилась. Она крепко взяла за руку Малышку Мортена и вместе с ним вышла на улицу.

Бабушка была счастлива, когда наконец они добрались до дому. Их квартира показалась ей очень красивой. Да оно и неудивительно — ведь все горшки с цветами, стены и потолок были украшены красной бумагой.

Теперь бабушка как следует разглядела всех внуков и выучила наизусть их имена.

После этого она села у окна и просидела там остаток дня.

Когда был готов кофе, она взяла свою чашку и поставила её на подоконник.

— Почему ты всё время сидишь у окна? — спросил бабушку Мадс.

— Считаю автомобили, — ответила бабушка. — Сто восемь, сто девять...

Она сидела у окна, пока не стемнело.

— Я насчитала тысячу восемьдесят автомобилей, — сказала она. — Не так уж плохо для первого дня. Можно, я посижу ночью на стуле, может, насчитаю ещё немного?

— Нет, что ты, — сказала мама, — ложись лучше спать. Мне очень интересно, как тебе понравится твоя постель.

Мама открыла дверь в кухню: там, на кухонном столе, была устроена постель для бабушки.

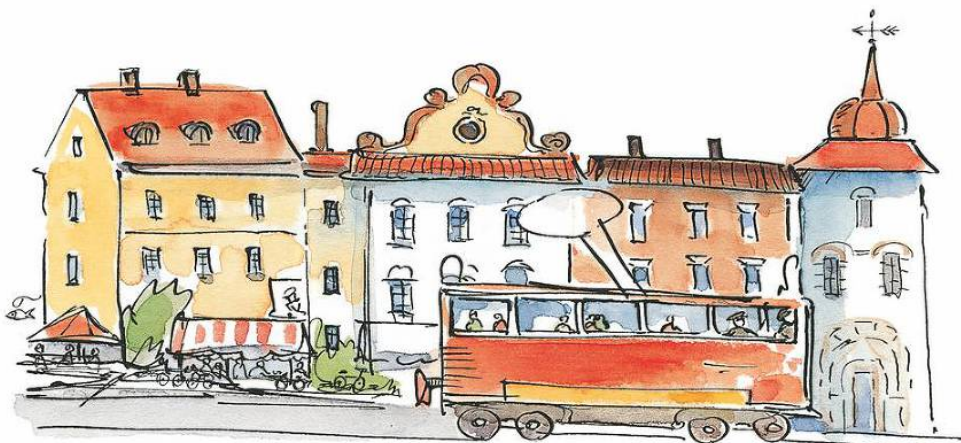
— Как интересно! — сказала бабушка. — Мне ещё ни разу в жизни не приходилось спать на столах!

Вам, может быть, тоже не приходилось спать в кухне на столе? Во всяком случае, бабушке спалось так хорошо, что она тут же решила прожить у папы, мамы и восьми детей целую неделю. Вы, конечно, догадались, что все этому очень обрадовались.

В этот вечер одиннадцать тазиков с грязным бельём выстроились в ряд на полу, потому что кухонный стол был занят.

Бабушка катается на трамвае

Первые два дня бабушка, не двигаясь, сидела у окна и считала автомобили. Но на третий день она даже не взглянула в окошко. Она несколько раз прошлась по комнате, и было видно, что ей как-то не по себе. Может быть, бабушке скучно?

Мона сидела и смотрела на неё. Ей было страшно досадно. Ведь она думала, что когда бабушка приедет в город, то они с ней будут ходить на прогулки каждый день. Но бабушка всё время просидела возле этого дурацкого окна.

Вот если бы придумать что-нибудь такое интересное, чтобы бабушке непременно захотелось пойти с ними!

— Бабушка, ты видела королевский дворец? — спросила Мона.

— Нет, папа обещал отвезти меня туда на грузовике, — ответила бабушка.

— А-а! — Мона была недовольна: видно, ничего не получится. Но вдруг ей в голову пришла счастливая мысль: — А ты ездила когда-нибудь на трамвае?

— Нет, конечно, да и не поеду. Это

очень дорого и опасно, — ответила бабушка.

— Ни капельки не опасно, — сказала Мона, — и не очень дорого: пятьдесят эре за взрослого, двадцать пять — за ребёнка. Мы с Милли можем покатасть тебя на трамвае: у нас сегодня много свободного времени.

— А в трамвай трудно влезать? — спросила бабушка.

— Нисколько, тебе кондуктор поможет, — уговаривала бабушку Мона. — Он тебе и выйти поможет.

— Неужели? — Бабушка порылась в маленьком тряпичном мешочке, где она хранила деньги. — Я ещё ничего не решила. Я просто считаю своё состояние... Ну хорошо, — сказала она наконец, — давайте уж поедем на трамвае.

— Я взяла у мамы три кусочка хлеба, — объявила Мона. — Мы сможем позавтракать, если проголодаемся.

Девочки взяли бабушку за руки и повели к выходу.

— Счастливого пути! — крикнула им вслед мама. — Мы будем обедать в три часа.

Когда они вышли на улицу, бабушка на минутку остановилась. Три дня она просидела у окна и думала, что уже привыкла к автомобилям, трамваям и к городскому шуму. Но сидеть у окошка было просто, а здесь бабушке казалось, что она непременно попадёт под машину.

— Надо перейти дорогу, — сказала Мона. — Сначала посмотрим налево, потом направо, потом опять налево, и, если машин нет, можно идти. Ну, пошли!

Милли и Мона потянули бабушку за собой, но, дойдя до середины мостовой, бабушка остановилась и закричала:

— Ой, боюсь!

— Ну, бабушка, ну, милая, здесь же нельзя стоять. Идём скорей! Бежим, вон машина!

— Ой, она едет прямо на нас! — испугалась бабушка, но с места не двинулась.

Она только закрыла глаза и ждала, когда её задавят.

Но шофёр в машине увидел старушку и двух маленьких девочек. Он остановил машину и загудел в рожок.

— Ты что, бабушка, окаменела, что ли? — крикнул он.

— Вроде того, — ответила бабушка, снова взяла за руки Мону и Милли и наконец перешла улицу.

Так они пришли на трамвайную остановку. Там стояло несколько человек, все ждали трамвая. Бабушка кивнула им и заулыбалась:

— Вот как, значит, вы тоже хотите покататься на трамвае?

Сначала все удивлённо посмотрели на бабушку, но потом тоже закивали ей. Бабушка выглядела такой доброй и домашней в своём белом платочке, что было бы довольно глупо стоять с кислой миной и не отвечать на её приветствие.

Подошёл трамвай.

— Пожалуйста, пожалуйста. — Кондуктор помог бабушке подняться на площадку, а Мона и Милли вошли следом.

Бабушка протянула кондуктору деньги.

— На одну остановку, пожалуйста, — попросила она.

— Один взрослый и два ребёнка — с вас одна крона, — сказал кондуктор.

Дзинь-дзинь-дзинь! — зазвенел трамвай и тронулся.

— Вот мы и поехали, — радостно сказала бабушка.

Когда трамвай остановился на следующей остановке, бабушка приготовилась к выходу.

— Нет, нет, бабушка, — испугалась Мона, — зачем ты выходишь? Мы ещё мало проехали!

— Но у нас ведь нет больше денег, — шепнула ей бабушка.

— А мы на эти деньги можем ехать до самого конца, — объяснила Мона.

— Правда? Тогда, конечно, неплохо бы прокатиться ещё немножко.

— Девочка совершенно права, — сказала дама, сидевшая рядом. — Вы можете ехать за эти деньги до конечной остановки.

— Ну, лучше и быть ничего не может, — обрадовалась бабушка. — Садитесь, едем дальше.

Теперь она могла спокойно наслаждаться поездкой. Она уселась поудобнее, смотрела в окно, улыбалась и кивала всем пассажирам.

Бабушка могла бы ехать так целый день, но в конце концов трамвай остановился, и все пассажиры вышли.

— Дальше трамвай не пойдёт, надо выходить, — сказала Мона.

— Ну что ж, пошли, — вздохнула бабушка.

Оттуда, куда их привёз трамвай, был виден весь город.

— Ой, сколько домов! — воскликнула бабушка. — Неужели во всех живут люди? А как же нам теперь найти дорогу к тому дому, в котором живём мы?

— Но ведь трамвай пойдёт обратно, — сказала Милли.

— На трамвай у нас больше нет денег, — ответила бабушка.

— Давайте пойдём по трамвайным рельсам и так дойдём до нашего дома, — предложила Мона.

Так они и сделали. Сначала всё шло хорошо. Бабушка заглядывала во все окна и была очень довольна прогулкой.

Но вот они подошли к перекрёстку, на котором сходилась сразу много трамвайных путей. Рельсы разбегались в разные стороны, и никто из троих не знал, в какую сторону идти дальше. Теперь даже Мона не знала, что им делать. Она показала пальцем наугад и сказала:

— Туда!

Бабушка шла и шла мелкими шажками. Мона и Милли уже начали уставать, а бабушка шла всё так же легко.

— Бабушка, ты никогда не устаёшь? — спросила Милли.

— Иногда устаю, — ответила бабушка, — но я привыкла в деревне ходить в лавку, а до неё час пути и два обратно.

Но через некоторое время устала даже бабушка, поэтому она очень обрадовалась, увидев впереди парк.

— Пойдём отдохнём немножко, — предложила она.

Они нашли удобную скамейку, и Мона вытащила пакет с завтраком. Они отдыхали и ели хлеб, который им дала на дорогу мама. Потом Милли и

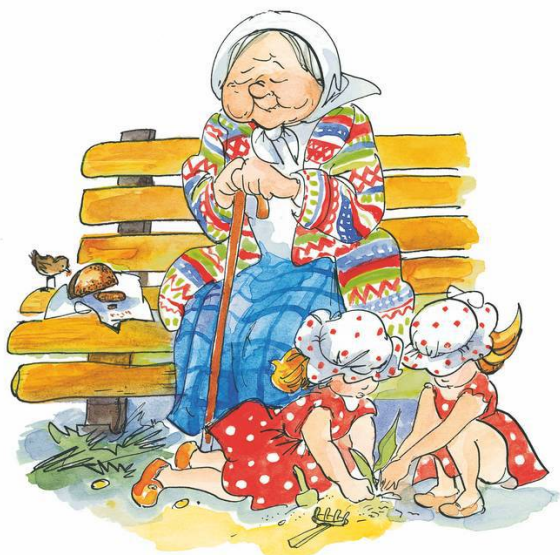
Мона играли в песок, а бабушка сидела на скамейке. Она покивала-покивала головой и крепко заснула.

Вдруг Мона сказала:

— Милли, видишь того человека, что сидит на скамейке напротив бабушки? Я его знаю.

— У которого такой грустный вид?

— Да! Это он тогда украл наш грузовик и так ловко перекрасил его в красный цвет.

— Он?!

— Да, Мадс приглашал его к нам в гости, но он почему-то так и не пришёл.

— Может, он боялся? Ведь мы все очень на него сердились.

— Наверное. Давай его спросим, — предложила Мона, — а ты пока разбуди бабушку.

Она подошла к мужчине. Он сидел, глядя прямо перед собой, и, очевидно, думал о чём-то очень грустном, потому что Моне пришлось дважды потрясти его, прежде чем он её заметил.

— Ты меня узнаёшь? — спросила она.

Сначала он покачал головой, но потом сказал:

— Узнаю. Это ты нашла меня тогда с вашим грузовиком? — Он грустно вздохнул: — С тех пор я так ни разу и не ездил на грузовиках.

— Пойдём к нам, — пригласила его Мона. — С бабушкой, Милли и со мной. Ты пообедаешь с нами, а папа будет очень рад с тобой

познакомиться — ведь ты так любишь грузовики. Вы можете побеседовать о моторах и о всяком таком. И ты нам покажешь дорогу, потому что мы заблудились.

— Правда? — недоверчиво спросил мужчина.

— Тебя как зовут?

— Хёнрик.

— Бабушка, Хенрик проводит нас домой! Теперь не страшно, что мы заблудились.

А дома папа и мама уже начали беспокоиться. Только папа собрался отправиться на поиски, как на лестнице раздался голос Моны:

— Нет, нет, Хенрик, ты обязательно должен зайти!

Мужской голос ей ответил:

— Не могу, мне стыдно. Я тогда так плохо поступил.

— Это ещё что за глупости! — услышали они бабушкин голос. — Входи, Хенрик, поешь с нами.

Дверь распахнулась, и они втроём втокнули Хенрика в кухню.

— Добрый день, — сказал он. — Право, не знаю, удобно ли мне приходить к вам...

— Конечно удобно! — ответил папа.

— Он нас спас! — объявила Мона. — Если бы не Хенрик, то мы не добрались бы домой и к ночи.

— Ни за что бы не добрались, — поддержала её бабушка. — Я уже решила ночевать на скамейке в парке.

— Милости прошу всех к столу, — сказала мама.

— И меня тоже? — спросил Хенрик.

— Конечно, — ответила мама.

Дети сидели и смотрели на Хенрика круглыми от удивления глазами. И бабушка тоже. Они никогда в жизни не видели такого голодного человека. Он ел, и ел, и ел, а мама всё время ему подкладывала.

— Ты так и не нашёл никакой работы? — спросил папа.

Хенрик жевал, глотал и мотал головой.

— Может, хочешь работать со мной? — предложил папа. — У меня столько дел, что мне одному за день не управиться.

— Ты предлагаешь мне работу? Но ведь это же я тогда украл твой грузовик!

— Но ты так хорошо с ним обращался. А уж если брать помощника, то человека, который по-настоящему любит машины.

Бабушка сидела, кивала и смотрела на Хенрика.

— По-моему, совсем неплохо, что я сегодня поехала кататься на трамвае, — сказала она.

Хенрик улыбался во весь рот.

— Сколько ты ещё пробудешь в городе, бабушка? — спросил он.

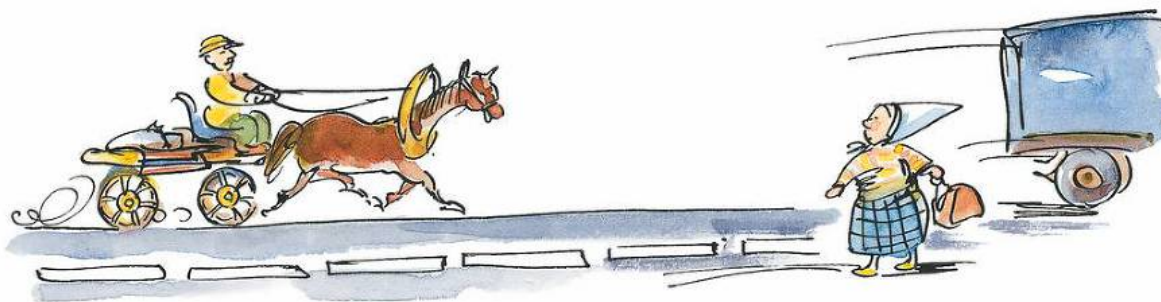
— Ещё четыре дня, — ответила бабушка. — А теперь спокойной ночи, всем спокойной ночи. Я забираюсь на свою постель и ложусь спать, потому что я страшно устала.

И неудивительно, что бабушка так устала, — ведь она сегодня очень много прошла пешком.

А теперь она будет спокойно спать до следующей главы.

Бабушка уезжает домой

Ещё три дня прошли быстро и незаметно. Как-то вечером мама сказала бабушке:

— Как жаль, что тебе уже скоро ехать. Может, погостишь у нас подольше?

— Нет, спасибо, — ответила бабушка. — Мне надо домой.

— Небось радуешься, что скоро будешь дома? Тебе, верно, надоело спать у нас на столе?

— Ну что ты! Так даже интереснее. Только, знаешь, там, дома, все будут волноваться. — И бабушка глубоко вздохнула, потому что вспомнила, что у неё нет денег на билет до дому.

Она села возле окна и просидела так весь день.

Всем хотелось пойти погулять после обеда, погода была тёплая, но бабушка никуда не пошла.

— Вы идите, а я посторожу дом, — предложила она.

Мадс остался с бабушкой. Весь день он украдкой наблюдал за ней и видел, что она чем-то опечалена. Он всё время размышлял, отчего бы это. Может, бабушке кажется, что у них слишком шумно?

— Почему ты такая грустная? — спросил он наконец. — Завтра ты, правда, уедешь домой в деревню, но ведь ты ещё приедешь к нам?

— Не в этом горе, — вздохнула бабушка. — Мне у вас очень хорошо, но, знаешь, мне не на что ехать домой.

Бабушка начала тихонько всхлипывать. Мадс подсел к ней поближе и погладил её по щеке.

После этого бабушка заплакала громче и рассказала ему о том, что у неё нет денег на дорогу и что она не решается сказать об этом папе и маме. Она рассказала Мадсу о копилке, в которой оказалось слишком мало денег. Возможно, было бы благоразумнее не приезжать в город, но ей так хотелось повидать папу, маму и всех восьмерых детей!

— Теперь ты знаешь, что мне не до веселья, — закончила она свой рассказ. — Если бы у меня была здесь шерсть, я бы могла за ночь связать варежки и продать их, но вся шерсть осталась дома.

Мадс принялся искать выход. Он думал так сосредоточенно, что у него чуть голова не лопнула.

— Не бойся, бабушка, мы что-нибудь придумаем, — сказал он. — Положись на меня и не грусти.

Он сказал это так уверенно, что бабушка сразу успокоилась. Она посмотрела на Мадса, улыбнулась и сказала:

— Уж я положусь на тебя, но только обещай, что ты никому не скажешь ни слова.

— Ни за что.

Он смотрел на бабушку и мечтал только об одном: придумать, что ей делать. Но, увы, это было не так-то просто.

У Мадса не было денег, да и ни у кого из детей не было денег. И он обещал не говорить папе с мамой. Но он всё равно что-нибудь придумает, в этом он был твёрдо уверен.

— Я пойду на кухню и подумаю там, — сказал он.

— Хорошо. Я подожду тебя здесь.

Мадс долго сидел на кухне. Он сидел, подперев голову руками, и думал. И когда он вернулся, он уже кое-что придумал.

Бабушка по-прежнему сидела у окна.

— У меня есть один интересный план, — сообщил Мадс. — Но его не так-то легко осуществить.

— Какой? — спросила бабушка.

Она повеселела, услышав, что предстоит нечто интересное.

— Ты будешь голосовать.

— А что это такое?

— А это такой способ ездить на автомобилях. Многие таким образом путешествуют целое лето, не имея ни эре. Они выходят на шоссе, вытягивают руку и поднимают большой палец, автомобиль останавливается и забирает их с собой. Ты ведь едешь одна, тебе много места не нужно, и ты так симпатично выглядишь.

— Просто поднять большой палец? Никогда в жизни ничего подобного не слышала!

— Ты можешь выехать из города на трамвае и немного пройти по шоссе, прежде чем начнёшь голосовать. У тебя ведь есть немножко мелочи на трамвай?

— А что скажут папа, мама и дети, ведь они захотят проводить меня на вокзал? Что же нам делать?

— Ты встанешь пораньше и оставишь им письмо, а я провожу тебя до трамвая.

— Ты умница, Мадс. Что ж, давай так и сделаем.

— А ты проснёшься утром? — спросил Мадс. — Заводить будильник нельзя, а то мы всех перебудим.

— Это пустяки, — сказала бабушка. — Раньше, когда я была коровницей, я просыпалась без всякого будильника. Я только говорила себе: «Ты должна проснуться в пять», и просыпалась ровно в пять, и шла доить.

— Красота! — обрадовался Мадс. — Пиши скорее письмо, пока они не вернулись домой.

Времени оказалось в обрез, потому что, как только бабушка закончила письмо и спрятала его в карман юбки, на лестнице послышались шаги.

— Ну вот мы и все вместе, — сказала мама и пересчитала всех по порядку.

Папа, мама, бабушка и восемь детей — все были на месте.

— А теперь у нас будет прощальный ужин в честь бабушки, — сказала мама.

Она приготовила кофе и вынула из шкафа большой красивый торт, который испекла днём.

Больше бабушка не грустила. Она знала, что в конце концов всё будет в порядке.

Когда немного спустя бабушка улеглась на своём столе, она вздохнула глубоко-глубоко и сказала самой себе:

— Помни: завтра ты должна проснуться очень рано, — и заснула.

— У бабушки, верно, дорожная лихорадка, — заметила мама. — Она легла не раздеваясь.

— Ммм, — промычал папа, он очень устал и мгновенно уснул.

Мама тоже быстро уснула, и, когда рано утром бабушка проснулась, все крепко спали.

Бабушка села на своей постели и посмотрела на часы, которые висели на шнурке у неё на шее. Как раз пять часов, время вставать.

Бабушка не зря спала одетой, она взяла ботинки в руки, вошла в комнату и осторожно потянула Мадса за ухо. Разбудить Мадса оказалось не так-то легко: он спал очень крепко. Но ведь она обещала разбудить его и должна была сдержать слово. Бабушка несколько раз потянула его за ухо, прежде чем он зашевелился и сел на постели, протирая глаза.

— Ну, я иду, — шепнула бабушка.

Она положила письмо на комод и тихонько вышла за дверь.

Мадс не заставил себя долго ждать. Он схватил одежду под мышку — в коридоре одеваться легче, чем в комнате, где нельзя шуметь. Кроме одежды, он захватил пакетик с едой, который приготовил заранее.

— Пока всё хорошо, — сказала бабушка. — Но мы будем в безопасности, только когда выберемся из дома.

Мадс кивнул. Он быстро оделся, и они спустились по лестнице.

Теперь бабушка совсем не боялась переходить через улицу. Так рано на улице не было видно ни троллейбусов, ни трамваев.

— Наверное, трамваи ещё не ходят, — сказал Мадс, когда они пришли на остановку. — Я захватил для тебя бутерброд. На, поешь пока.

— Вот хорошо, — обрадовалась бабушка. — Я проголодалась. Хорошо бы ещё кофейку попить. Но

тут уж ничего не поделаешь.

Бабушка с облегчением вздохнула, когда наконец пришёл трамвай: она всё время боялась, что папа с мамой проснутся и пойдут её искать.

— Теперь справишься одна?

— Да, да. Спасибо, что проводил, спасибо за всё. Напишу, как приеду домой, — говорила бабушка.

Трамвай тронулся, и бабушка с Мадсом замахали друг другу на прощание.

Мадсу вдруг стало грустно, что бабушка уже уехала. А хорошо ли он сделал, что отправил её из города таким образом? А вдруг она не доедет до дома? Конечно, ему следовало поговорить сначала с папой или с мамой. Но ведь бабушка просила, чтобы он никому ничего не рассказывал. Мадс заторопился домой. Он вошёл в комнату и забрался под одеяло. Все спали, кроме Малышки Мортена. Он сидел на своём матрасике и во всё горло распевал песни. Но все так привыкли к его песням, что от них никто не просыпался. Спали себе и спали.

А тем временем бабушка доехала на трамвае до конечной остановки, вышла из вагона и потихоньку пошла по шоссе.

«Хорошо немного пройтись, — думала она. — Уж очень ноги занемели от этого сидения в трамвае».

По шоссе проехало несколько машин. Грузовики куда-то очень спешили. Бабушка остановилась и подняла большой палец. Ведь Мадс сказал, что надо сделать именно так. Ох! Как-то стыдно стоять так, точно кому-то показываешь кукиш!

Лучше пройти ещё немного. Но дорога пошла в гору, и бабушка скоро устала. Может, всё-таки попробовать?

Она остановилась и посмотрела на шоссе. Далеко внизу она услышала шум мотора. Да, это грузовик. Вокруг него поднималось большое облако пыли.

Бабушка отошла к самому краю дороги и, когда автомобиль приблизился, вытянула вперёд руку, подняв большой палец. Но это не помогло. Шофёр даже не заметил бабушку и проехал мимо.

— Не вышло, — вздохнула бабушка. — Наверное, надо быть порешительней.

Следом шёл ещё один грузовик. На этот раз бабушка уже не отходила к самому краю дороги, а размахивала рукой, оттопырив большой палец. Шофёр просто не мог не остановиться.

— Что случилось, бабушка? — спросил он.

— Да вот видишь, я здесь голосую, — ответила бабушка.

— Ах так, ну садись, пожалуйста, только я недалеко.

— Ну что же, и на том спасибо.

Метров через двести машина свернула к большой усадьбе, и бабушке пришлось слезть: дальше им было не по пути.

— Счастливого путешествия! — крикнул шофёр.

— Спасибо, — ответила бабушка и побрела дальше.

Мимо неё проезжало много машин. Но казалось, что теперь они спешат ещё больше, чем раньше. А может, они просто ехали вперегонки. Ни у кого не было времени останавливаться. Некоторые смеялись, когда видели, как бабушка стоит, шевеля большим пальцем. Они думали, что это просто шутка. Не может быть, чтобы старая женщина разъезжала таким способом.

Бабушка присела на пенёк у дороги. Нет, видно, сегодня ей до дому не добраться. Не так-то просто остановить на дороге грузовик. Бабушка поклевала носом и заснула.

А в городе тем временем все проснулись. Мама нашла на комодѣ бабушкино письмо:

Мои милые. Спасибо за всё. Я уже уехала, вам незачем меня провожать. У вас мне было очень хорошо. Привет. Бабушка. А я сейчас голосую.

— Это ещё что такое? — удивилась мама. — Как рано она уехала! Разве утром есть поезда? И что означает — «я сейчас голосую»?

— Да она не на поезде, — сказал Мадс.

И ему ничего не оставалось, как рассказать всю правду. Тем более что бабушка была уже далеко, а Мадс так за неё волновался, что просто не мог больше молчать.

Мадс рассказал о том, что у бабушки не было денег на обратную дорогу, и о том, как бабушка расстраивалась, и, наконец, о том, что она отправилась голосовать на шоссе, чтобы таким способом добраться до дому.

— Кто поедет со мной? — спросил папа. — Если бабушку подвезли, то всё в порядке. Значит, она сейчас уже отдыхает дома. А если нет? Значит, она где-нибудь на шоссе и не знает, бедняжка, как ей попасть домой. Надо ехать выручать бабушку. Придётся всю сегодняшнюю работу отложить на завтра.

— Я тоже отложу, — сказал Малышка Мортен.

Все захотели поехать с папой, и через десять минут грузовик с папой, мамой и восемью детьми выехал со двора.

Бабушка долго сидела на пеньке. Ей всё время снилась большая чашка кофе, ведь сегодня она и капельки кофе не выпила. И сон про кофе был такой явственный, что, проснувшись, она ещё чувствовала во рту его вкус.

— Вот так, — сказала она. — Теперь я всё-таки получше себя чувствую.

Она поднялась и взглянула на шоссе. Машин не было, зато далеко внизу она увидела лошадь с телегой.

Когда телега подъехала поближе, бабушка замахала большим пальцем, и мужчина, сидевший в телеге, спросил:

— Тебя что, подвезти? Садись, пожалуйста.

— Спасибо за помощь, — ответила бабушка.

Конечно, ехать на лошади не очень быстро, зато ноги не устают. Цок-цок, цок-цок — всё-таки подвигаешься вперёд. Но скоро телега свернула на боковую дорогу, и бабушке снова пришлось сойти. Нет, теперь-то она должна остановить машину.

Вдали показался небольшой грузовик. Сейчас она будет махать пальцем и сделает это по всем правилам. Она высоко подняла большой палец, и грузовик остановился. Бабушка взяла свой узелок и уже хотела залезть в кузов, как вдруг послышалось подозрительное хихиканье, кто-то прыснул со смеху, кто-то шикнул, и вдруг тоненький голосок сказал:

— Я хотю к бабуске.

Да не сойти ей с места, если это не сам Малышка Мортен! И, всмотревшись получше, бабушка увидела, что за рулём сидит не кто иной, как папа, и улыбается ей. А тут и Мадс высунул голову из кузова:

— Молодец, бабушка. Ты справилась. Так и нужно голосовать!

А бабушка и не знала, что сказать. Вообще-то она была очень рада и папе, и красному грузовику. Теперь ей нечего было опасаться, теперь-то она была уверена, что доберётся до дому. Но ей было очень стыдно.

А папа только похлопал её по плечу и сказал:

— Поверь, что мы все очень рады. Мы за тебя так волновались.

Подошла мама с термосом, в котором был горячий кофе, и сказала:

— Я думаю, ты выпьешь хоть глоточек.

А больше никто ничего не сказал, и грузовик поехал дальше. Бабушка сидела в кабине вместе с папой, и каждый раз, когда грузовик переставало трясти, она делала большой глоток из термоса.

До бабушкиного дома они ехали ровно три часа.

Наконец грузовик остановился, и папа первым выскочил из кабины. Он распахнул перед бабушкой дверцу и крикнул:

— Прошу, сударыня! — и предложил ей руку.

Величественно, словно королева, бабушка вышла из грузовика. Она милостиво кивнула папе и сказала:

— Благодарю покорно!

Они сердечно распрощались, и папа, мама и восемь детей уехали обратно в город.

Немножечко летних каникул

В большом городе летом бывает очень жарко. У детей начались каникулы. Как только у мамы освобождалась минутка, она забирала детей и уходила с ними в парк. Но когда они вечером ложились спать, в комнате было так душно, что маме приходилось мочить под краном простыню и вешать её на окно, а детям и папе класть на лоб мокрые тряпки.

Заснуть в такую духоту было очень трудно, и они долго лежали и разговаривали.

Однажды дети так оживлённо беседовали между собой, что папа с мамой пришли из кухни, чтобы послушать, о чём они говорят.

— Помните, как хорошо было, когда мы отвозили бабушку? — спросила Марен.

— Ага! Я могу даже рассказать об этом, когда снова начнутся занятия в школе, — сказала Марта.

— Конечно, можно рассказать, что мы были в гостях у бабушки в деревне, но вовсе не обязательно говорить, что мы были там всего один день, — сказал Мартин.

— Конечно не обязательно, — согласилась Марта.

— О чём это вы говорите? — спросила мама.

— Да вот, после каникул в школе все встают и рассказывают, где были летом и всякое такое, ну и тогда совсем не весело отвечать, что нигде не побывал летом, — объяснил ей Мартин.

— Сколько ещё вам осталось дней до начала занятий, детвора? — спросил папа.

— Неделя, — ответила Марен.

— Ну-ка, я прикину, сможем ли мы вдесятером улечься спать в кузове? — сказал папа.

Все с удивлением взглянули на него. Что он ещё такое придумал?

— А один может лечь в кабине. Кто-нибудь из меньших, Мортен или Мина! Тогда мы сможем взять с собой пять матрасов и разложить их в кузове. Сидеть на них тоже будет удобно. Возьмём с собой брезент — вот и крыша. Еду купим. Примуса у нас нет, но мы будем готовить на костре, а отдохнуть летом надо всем — и вам и мне. Отправление завтра в шесть утра!

Все с недоумением смотрели на папу: шутит он или говорит серьёзно?

— Ну что? Чего галок считаете? Будете вы собираться или нет?

Первой вскочила мама, за ней остальные, все путались друг у друга под ногами. Поднялась страшная неразбериха.

— Тихо! — крикнула мама. — Дайте пробраться в кухню!

Мама вышла в кухню и начала вытаскивать рюкзаки, ранцы и мешки, потому что у каждого, кроме своего тазика для умывания, был свой походный мешок.

Они завернули зубные щётки и спрятали в мешки, потом каждый взял свою расчёску, свитер, по паре носков и немного белья. Поверх всего этого они положили плащи, и сборы были окончены.

Теперь можно было ложиться спать.

На этот раз им не разрешили разговаривать: нужно было выспаться и отдохнуть перед дорогой. Встать они должны были очень рано.

Наутро в кузов были уложены пять матрасов.

Как всегда, рано утром пришёл Хенрик. У него даже лицо вытянулось от удивления, когда он узнал, что папа вместе с грузовиком едет отдыхать. Правда, он немножко успокоился, когда папа ему объяснил, что он может взять тележку и работать пока вместо папы.

Папа, мама и старшие дети вынесли вниз шерстяные одеяла и брезент. Теперь оставалось только взять рюкзаки и залезть в кузов. Мортен вместе с папой сел в кабину, и грузовик выехал со двора. Хенрик стоял с тележкой и махал им вслед. А когда они оглянулись, они увидели в окнах нижнего этажа чьё-то лицо.

Это была Дама Снизу, которая всегда так сердилась, когда дети шумели. Она тоже стояла и долго смотрела им вслед.

И уж если говорить правду, она тоже помахала им рукой на прощание!

— Вот она теперь, наверное, радуется! — сказал Мадс.

— Правда, интересно, что мы даже не знаем, куда едем? — спросила Мона.

— Давайте все закроем глаза и долго-долго не будем открывать, — предложил Мадс.

Брезент закрывал весь кузов сверху, так что внутри было темно. Грузовик приятно потряхивало, мотор пел непонятную колыбельную песню, и вскоре все заснули.

Первым проснулся Мадс.

— Я вижу! Вижу! Вижу! — кричал он.

— Что ты видишь? — сонно пробормотала Марта.

— Деревья!

Грузовик проехал ещё немного.

— Мы подъезжаем к городу! — вдруг закричала Мона. — Это такой же большой город, как наш!

Но грузовик не остановился в городе, он прогромыхал по улицам и скоро выехал на шоссе.

— Я вижу что-то синее! Это море! — закричала Марен.

— Я тоже вижу что-то синее! Это вода! — сказала Милли.

На волнах пенились белые барашки, волны ударяли в красные прибрежные скалы и рассыпались брызгами.

Грузовик свернул на боковую дорожку, подъехал поближе к морю и остановился на полянке.

— Как здесь красиво! — сказала мама. — Здесь мы и останемся.

— Как будто эта полянка принадлежит только нам, — сказала Мона.

— Ура! — закричали все дети и горохом посыпались с грузовика.

— Купальные костюмы под сиденьем. Окунитесь, пока я съезжу в лавку, куплю чего-нибудь поесть, — сказал папа.

Все надели купальники и подошли к воде.

Папа уехал, а мама и дети стояли на берегу и пробовали ногами воду.

Вода была прохладной, нужно было хоть чуть-чуть привыкнуть к ней и набраться духу, чтобы окунуться.

Но один из них, не раздумывая, бросился прямо к воде.

Это был Малышка Мортен. Он обожал воду, а столько воды сразу он ещё не видел ни разу в жизни.

Мортен летел стрелой, и мама бросилась за ним. Он бы так и бежал, пока вода не закрыла его с головой, но мама успела схватить его. Она

держала его под мышки, а он бултыхался, бил ногами, брызгался и веселился изо всех сил.

— За этим человеком нам придётся всё время следить, — сказала мама. — Стоит отвернуться, как он убежит к морю.

Вскоре вернулся папа, и они приготовились варить ужин. К этому времени все изрядно проголодались.

Но не успела мама развести костёр, как Малышка Мортен снова убежал к морю. Его ножки мелькали быстро-быстро, как барабанные палочки, но папе удалось вовремя схватить его.

— Он совсем одичал, — сказала мама. — Придётся нам уехать в другое место, а то у меня не будет ни минутки покоя.

— Привыкнет со временем, — успокоил её папа. — А пока мы все по очереди будем караулить его. Марта, сторожи его, пока мы готовим еду.

Все уселись вокруг костра и ждали, когда поспеет ужин.

— Правда, весело за городом? — спросил Мадс.

— Ещё веселее, чем я думала, — призналась Мона.

Они дружно поели. И если вы хоть раз ели в лесу на полянке, предварительно искупавшись, то знаете, каким всё кажется вкусным. Потом они бегали и играли, а когда наступил вечер, забрались в кузов и улеглись на своих матрасах. Все укрылись тёплыми шерстяными одеялами, и всем было тепло. Над головой был натянут брезент, так что лучшего домика и не придумаешь.

Малышка Мортен исчезает

Все по очереди стерегли Малышку Мортена, чтоб он не убегал один к морю. Они решили, что гораздо удобнее стеречь его не в одиночку, а по двое. Мина и Милли стерегли его с семи до десяти утра, Мона и Мадс с десяти до часа, потом за ним некоторое время следил папа. В два часа они обедали, после обеда Мортен спал, и все отдыхали от него до четырёх часов. А с четырёх до семи вечера Мортена стерегли Марта и Мартин.

Марен была освобождена от дежурств, потому что она помогала маме готовить еду. Папа мыл посуду после завтрака и после обеда. Таким образом, у всех были свои обязанности, но всё равно у них оставалось ещё уйма времени, чтобы отдыхать и веселиться.

Как-то Мортена стерегли Милли и Мина. Было раннее утро, все только что позавтракали.

— Пойдём собирать чернику, — предложила Милли. — В лесу её очень много.

Они захватили с собой по кружке, взяли Мортена за руки и втроём отправились в лес.

— Не заходите далеко! — крикнула мама им вдогонку.

— Ладно! — ответила Милли. — Мы ведь уже большие, можешь не бояться за нас. Мортену тоже нравится собирать ягоды.

Но Мортену нравилось очень многое, поэтому он останавливался каждую минуту. Если на дорожке лежал камень, ему непременно нужно было его подвинуть; если он находил паука, ему обязательно нужно было посыпать его землёй, чтобы потом посмотреть, как он оттуда выбирается.

— Так мы далеко не уйдём, — сказала Мина. — Ты не можешь идти немножко быстрее, Мортен?

— Я вижу чернику! Иди сюда! — закричала Милли.

— Чельника! — радостно воскликнул Мортен.

Он подбежал к Милли, уселся прямо на землю и начал есть чернику. Малыш осторожно снимал с ветки ягодку и с задумчивым видом клал в рот.

— Давай пройдем ещё чуть-чуть в лес, там будет больше ягод, — предложила Милли. — Идём, Мортен!

Но Мортен не хотел идти в другое место. Ему понравилось здесь.

— Ну и сиди! А мы пройдем немного дальше, — сказала Мина. — Только не уходи никуда отсюда, пока мы не вернёмся!

— Чельника! — ответил Мортен и больше не прибавил ни словечка, потому что был очень занят.

— Вот наберём полные кружки и вернёмся к нашим, — сказала Мина.

— Как будто мы разведчики! — сказала Милли.

— Иди сюда, как здесь много! — позвала Мина.

Милли подбежала к Мине, здесь было очень много ягод, но дальше в лесу их было ещё больше. Они и собирали и ели, и скоро их кружки наполнились доверху.

— Идём теперь к Мортену! Наверное, он уже наелся, ведь он всё время сидел и ел ягоды, — сказала Милли.

Девочки пошли обратно. Но где же Мортен? Его не было на том месте, где он остался.

— Он сидел здесь! Правда? — спросила Милли. — Мортен, иди сюда! — закричала она. — Мортен!

Никто не ответил.

— Его нет! — испугалась Мина.

— Мы его проворонили! Что нам теперь скажут?

— Бежим скорее!

Девочки высоко подняли кружки и бросились бежать со всех ног.

— Мамочка, мамочка, только не сердись на нас! — закричала Милли. — Ты очень расстроилась, что он вернулся один?

— О ком ты говоришь? — спросила мама.

— О Мортене. Разве он не вернулся?

— Нет. А где же он?

— Понимаешь, Мортен хотел сидеть на одном месте и есть, а мы пошли и собирали ягоды, а когда вернулись, его там не было.

— А вдруг он убежал к морю? — испугался Мадс и со всех ног бросился к берегу.

Все побежали за ним. Они кричали и звали Мортена, но никто не отвечал. Море было гладкое, как стекло.

Милли и Мина упали на землю и громко заплакали.

— Это мы виноваты!.. — рыдала Милли. — Теперь я никогда не смогу ничему радоваться.

— Нечего валяться и реветь, — сказал Мадс. — Покажите нам лучше, где вы его оставили. Где он сидел и ел ягоды?

— Он мог уйти совсем в другую сторону, — сказал папа.

Все, кроме Марен, побежали в лес. Она осталась возле грузовика на случай, если Мортен вдруг вернётся. Девочки показали место, где Мортен ел ягоды. Черника кругом была чисто обобрана, видно было, что Мортен съел много ягод. Они пошли в глубь леса. Мадс и Мона шли рядом, иногда они останавливались и прислушивались.

— Послушай, по-моему, кто-то там плещется? — сказала вдруг Мона.

Они стали вглядываться в чащу леса.

— Похоже, что там идёт дождь, — сказал Мадс.

Они переглянулись и подкрались поближе.

— Там и дождь идёт, и кто-то плещется, — сказала Мона.

Они побежали, не обращая внимания на можжевельник и сухие ветки, которые царапали им руки и ноги. Внезапно они остановились.

Прямо перед ними из маленькой грязной лужи фонтаном во все стороны летели брызги, и в самой середине, разбрызгивая воду руками и ногами, лежал Мортен. Грязная вода потоками струилась по его лицу.

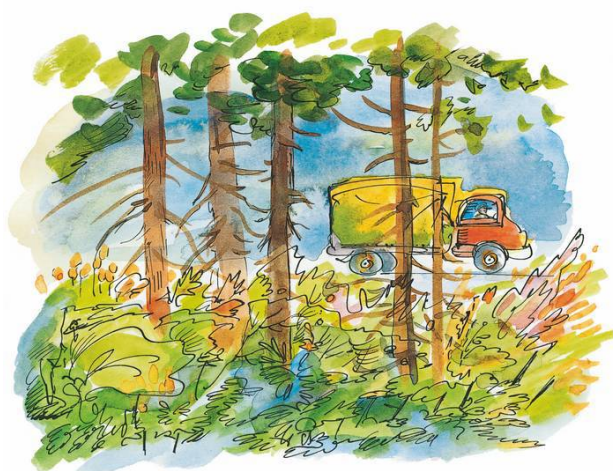
— Мортен! — закричала Мона. — А мы боялись, что ты утонул в море!

— Вода! Вода! — ликовал Мортен и брызгался ещё больше.

К ним подбежали остальные. Они тоже услышали голос Мортена. Папа схватил его на руки, и все были бесконечно счастливы. Все, кроме самого

Мортена. Он очень рассердился. Только что ему было так хорошо и привольно, а теперь всё кончилось.

Вы думаете, что Милли и Мине больше никогда не доверяли сторожить Малышку Мортена? Ошибаетесь! Теперь-то папа и мама были уверены, что Милли и Мина больше никогда не уйдут от Мортена во время своего дежурства. И они были правы.

Так папа, мама и восемь детей прожили в лесу шесть дней. Пришло время возвращаться домой. До начала занятий остался всего один день. Всем было жалко прощаться с морем, с лесом, с черникой, с зелёной травой и цветами, с ароматом леса и моря, с костром, на

котором они готовили еду и вокруг которого сидели вечерами. Возвращению в город радовался только один грузовик.

Грузовику гораздо больше нравилось ездить по улицам города, чем стоять без движения целый день и служить дачей. Да и шинам было слишком жарко.

«Того и гляди, полопаются от жары», — думал грузовик. Да и ни одного грузовика за эти дни он не встретил. Ему было скучно. Поэтому грузовик очень обрадовался, когда увидел, что папа, мама и восемь детей пошли прощаться с лесом и морем.

— Спасибо за всё, — сказали они. — Нам было очень хорошо с вами.

А грузовик ничего не сказал, он молча ждал, пока все соберутся. Наконец сборы закончились. Папа завёл мотор, и, как только грузовик тронулся с места, Малышка Мортен нажал кнопку гудка, и грузовик тоже сказал: «До свиданья!»

«Я рад, что мы уезжаем, — думал грузовик. — Мы едем домой. Надо быть вежливым».

Он радовался тому, что едет в город, что скоро встретится с другими грузовиками. А дети сидели в кузове и беседовали.

— Приятно всё-таки вернуться домой, — сказал Мартин.

— Когда мы уезжали, сердитая Дама Снизу стояла и махала нам вслед, — вспомнила Марта.

— Она-то не очень обрадуется, что мы вернулись, — сказал Мадс. — Пока нас не было, она могла спокойно спать после обеда.

— Хм, — усмехнулась Мона. — Значит, она спала весь день и гуляла всю ночь.

Въехав в город, они замолчали и с интересом смотрели по сторонам.

— Всё как раньше, — заметил Мадс.

— Мы уже почти дома. Смотрите, мы едем по нашей улице, — обрадовалась Марта. — Вон наш дом! Там кто-то стоит у парадного.

— Это Хенрик! Он ждёт нас. Вот он обрадуется, что мы вернулись! — кричал Мадс.

— Хорошо, что он тогда украл наш грузовик, а то бы мы никогда с ним не познакомились, — сказала Мона.

— А вон Дама Снизу. Смотрите, она тоже машет, хотя мы возвращаемся, а не уезжаем.

Грузовик остановился, и дети быстро выпрыгнули из кузова. Мама поспешила за ними, папа тоже вылез из кабины.

— Привет, Хенрик! —
поздоровался он. — Вот мы и
дома!

Дети побежали вверх, им
не терпелось посмотреть, как
выглядит их дом изнутри. Они
быстро добежали до этажа, на
котором жила сердитая Дама
Снизу. Она стояла на
площадке и, казалось, ждала
их.

— Добрый день, добрый
день! — говорила она и при
этом ласково улыбалась.

— Какая ты симпатичная,
когда улыбаешься, — сказала

Мона. — Я никогда тебя такой не видала.

— Помолчи, Мона! — цыкнула на неё мать.

— Я бы очень хотела, чтобы вы сначала зашли ко мне выпить по чашечке
кофе с пирожными. А для детей у меня есть газированная вода, ведь они,
наверное, не любят кофе?

У мамы был такой вид, будто она свалилась с луны. Да и у всех
остальных, пожалуй, тоже.

Первой опомнилась Мона.

Их спрашивают, не хотят ли они пирожных с газированной водой, и никто
из них ещё не ответил: «Спасибо, хотим». Нет, она должна сама ответить
за всех.

— Большое спасибо! — вежливо сказала она. — Мы с удовольствием
зайдём к вам.

— Большое спасибо! — сказала мама, будто только что проснувшись. — Это так любезно с вашей стороны, только лучше мы сначала поднимемся к себе и немножко приведём себя в порядок, да и вещи надо отнести домой.

— Ну, вещи-то могут спокойно постоять на лестнице, правда, Хенрик?

— Ты знакома с нашим Хенриком? — удивилась Мона.

— Да, мы познакомились совсем недавно, — ответила дама. — Он всё ходил здесь, скучал и тоже ждал вас, и однажды мы с ним разговорились.

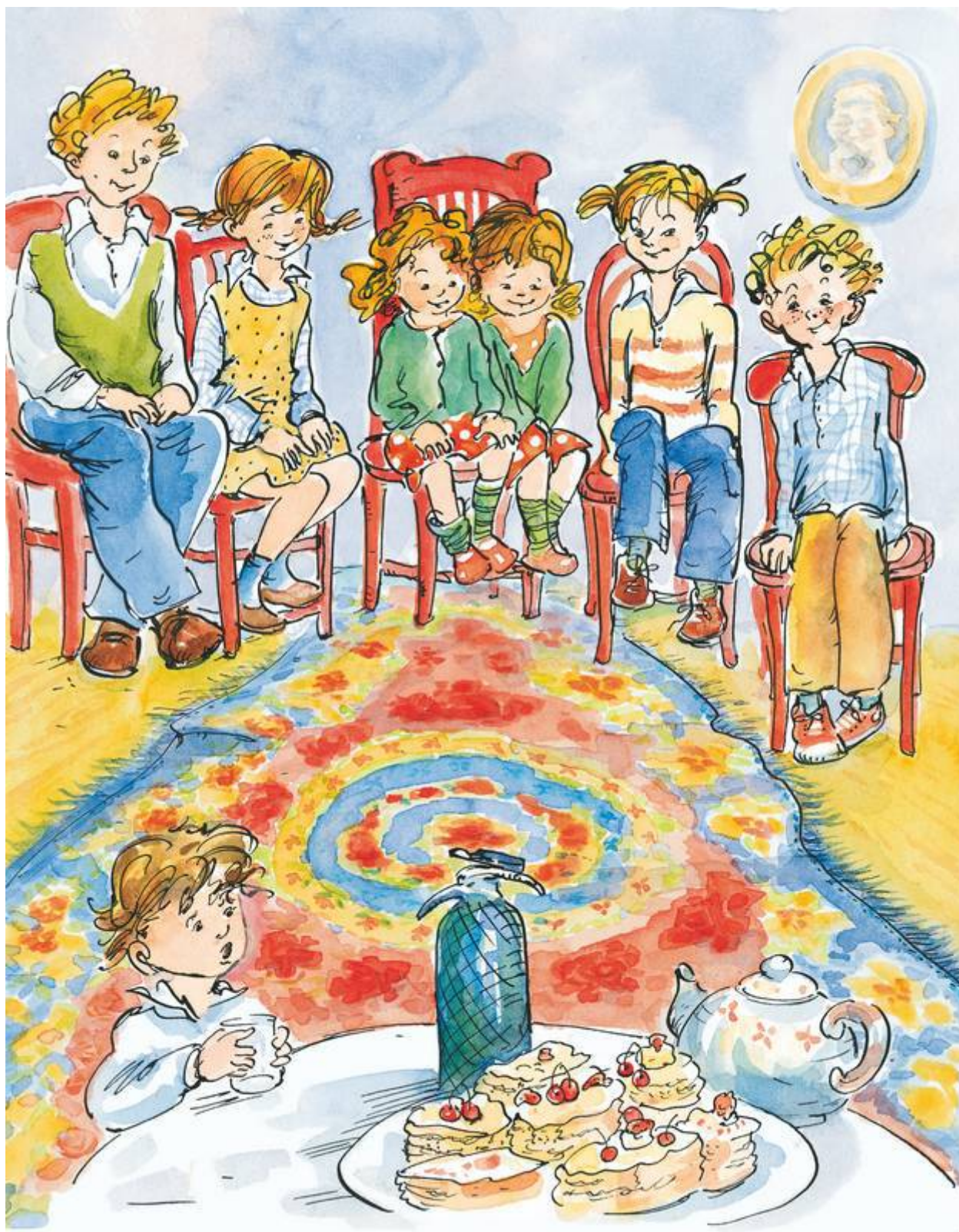
— Я каждый день обедал у Хюльды, — сказал Хенрик. — Эта дама прекрасно готовит, смею вас уверить.

Хенрик потихоньку, но настойчиво подталкивал их к двери Хюльды. И когда Мадс захотел сбегать наверх посмотреть на их квартиру, Хенрик остановил его словами:

— Потом посмотришь, идём!

Папа и мама от удивления совсем лишились дара речи. Подумать только, та самая дама, которая постоянно сердилась на них и на детей, оказывается, ждала их возвращения с горячим кофе и пирожными!

Они осторожно вошли в её нарядную комнату. Дети уселись на самые краешки стульев и боялись взглянуть друг на друга. Вот сейчас-то, во всяком случае, следовало вести себя получше, чтобы дама не рассердилась прежде, чем они выпьют газированную воду.

— А я и не знал, что тебя зовут Хюльда, — сказал Мадс.

— Да, Хюльда. Можете звать меня тётя Хюльда или просто Хюльда, как хотите.

— Я придумал! Мы будем звать тебя Нижняя Хюльда, ведь ты живёшь под нами, — предложил Мадс.

— В этом-то всё и несчастье, — вздохнула мама. — К сожалению, у меня нет времени каждый день после обеда уводить детей на прогулку, и я боюсь, что они снова не дадут вам спать.

— О, не беспокойтесь! — утешила её Хюльда. — Я перестала спать после обеда. Я теперь раньше ложусь вечером. Я очень рада, что вы уже вернулись домой, здесь было так тихо без вас, так скучно. Я почти не могла спать.

Теперь уж дети больше не могли усидеть спокойно: оказывается, Нижняя Хюльда на самом деле очень добрая.

А Мортен разговаривал сам с собой.

— Хочу газировочки, хочу газировочки, — говорил он, держа в руке стакан...

— Большое, большое вам спасибо, — сказала наконец мама. — Всё было такое вкусное, но теперь нам пора домой: надо распаковать вещи и привести себя в порядок после дороги.

Когда папа, мама и восемь детей встали, чтобы идти домой, Хюльда и Хенрик поднялись вместе с ними.

— Мы проводим вас наверх, — сказали они.

Мама опять очень удивилась.

— Нет, не стоит, — сказала она, — у нас там не убрано и некрасиво.

Но казалось, что Хюльда не слышала маминых слов: она молча поднималась за ними по лестнице.

Папа подошёл к двери, чтобы открыть замок, но вдруг раздался возглас:

— В чём дело? Кто-то сломал наш замок!

— Это я сломал, — сказал Хенрик.

— Опять принялся за старое? — спросил папа с огорчённым видом.

— Нет, нет, что ты! — испугался Хенрик.

— Он не сделал ничего плохого. Вот откройте дверь и увидите, — сказала Хюльда.

Они вошли в кухню и увидели, что там всё было заново выкрашено, а когда открыли дверь в комнату, то так и застыли в изумлении. Вдоль стен стояли двухэтажные кровати, и на каждой было написано имя.

— У нас появились кровати, — ахнула Мона. — Это нам? Да, Хенрик? Мы будем на них спать? Каждый в своей?

А Хенрик стоял и улыбался.

— Я бы ничего не смог сделать без Хюльды, — сказал он. — Мы с ней работали вместе каждый день после вашего отъезда.

Не прошло и секунды, как дети забрались каждый на свою кровать, и мама до конца дня никакими силами не могла извлечь их оттуда.

Малышка Мортен несколько раз падал с кровати на пол, но снова забирался на неё. Это было совсем просто, потому что его место было на первом этаже.

Теперь ему пришлось выучить совсем новое слово «кровать».

Я знаю, вам тоже приятно, что дети больше не будут спать на полу.

Несколько дней подряд папа ходил и любовался красивыми кроватями, которые сделал для детей Хенрик, и наконец сказал:

— А теперь мы их покрасим. Выбирайте каждый любой цвет для своей кровати.

— Мы все должны выбрать одинаковый цвет? — спросил Мадс.

— Да нет, — ответил папа. — По-моему, будет очень красиво, если все они будут разного цвета.

— Тогда, если можно, я хочу синюю, — сказал Мадс.

— А я — красную! — сказала Мона.

— И я! И я! Касную! Касную! — кричал Малышка Мортен.

— Тише, тише, Мортен, — успокоила его мама. — Хорошо, у тебя будет красная.

— А мне розовую, — попросила Милли.

— И мне тоже розовую, — сказала Мина, потому что она всегда повторяла то же, что говорила Милли.

— Мне зелёную, — сказал Мартин.

— Мне жёлтую, — сказала Марта.

А Марен думала дольше всех и наконец решила, что ей хочется белую.

— Хорошо, — сказал папа, записав, кто что хочет. — Сейчас я приготовлю краску, и каждый сам будет красить свою кровать. Но у нас есть только четыре кисти, так что придётся красить в две очереди. Милли, Мина, Марен и Мартин красят в первую очередь.

— Значит, мы можем пока пойти погулять, — предложила мама.

Она взяла с собой Мадса, Мону, Марту и Малышку Мортена, и они стали спускаться по лестнице. Но им не удалось уйти далеко — на лестнице их остановила Нижняя Хюльда.

— Заходите пока ко мне, — предложила она. — А они постучат ко мне в потолок, когда кончат.

Мама предупредила папу, и они пошли к Хюльде. Мама была очень довольна, она целый день работала, и у неё устали ноги, и теперь она с удовольствием присела у Хюльды. Хюльда приготовила кофе, а дети играли в спальне.

С тех пор как у них появились собственные кровати, они стали особенно интересоваться спальнями. У Хюльды была очень красивая кровать с блестящими шариками и комод с зеркалом. На стенах висело много картин. Детям здесь очень понравилось.

Они пробыли у Хюльды часа два. Наконец папа постучал им в потолок, и они побежали наверх. Дома они увидели две розовые кровати, одну зелёную и одну белую. Комната выглядела очень красиво.

— Ну, можете начинать, — сказал папа. — И тогда у нас будет совсем нарядно.

Мадсу дали синюю краску, Моне — красную, Марте — жёлтую.

Папа немножко помогал Моне, но большую часть кровати она выкрасила сама.

Малышке Мортену не разрешили красить, за него красила мама. Она выкрасила его кроватку в красный цвет, как он и просил.

Они красили долго, а когда все кровати были готовы, комнату просто нельзя было узнать, такой она стала красивой.

— Замечательно, — сказал папа. — Теперь мы будем называть нашу комнату спальней.

— Обязательно, — поддержала его мама. — Только, по-моему, тут очень пахнет краской.

— А мы сейчас откроем окно и пойдём на кухню чего-нибудь перекусим, — предложил папа.

Малышка Мортен страшно рассердился, что ему не дали покрасить, но всё-таки тоже пошёл на кухню, потому что любил поесть. Ему дали

большой кусок хлеба, и он сразу же принялся его уплетать. А все остальные стоя ждали своей очереди.

— Не спешите, — сказала мама. — Сейчас все получают свою долю, и мы сядем, как обычно, за стол.

Мортен наблюдал за всеми, на него никто не обращал ни малейшего внимания: уж очень все проголодались. Тогда он осторожно открыл дверь спальни, прокрался туда и тихо прикрыл за собой дверь.

Ой, ой, ой! — здесь стояло ведёрко с красной краской и рядом на газете лежала кисть. Папа ещё не успел убрать их.

Мортен быстро засунул хлеб в рот и схватил кисть. Он глубоко обмакнул её в ведёрко с краской. Ого! — здесь ещё много краски! Мортен огляделся: что же ему покрасить? Кровати все уже выкрашены, красить их заново неинтересно. А вот пол... на него даже жалко было смотреть. Бедненький, он был просто коричневый, и во многих местах краска давно стёрлась. Мортен провёл кистью по полу. На полу осталась красивая красная полоска.

— Би-би! — загудел Мортен, он играл в грузовик. Кисть была красным грузовиком, который ехал по красной дороге.

Мортен снова обмакнул кисть и поехал дальше. Пожалуй, не стоит гудеть так громко. А то его услышат, придут и всё испортят. Это Мортен хорошо знал. Теперь Мортен говорил «би-би» шёпотом. Всё равно играть в грузовик было так же интересно. На полу было уже много красных дорожек, кое-где они пересекались. А вдруг сейчас краска кончится? Мортен заглянул в ведёрко. Нет, её, к счастью, было ещё много.

А тем временем все спокойно ели на кухне.

— Может, пойти и позвать к нам Нижнюю Хюльду? — спросил Мадс.

— Хенрик, наверное, тоже у неё, она говорила, что он собирался прийти.

— Конечно! Хенрик должен посмотреть, как мы всё красиво выкрасили, — сказал папа. — Сходи, пожалуйста, за ними, Мадс. А собственно говоря, куда девался Мортен?

Папа считал и пересчитывал детей, и у него всё время получалось только семь.

— Да, наверное, он ест под столом, — спокойно сказала мама. — Ты же знаешь, что он это любит.

— Да, я просто забыл, — ответил папа.

В это время постучали в дверь, и вошёл Мадс с Хенриком и Хюльдой.

— Заходите, заходите, милости просим, — пригласил их папа. — Сейчас мы покажем вам самую красивую в мире спальню.

Папа распахнул дверь и спросил:

— Ну, как вам нравится?

Больше бедный папа не успел вымолвить ни словечка, потому что он увидел Мортена и пол, изъезженный красным грузовиком.

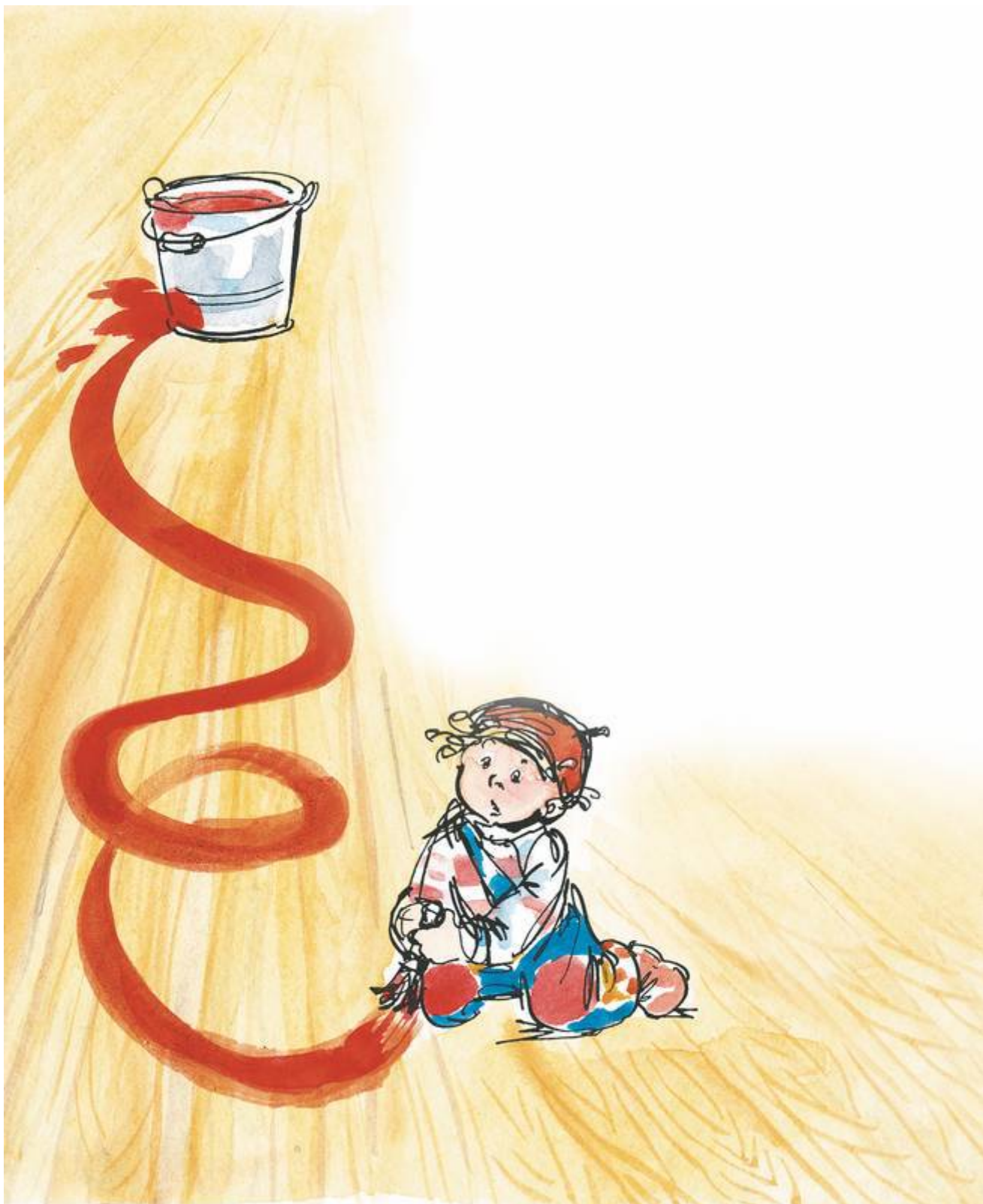
— Ох! — сказал папа.

— Ах! — сказала мама.

— Вот здорово! — обрадовались дети.

— Батюшки! — изумилась Хюльда. — Какие красивые стали кровати, а красный пол, оказывается, очень нарядно! Никогда в жизни не видела ничего более прекрасного!

— И я тоже, — поддержал её Хенрик.

Папа, осторожно ступая между красными дорожками, добрался до Мортена и поднял его на руки, но Мортен рассердился, дёрнулся и мазнул папу кисточкой прямо по лицу, и нос у папы тут же стал красным. Наконец папе удалось отобрать у Мортена кисть, и он вручил Мортена маме. А маме пришлось оттирать Мортена ацетоном, потому что он весь был в красной краске.

— Вот так сюрприз! — сказал папа. — Придётся потрудиться, чтобы снять всю эту краску.

— Зачем же её снимать? Это так трудно! Лучше уж весь пол выкрасить в красный цвет! — предложила мама.

— Ты думаешь? — усомнился папа. — Пожалуй!

Он провёл по полу кистью, потом ещё, ещё и начал красить пол с таким энтузиазмом, что уже не мог остановиться. Так папа выкрасил весь пол, а все стояли в дверях и смотрели, как он работает.

— Сегодня нам придётся спать всем в кухне, — сказал папа. — Пока пол не высохнет, по нему нельзя ходить.

— Зачем же вам спать в кухне? Там очень тесно. Вы можете переночевать у меня, а к утру пол уже высохнет, — предложила Хюльда.

Когда все дети улеглись на полу, Мадс сказал:

— Вот мы и опять спим на полу.

— Но это уже в самый последний раз, — ответила Мона.

И она была права, потому что на другой день они снова перебрались наверх, а когда наступил вечер, легли каждый в свою кровать и оттуда смотрели на самый красивый и на самый красный в мире пол.

— А Мортен не дурак, — сказала Мона.

— Мортен молодчина! Ура Мортену! — закричала Милли.

Но Мортен не слышал, как они кричали «ура!» в его честь, — он лежал в своей красной кроватке и крепко спал. И ему снился сон. Знаете о чём? А вот попробуйте угадайте. Ладно уж, я, так и быть, скажу, что ему снилось. Он видел во сне много-много больших красных малярных кистей!

Маленький гость — большое событие

— Почему к нам никогда не приходят гости? — спросил однажды Мадс. — Вчера я был в гостях у одного мальчика, его зовут Сигурд, нас угощали всякими вкусными вещами, и там, кроме меня, было ещё шесть мальчиков.

— Ага, — сказал папа. — Это, конечно, приятно. А что, у Сигурда много братьев и сестёр?

— Да нет, он один. Знаешь, как он мне завидует, что нас так много.

— А Сигурд с папой и мамой тоже живут в одной комнате, как мы? — спросила Марта.

— Нет, что ты! У них столько комнат, что я даже не мог сосчитать. А у Сигурда своя отдельная комната.

— Тебе было весело у него? — спросила мама.

Мадс был таким тихим и странным, что мама никак не могла понять, что с ним творится.

— Да-а, — ответил Мадс, — только там был один очень противный мальчик.

— А что он сделал? — спросила мама.

— Да он всё время говорил о нас вслух, а потом он крикнул мне...

— Что он крикнул? — поинтересовалась Мона.

— Он крикнул: «А правда, что вы ночью спите на полу на матрасах?»

— Ну, а ты? — спросила Мона; она покраснела до корней волос от возмущения, что какой-то мальчишка хотел обидеть Мадса.

— А я сказал, что это было давно, уже пять дней назад, и рассказал, конечно, какие нам сделали кровати. А Сигурд — он очень хороший, — он сказал, что ему очень хотелось бы когда-нибудь прийти к нам. Но ведь у нас никогда не бывает гостей, так что я даже не знаю...

— Мы сами у себя гости, вон как нас всегда много, — сказал папа. — Ну хорошо, завтра у нас по-настоящему будут гости. Мы пригласим Сигурда. Нас будет девять детей и двое взрослых. Я думаю, будет неплохо.

Мама взглянула на него.

— Я испеку булочек и пирожков, — сказала она.

— Недурно, — сказал папа.

На другой день папа, мама и дети — все были немного взволнованны, ведь к ним должен был прийти гость.

В школе на первой же перемене Мадс подошёл к Сигурду и пригласил его на сегодня к ним в гости. Лицо Сигурда расплылось в широкой улыбке.

— Я — с радостью! У тебя день рождения?

— Да нет, просто у нас сегодня праздник.

— Спасибо, я приду.

В этот день папа с грузовиком вернулся с работы пораньше. Он очень спешил. Сначала он вихрем умчался из дома и купил длинный канат и несколько мотков верёвки. Потом спустился в подвал и там столярничал, потом снова прибежал наверх и что-то натягивал и стучал в комнате.

Мама заглянула к нему из кухни:

— Ну как, отец, ты, кажется, что-то затеял?

— Подожди, — ответил папа; он стоял на табуретке и подвешивал к потолку старый колокольчик. — Видишь ли, я хочу, чтобы моим детям жилось так же весело, как всем остальным. И я подумал, что ведь и правда мы ни разу не устраивали для детей детского праздника. Послушай, мать, не хочешь ли ты сегодня быть матросом? А я буду капитаном.

Мама молча с изумлением смотрела на него, она ничего не понимала.

— Погляди, — сказал папа, — вот мои старые матросские брюки. Я слишком растолстел, на меня они не влезут, а тебе они в самый раз. А вот и бескозырка. Надень мою белую рубашку, и ты будешь превосходным матросом.

Мама с испугом смотрела на него.

— Слушай команду капитана! — вдруг закричал папа громовым голосом.

— Есть, капитан! — ответила мама и исчезла на кухне, схватив в охапку все эти странные вещи. И через две минуты перед папой стоял бойкий моряк.

В этот день, сразу после обеда, старшие ушли гулять с малышами, чтобы папа и мама могли спокойно всё приготовить к приходу гостя. Наконец настало время возвращаться с прогулки. Им уже не терпелось посмотреть, что придумали мама с папой. В воротах дома они встретили Сигурда. На нём был надет красивый матросский костюм.

В окне показался папа и закричал:

— Поднимайтесь, поднимайтесь скорее по трапу, корабль готов к отплытию!

И три раза пробили склянки. Дети бросились наверх — папа и мама стояли по обеим сторонам двери.

Сигурда пропустили первым, ведь он был гость. Он вежливо поклонился и пожал руки папе с мамой.

— Добро пожаловать на борт нашей шхуны! — приветствовал его папа. — Молодец, что пришёл в матроске, значит, у нас сегодня будут два матроса.

А все дети стояли у двери и, раскрыв от изумления рты, уставились на маму. Обычно мама всегда носила полосатое платье, и теперь в брюках и бескозырке дети с трудом узнали её.

— Поднимайтесь, — сказал папа. — Сейчас уберём сходни!

Дети увидели, что на пороге лежала большая гладильная доска. Чтобы попасть на корабль, надо было пройти по этой доске.

— Так, — сказал папа, — все на борту? А ну, Мадс, убрать сходни! Сигурд, поднять якоря!

Один конец каната папа привязал к дверной ручке, другой спустил вниз по лестнице. Мадс убрал сходни, Сигурд, споткнувшись, бросился к канату и вытянул его наверх.

Когда всё было в порядке, папа сказал:

— А теперь все марш на палубу! Мы позовём вас, как только еда будет готова.

Когда ребята вошли в комнату, которую называли спальней, они ещё раз застыли от удивления. Здесь всё было переделано. Кровати были застелены, как койки в матросском кубрике. Под потолком висел громадный парус. Папа сметал его из всех восьми детских простыней.

Кроме того, папа прикрепил к потолку три кольца, через них он пропустил бечёвку, концы которой свисали до полу.

— Это подъёмный кран, — сказал папа. — Сейчас он начнёт работать.

Конечно, поднялся шум, но теперь никто не боялся, потому что мама предупредила Нижнюю Хюльду, что у них будет детский праздник, и Хюльда обещала после обеда пойти погулять.

Сигурд и Мадс работали на подъёмном кране, они поднимали и опускали стулья.

Мона попробовала поднять стол, но он оказался слишком тяжёлым.

Мартин скатал большой лист бумаги, и у него получился бинокль.

Он стоял у окна и кричал:

— Впереди шхеры! Право руля!

Марта и Марен были официантами, они ходили с подносами, на которых стояли стаканы с газированной водой, а папа некоторое время был даже корабельным псом. Милли и Мина сидели на своих кроватках и правили кораблём. Малышка Мортен тоже правил кораблём, но он говорил только:

— Впелёд, ту-ту!

Ведь он не понимал, что они уже давно покинули гавань и находятся в открытом море.

Вдруг мама крикнула:

— Кто хочет есть, марш в кают-компанию!

Есть, конечно, хотели все, и все побежали на кухню. Там, на длинном кухонном столе, стояло блюдо с аппетитными бутербродами и свежими пончиками.

Мама со своей чашкой кофе уселась на верхней ступеньке стремянки. Ей очень нравилось быть матросом, она сидела выше всех, болтала ногами и смеялась так, что чуть не свалилась.

Папа сидел на полу и старался удержать чашку с блюдцем на трёх пальцах.

Когда все наелись, снова пошли играть на палубу.

Папа пошёл вместе с детьми и рассказывал им всякие морские истории ещё тех времён, когда он сам был моряком. Потом он научил детей вязать морские узлы.

Время прошло очень быстро, вдруг папа приставил руки ко рту и загудел, как настоящий пароход.

— На горизонте земля! — закричал он.

— А куда мы приплыли? — спросила Мона.

— Домой, в Норвегию, — ответил папа. — Вот пристань. Тебе здесь выходить, Сигурд.

Гладильная доска вновь была положена одним концом на порог. Сигурд осторожно прошёл по ней, спустился по лестнице и вышел на улицу. Там он обернулся и посмотрел на окно, где стояли папа, мама и все восемь

детей и махали ему белыми носовыми платками, как будто они и правда находились на борту настоящего парохода, готового отойти от пристани.

Не сразу удалось им привести дом в порядок после детского праздника. Но наконец всё было убрано, простыни вернулись на свои места, и дети могли лечь спать.

На другой день Сигурд на школьном дворе рассказывал всем товарищам о весёлом празднике. Противный мальчишка, который старался обидеть Мадса, когда они были в гостях у Сигурда, сразу же вмешался и сказал:

— Какое там у вас может быть веселье, если у вас и повернуться-то негде!

— Уж поверь мне, что было очень весело, — возразил ему Сигурд. — Это был самый весёлый праздник, на каком мне приходилось бывать.

А Мадс стоял и радовался: всё-таки здорово, что и у них дома был детский праздник!

Хенрик и Нижняя Хюльда

Как-то вечером папа, мама и восемь детей ужинали на кухне.

Вдруг в дверь постучали.

— Войдите! — крикнул папа.

Как раз перед этим он откусил большой кусок хлеба, поэтому трудно было разобрать, что он сказал, но дети хором закричали:

— Войдите!

И каждому стало ясно, что теперь гостю остаётся только переступить порог.

В кухню тяжёлой походкой вошёл Хенрик.

— Ах, это ты, Хенрик! — удивился папа. — Разве ты ещё не ушёл домой? Как зовут твою хозяйку, у которой ты теперь живёшь?

— Тётушка Олеа, но она сейчас, наверное, в своём швейном клубе или где-нибудь ещё, дома всё равно никого нет.

— Значит, ты ещё ничего не ел? — спросила мама.

— Это не беда, — ответил Хенрик, — у меня нет аппетита.

— Хорошо, что ты зашёл, — заметил папа. — Мне сегодня как раз хотелось с тобой поговорить. Садись поешь, легче будет разговаривать.

Хенрик сел с испуганным видом, ведь он не знал, о чём папа хочет с ним говорить. Наверняка какая-нибудь неприятность. Может быть, папе больше не нужен помощник?

Но папа хотел поговорить с Хенриком совсем о другом.

— Мне кажется, — начал папа, — что мы с тобой очень хорошо сработались. Да и дел у нас с тобой много. И мне бы очень хотелось знать точно, не собираешься ли ты уходить от меня. Конечно, теперь я буду платить тебе больше, и мне бы очень хотелось знать твёрдо, что

ты никуда от меня не уйдёшь.

Хенрик не мог вымолвить ни слова. Ведь ни о чём другом он и не мечтал. Больше всего на свете ему хотелось работать на грузовике вместе с папой.

— Может, тебе надо сперва подумать об этом? — спросил папа.

— Да нет же, — вмешалась Мона. — Он онемел от радости, как ты не понимаешь!

— Конечно, я очень рад, — сказал Хенрик, и улыбка расплылась у него по физиономии. — Я и правда онемел от радости! Ведь ты не шутишь?

— Какие тут шутки! — Папа даже удивился. — А когда я буду уезжать, ты будешь работать на грузовике один.

— Простите, я должен уйти на минутку, — сказал вдруг Хенрик, — но я сейчас же вернусь.

— Не понимаю, куда это он убежал? — сказал папа. — Всё-таки в последнее время он какой-то странный.

— Неужели ты не понимаешь, куда он пошёл? — спросила Мона. Она не переставала удивляться тому, как мало понимают взрослые. — Он пошёл к Нижней Хюльде, чтобы рассказать ей об этом. Может, он теперь даже осмелеет и посватается к ней.

— А ты думаешь, он хочет посвататься? — спросила мама.

— Конечно. Просто он не знает, как это сделать, — решительно заявила Мона.

— Да нет, ты ошибаешься, — сказал папа.

Вскоре вернулся Хенрик.

— Ну что, посватался? — спросила Мона.

— Нет, опять духу не хватило, — сказал Хенрик. — Но я хоть сказал ей, что мне прибавили зарплату, ну и в таком духе.

— Это уже начало, — улыбнулась мама.

В этот вечер дети долго разговаривали, лёжа в постелях.

— Нужно как-то помочь Хенрику, — сказала Мона.

— Конечно, а что можно сделать? — спросил Мадс.

— Я не знаю, что значит свататься, поэтому я ничего не могу придумать, — тяжело вздохнула Милли.

— Я тоже, — сказала Мина.

— Смотрите, — начал объяснять им Мадс. — Вот, например, Мона — это Нижняя Хюльда, а я — Хенрик. В руке у меня букет цветов.

— Нет у тебя никакого букета, у тебя пустая рука, — сказала Милли.

— Да как ты не понимаешь, что это понарошку, — объяснила ей Мона.

— Ну вот, я вхожу и говорю: «Дорогая Хюльда, не хочешь ли ты выйти за меня замуж?» — сказал Мадс.

— А я отвечаю: «Да» — и, значит, всё в порядке, — закончила Мона.

— И больше ничего? — удивилась Милли. — Тогда я не понимаю, почему Хенрик не может сам спросить Хюльду.

— Он не решается, потому что боится, а вдруг она скажет: «Нет», — объяснила ей Мона. — Мы должны разузнать, что думает Хюльда, правда, Мадс?

— Я придумал! Завтра утром мы с тобой пойдём к ней на разведку, — заявил Мадс.

На другой день Мона и Мадс постучались в дверь к Нижней Хюльде.

— Войдите! — ответила Хюльда. — Вот это гости, вот молодцы, что зашли ко мне. Ведь я говорила, что вы можете приходить ко мне когда угодно, но вы почти никогда не приходите.

— Мы ещё не привыкли, — сказал Мадс.

— Сейчас посмотрим, кажется, у меня осталось немного печенья. Я думаю, что от сока вы тоже не откажетесь.

Мона и Мадс чинно уселись на стулья и молча ждали, пока Хюльда принесёт им из кухни сок и печенье.

— Тебе не скучно жить совсем одной? — спросил Мадс. — Ты всегда жила одна?

— О нет, я жила вместе со своей мамой до самой её смерти, она умерла три года тому назад. Но ты прав: одной жить и грустно, и скучно, поэтому так приятно, когда приходят гости.

— Но ведь Хенрик часто к тебе приходит, — заметила Мона.

Хюльда слегка покраснела:

— Да, летом, когда вы уезжали, он приходил ко мне почти каждый день. Он днём мастерил вам кровати, а у меня обедал. И мне это очень нравилось. Но в последнее время он стал таким странным. Посидит, посидит минутку, вдруг заторопится и убежит.

— Во всяком случае, ты ему очень нравишься, — сказала Мона. — Может, он просто боится, что не нравится тебе?

— Тогда он ошибается, — сказала Хюльда и тут же спохватилась: — Что же это я вам говорю! Ведь вам всё это, наверное, скучно...

— Ну что ты! — сказала довольная Мона. — Нам как раз очень интересно.

Теперь она узнала всё, что её интересовало, и могла спокойно приняться за дело.

В этот вечер папа, мама и остальные дети никак не могли понять, что делают Мона и Мадс. Мадс что-то записывал, а Мона спрашивала всех по порядку.

— Придумай скорей предложение из трёх слов, чтобы все слова начинались на «И», — сказала Мона папе.

— «Ингрид испугалась иголки», — придумал папа.

— А теперь на «Д».

— «Дети долго дрались», — улыбнувшись, предложила мама.

— Хорошо. Ты запишешь это, Мадс?

— Да. Теперь снова нужно на «И».

— «Идиот испортил игрушку», — быстро выпалила Марта.

— Очень хорошо, правда, Мадс?

— Ага. Теперь на «З».

— «Зяблики зимой зябнут», — сказал папа.

Так они спрашивали ещё долго, и никто не понимал, в чём дело.

В дверь постучали, и вошёл Хенрик. Он мыл внизу грузовик и теперь пришёл с ведёрком и тряпкой.

Не успел он войти, как Мона и Мадс бросились к нему.

— Иди скорее сюда, Хенрик, — позвала его Мона. — Мы придумали, как тебе можно посвататься к Хюльде.

— Нет, ребята, я всё равно никогда не решусь заговорить с ней об этом.

— И не надо. Ты умеешь писать?

— Конечно, только я ведь не решусь написать ей такое письмо.

— И не надо, — сказала Мона.

— Ты напиши только: «Дорогая Хюльда!», а дальше напиши столбиками все эти предложения и каждое слово начинай с большой буквы, а внизу напишешь: «С приветом! Хенрик».

— И в уголочке можешь нарисовать букет цветов, — предложила Мона.

Хенрик не мог сразу понять, что они придумали, но Мадс и Мона усадили его за стол, дали в руки перо, и он написал письмо, которое выглядело так:

— Она теперь решит, что я совсем помешался, — сказал Хенрик.

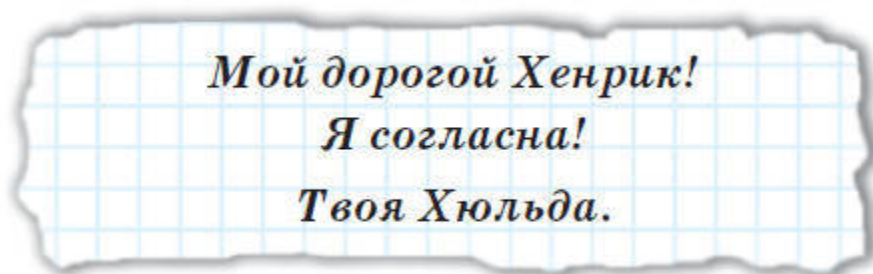
— А вот посмотрим, что она ответит, — сказала Мона.

Она побежала к Хюльде с письмом и объяснила, что надо читать только большие буквы сверху вниз.

— А через десять минут я приду за ответом, — сказала Мона.

Хюльда взяла бумагу и карандаш, выписала все большие буквы в одну строчку, и у неё получилось трижды: «ИДИ ЗА МЕНЯ ЗАМУЖ!»

Она быстро написала ответ:

*Мой дорогой Хенрик!
Я согласна!
Твоя Хюльда.*

Тем временем Мадс и Мона объяснили Хенрику, как надо читать его письмо, и все с нетерпением ждали ответа от Хюльды.

Мона сбегала за ответом, и, когда Хенрик увидел, что написано на бумажке, он страшно обрадовался и бросился с этой бумажкой к папе.

— Смотри! Смотри! — кричал он.

А тут явилась и сама Хюльда.

— Теперь вы жених и невеста! — объявили Мадс и Мона.

— Да, да, поздравляю тебя, Хюльда! — сказал Хенрик, пожал ей руку и поклонился.

— И я тебя тоже! — ответила Хюльда.

Так они стали женихом и невестой. Теперь в этом не было никакого сомнения.

А вам, конечно, интересно, пригласят ли они на свадьбу папу, маму и восемь детей?

Будильник

Осенью трудно вставать рано. Так считали и папа, и мама, и почти все восемь детей. А как считал грузовик, я не знаю. Рано просыпался только Малышка Мортен. Он сейчас же находил себе какое-нибудь интересное занятие.

Однажды он разобрал по винтику новый будильник, потому-то теперь у них и не было никакого будильника.

В другой раз он рассыпал шкатулку с мамиными швейными принадлежностями. А недавно разбросал по полу целый пакет овсянки.

Мортену очень нравилось развлекаться утром в одиночку, поэтому, проснувшись раньше всех, он никогда никого не будил. Но остальным эти проказы не нравились. И без будильника все просыпали и всюду опаздывали.

По утрам папа приходил к грузовику ещё совсем сонный. Ему очень хотелось выпить хоть глоток кофе, но бедному кофейнику не так просто вскипеть в одну секунду, и чаще всего папе приходилось отправляться на работу без кофе.

Каждый день дети убегали из дома в школу в последнюю минутку.

Так дальше продолжаться не могло.

Вечером, когда вся семья была в сборе, папа попросил всех сесть и сказал:

— Кто из вас может дать хороший совет, как вовремя просыпаться утром? Тот, кто придумает самый лучший способ, получит в награду маленький карманный фонарик.

Все задумались.

Все, кроме Малышки Мортена, потому что он уже давно спал.

Мама показала на него и сказала:

— Мортен самый хитрый. Если бы мы все засыпали так же рано, нам было бы легко вставать утром.

— Но нельзя же ложиться в такую рань, — возразил папа. — Должно же у нас хоть вечером быть немножко свободного времени, а то мне придётся с грузовика отправляться прямо в постель.

— А может, мы купим новый будильник вместо того, что сломал Мортен, — предложил Мартин.

— Нет, — ответила мама. — У нас нет денег. У меня было немножко, но я купила на них шерсть и отправлю её бабушке, она обещала связать нам всем по паре носков.

— И мне тоже? — спросил папа.

— Конечно, — ответила мама.

— Так, значит, нового будильника у нас не будет, — сказал папа.

— А у нас есть живой будильник, — сказал Мадс. — Только этот будильник как раз утром и не звонит.

— О ком это ты говоришь? — удивился папа.

— О Мортене, конечно. Ведь он всегда просыпается очень рано. Сколько он успевает всего натворить, пока мы проснёмся.

— Верно, — засмеялся папа. — Вот только как нам заставить его будить нас? По-моему, он очень доволен, что мы спим так долго.

— Нужно придумать что-нибудь такое, чтобы ему было интересно. Папа, у тебя где-то был старый колокольчик, помнишь, ты доставал его, когда мы играли в парход.

— Правильно, — обрадовался папа. — Теперь он нам пригодится.

— Мы сделаем так: подвесим его к потолку, а шнурок протянем прямо к кровати Мортена. Я уверен, что ему станет любопытно, он потянет за шнурок, колокольчик тогда зазвенит, и мы проснёмся.

— Молодец, — сказал папа. — Карманный фонарик твой.

Папа достал колокольчик, а мама принесла лесенку, которой она пользовалась, когда вешала шторы. Папа забрался на лесенку и прикрепил колокольчик так хитро, что если кто-нибудь хоть чуточку задевал шнур, то колокольчик начинал звенеть.

После этого все легли спать и спали очень спокойно. В эту ночь они твёрдо знали, что утром не проспят.

Утром Мортен первый открыл глаза. Сначала он лежал и нежился по привычке, потом стал глядеть по сторонам. Что это такое висит прямо перед его кроватью?

Нужно разузнать. Мортен потянул за верёвку, и колокольчик зазвенел громко-прегромко. Это было забавно. Мортен потянул сильнее, и колокольчик зазвенел ещё громче.

Так громко колокольчику не случалось звенеть с тех пор, как он висел на шее у бабушкиной коровы Дагроз.

Постепенно все зашевелились и, зевая, сидели в кроватях, а Мортен всё звонил и звонил.

Из кухни пришли папа и мама. Папа потягивался, а мама наспех укладывала свои длинные косы.

— Умница, Мортен, — сказал папа. — За это ты получишь большое яблоко.

Мортен взял яблоко. Он никак не мог понять, почему вокруг него поднят весь этот шум. Когда он считал, что не сделал ничего плохого, его почему-то ругали. А сегодня он спозаранок звонил в колокольчик и был уверен, что его будут за это ругать, но оказалось, что он поступил правильно.

В это утро все встали очень рано. Мортен разбудил их в шесть часов.

Если бы вы только знали, как много дел они успели сделать за это утро! Во-первых, каждый успел немножко помочь маме, и поэтому мама рано закончила все дела по дому и смогла пойти с малышами в парк. Всем это очень понравилось. И Мортен сразу понял, что нужно тянуть за шнурок каждое утро. Но он не понимал разницы между воскресными днями и буднями. Поэтому и в воскресенье он начал дёргать шнурок с таким же рвением, как обычно. И всем пришлось и в воскресенье проснуться в шесть часов утра.

— Этого мы не учли, — сказал папа. — Но раз уж мы проснулись так рано, давайте встанем и поедem в лес. Возьмём с собой еды, кофе и будем играть, как будто мы всегда живём в лесу и должны в лесу готовить себе пищу.

— Ура! — закричали восемь детей.

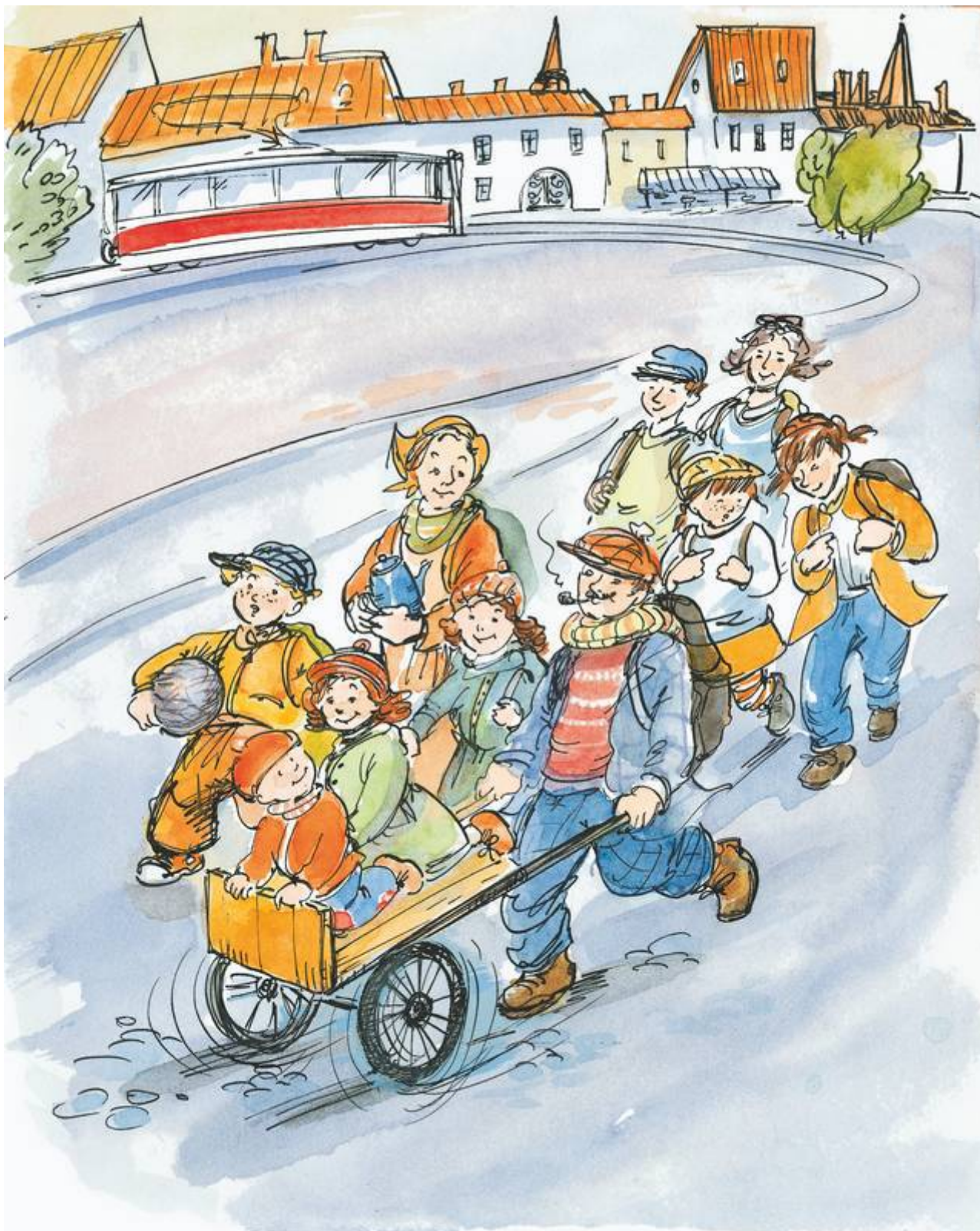
— Я согласна, — сказала мама.

Им пришлось взять с собой очень много вещей. Папа и Мартин надели на плечи рюкзаки, мама взяла кофейник, а Марен — сковородку.

Перед уходом мама всё-таки задержалась на минутку, поглядела на ножки Малышки Мортена и Мины и сказала нерешительно:

— Может, мне лучше остаться с ними дома?

— Об этом не может быть и речи, — возразил папа. — В лес поедут все. Возьмём с собой тележку, посадим в неё Мортена, а если Мина устанет, то и она сядет.

— А может, лучше взять грузовик? — предложила Мона.

— Нет, сегодня грузовик выходной. Да и мне не мешает немножко размять ноги, — сказал папа.

И они пошли в лес. На улице не было ни души. Ведь в воскресенье утром все любят поспать немного подольше.

Папа вёз тележку, на которой сидел весёлый и довольный Мортен.

«Бедные взрослые, — думал он, — должны идти пешком. Им нельзя ехать на тележке, а это так приятно!»

Когда они прошли немножко, Мина остановилась.

— Я уже очень устала, — сказала она, глядя на тележку.

— Что ж, садись, — предложил ей папа.

Он поднял Мину и посадил её сзади Мортена. Ей было очень удобно сидеть, обхватив Мортена, чтобы он не свалился.

Они шли и шли, и наконец Мона сказала:

— Когда же будет лес? Всюду одни дома.

— Наш город очень большой. — Папа взглянул на часы. — Но уже скоро они начнут ходить, — сказал он сам себе.

Никто не понял, что он говорит, но вдруг они услышали за спиной знакомый шум. Их догнал трамвай.

Это был первый воскресный трамвай.

Трамвай был совсем пустой. И водителю, и кондуктору грустно было ехать в трамвае без пассажиров.

Папа подвёз тележку к трамвайной остановке.

— А нельзя ли нам подъехать на трамвае? — крикнул он. — Тележку можно привязать сзади к вагону. Я сам это сделаю.

Вагоновожатый посмотрел на кондуктора, кондуктор — на вагоновожатого.

— Давай привязывай, — сказали они в один голос. — Всё равно у нас нет пока ни одного пассажира. А с такой огромной компанией уже не соскучишься!

Недолго думая папа привязал тележку к трамваю.

Мама со всеми детьми поднялась на последнюю площадку, и трамвай тронулся.

Дети смеялись, тележка грохотала вслед за трамваем.

— Вот как она твёрдо стоит на колёсах, — гордо сказал папа. — Сразу видно, что она уже не первый раз путешествует таким образом.

На самой последней остановке они слезли с трамвая, и здесь уже им ничего не стоило дойти до леса. А вот что с ними произошло в лесу, вы узнаете только из следующей главы.

Самоварная Труба

Осенью в лесу совсем не так хорошо, как летом. Там очень холодно и сыро. Но папа отыскал сухое местечко под большими елями.

— Ох, как я проголодался, — сказал он, хитро поглядывая на маму.

— Что ж, устроим небольшой завтрак, — предложила мама.

— Мне бы больше хотелось сразу пообедать, — заметил папа. — Кажется, у нас с собой есть пирожки с мясом?

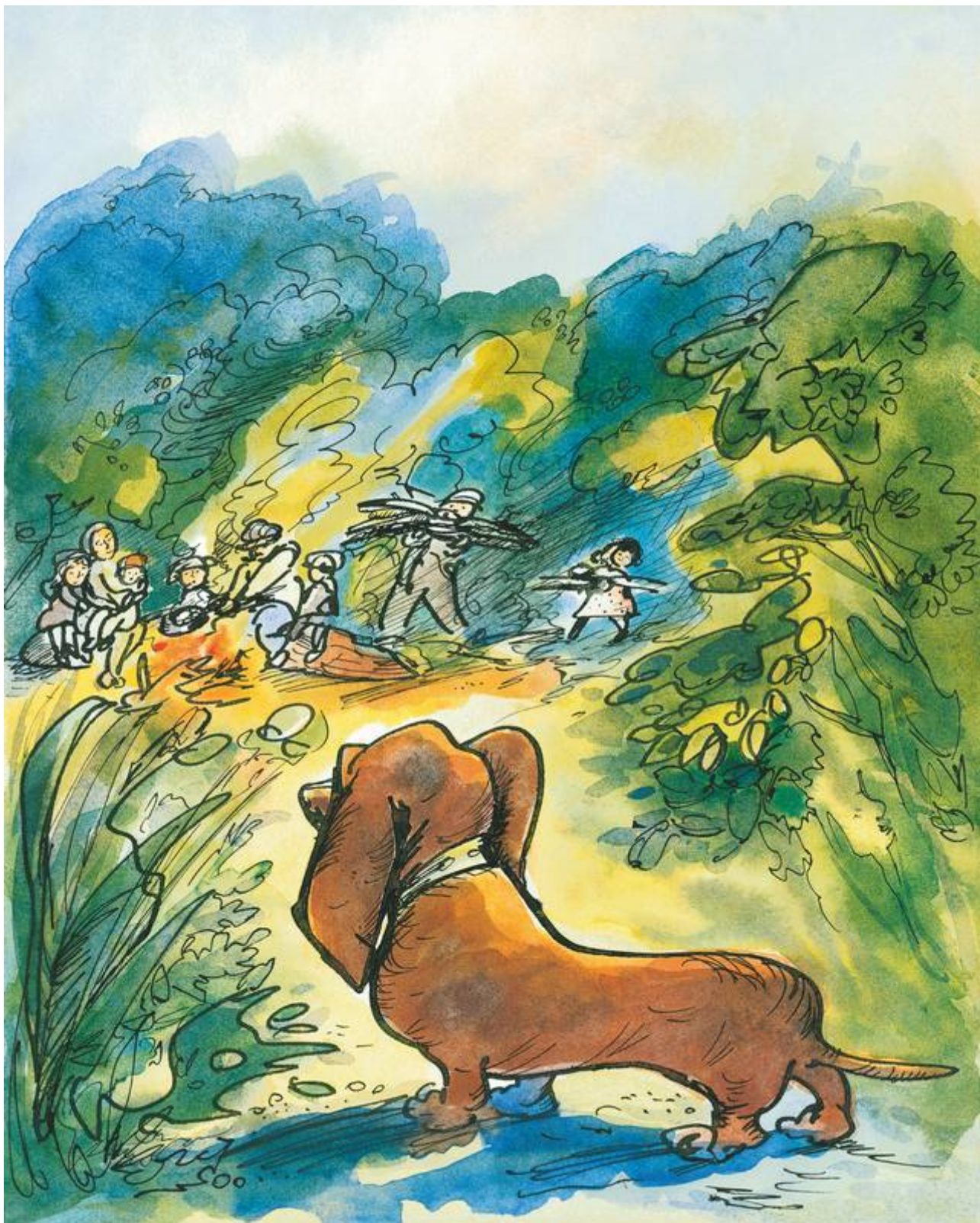
— Неужели ты будешь обедать в восемь часов утра? — удивилась мама.

— А почему бы нам не пообедать? Кто сказал, что так не полагается? Разве кто-нибудь из вас откажется от пирожка с мясом?

Все поддержали папу, и он начал разводить костёр. Марен принесла сковородку, мама достала пирожки, и вскоре аппетитный аромат распространился по всему лесу.

Не успели они усесться вокруг костра и приступить к еде, как где-то рядом ясно услышали странный писк.

— Что это? Может, птица? — спросил Мадс.

— Нет, это похоже на маленького человечка, — сказала Мона. — Он сразу и плачет и пищит.

— Помолчите минутку, давайте ещё послушаем, — сказал папа.

Писк раздался снова, и вдруг они увидели за кустами какое-то чёрно-коричневое существо.

— У него четыре ноги, — сказал папа. — Оно пищит, как цыплёнок, и плачет, как человек. Это просто-напросто собака. Сидите спокойно. Может, она подойдёт к нам. Бедняжка, она, наверное, очень голодная.

Дети притаились, как мышки, и действительно собака осторожно пошла к ним. Она останавливалась и принюхивалась, иногда издавала жалобный писк. Конечно, она хотела рассказать им, что она тоже любит пирожки с мясом. Особенно сегодня: ведь вчера за весь день у неё во рту не было ни кусочка.

Мона протянула руку и спросила у собаки, не хочет ли она пирожка.

Собака проворно схватила кусок пирожка, ушла за кусты и спряталась там. Но вскоре она снова подошла к ним.

Наконец она осмелела и подошла совсем близко.

Никогда в жизни дети не видели такой странной собаки. Она была длинная, чёрная, с маленькими коротенькими ножками.

— Это такса, — сказал папа. — По-моему, она очень похожа на самоварную трубу.

— Давайте звать её сегодня, пока она с нами, Самоварной Трубой, — предложил Мадс.

— Бедненькая, смотрите, как она замёрзла. На неё просто жалко смотреть, — сказала мама.

— Мы тоже замёрзли, — сказала Мона. — А как сейчас хорошо и тепло дома!

— Нам не стоит сегодня задерживаться в лесу, — сказала мама. — До дому добираться долго, а на обратном пути нам уже не удастся прицепить тележку к трамваю.

— Надо потихоньку двигаться. Ну, пёс, мы уходим домой! Да и у тебя дома, наверное, гораздо теплее, чем здесь.

— А может, она заблудилась? — сказала грустно Марта.

— Ну что ты! Как только мы исчезнем вместе с пирожками, она сразу побежит домой. Спасибо за обед, мать! — сказал папа.

— Мы съели всё, — объявила мама. — Имейте в виду, что дома у меня сегодня больше никакого обеда нет.

— Тогда мы дома позавтракаем, — засмеялся папа.

Они тронулись в путь, но собака не отстала от них. Всю дорогу в город она бежала за ними.

— Самоварная Труба бежит за нами, — шепнул Мадс Моне.

— Я бы хотела, чтобы она осталась у нас навсегда, — шепнула ему в ответ Мона.

— По-моему, мы ей очень нравимся, — гордо сказал Мадс.

Он не отрывал глаз от Самоварной Трубы. Собака бежала за ними так быстро, как только ей позволяли её короткие ножки. И когда папа наконец остановился у ворот их дома и обернулся, он сразу увидел собаку.

— И ты здесь? — удивился он. — Иди, пожалуйста, домой, видишь, мы уже пришли.

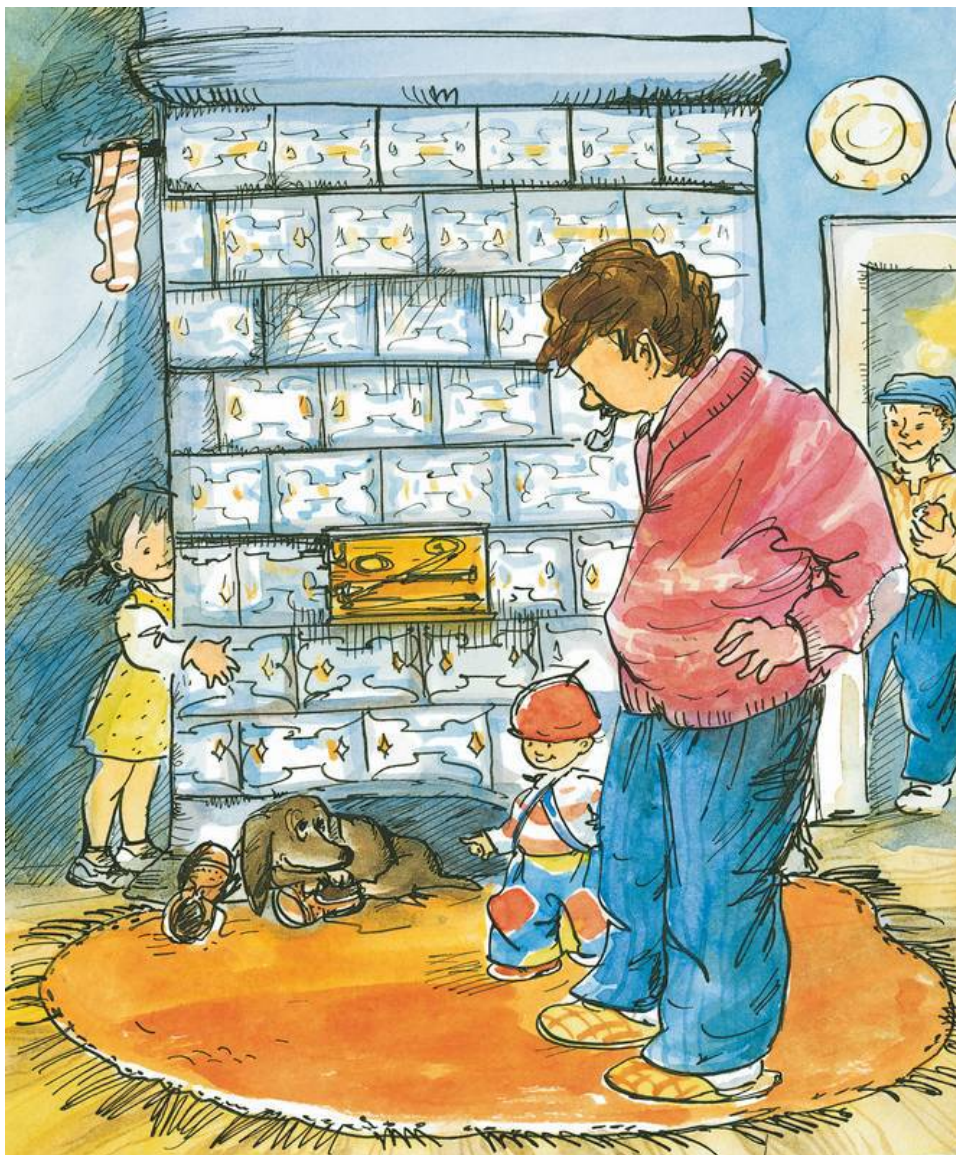
Но нет. Собака засеменила за ними, и, когда папа открыл дверь, она шмыгнула в комнату, подошла прямо к печке и улеглась под ней.

Было уже три часа, и, когда они поели (зовите это завтраком или обедом — как угодно), папа сказал:

— Завтра утром мы посмотрим в газетах, не потерял ли кто-нибудь эту собаку. Ведь она очень породистая.

В этот вечер все восемь детей, лёжа в кроватях, мечтали, чтобы завтра в газетах не было объявления о том, что кто-то потерял маленькую чёрно-коричневую собаку с коротенькими ножками.

Рано утром на другой день папа пошёл и купил пять разных газет.

Все сели за стол, и папа начал громко читать те страницы в газетах, на которых было напечатано: «Потеряно».

Золотое кольцо потеряно вчера. Коричневая кожаная перчатка потеряна вчера в трамвае... Канарейка вчера вечером улетела из клетки. Чёрно-коричневая такса убежала из дома вечером в пятницу.

— Ага, Самоварная Труба, вот это о тебе, — сказал папа.

— Ой! — Мона так расстроилась, что даже заплакала.

А Мадс сказал:

— Лучше ей туда и не возвращаться, если они даже не могли уследить за ней.

— Она принадлежит какой-то даме, — сказал папа. — Здесь указан адрес. Кто из вас отведёт её домой?

— У меня сегодня только два урока, — ответил Мадс. — Мы с Моной можем отвести её, потому что мы больше всех с ней играли.

— Хорошо, — согласился папа. — Но на память о вчерашнем дне я подарю ей поводок с ошейником.

Папа пошёл в магазин и купил для Самоварной Трубы красивый красный ошейник и новенькую цепочку.

В этот день Мадс по пути из школы нигде не задержался. Он взлетел по лестнице и закричал с порога:

— Она ещё здесь?

— Здесь, — ответила мама. — Вон лежит под печкой.

Самоварная Труба завиляла хвостом и весело залаяла навстречу Мадсу.

— Ну идите скорей, — сказала мама. — Спасибо, Самоварная Труба, ты нам всем очень понравилась.

Самоварная Труба долго смотрела на маму и на хорошую тёплую печку, но в конце концов послушно пошла вслед за Моной и Мадсом.

— Мама сказала, что мы должны поехать на одиннадцатом трамвае до самого конца и пройти вперёд, пока не дойдём до дома номер двадцать пять.

— Хорошо, — сказал Мадс. — Интересно, ездила ли когда-нибудь наша Самоварная Труба на трамваях?

Конечно, Самоварная Труба ездила на трамваях, потому что, когда трамвай остановился, она ловко прыгнула на площадку и натянула поводок, собираясь войти в вагон. Мадс и Мона сели, и Самоварная Труба сразу же положила передние лапы Мадсу на колени. Ей хотелось, чтобы её взяли на руки.

— Прыгай! — сказал Мадс.

Это была замечательная маленькая собачка. Она сидела на коленях у Мадса и смотрела в окошко. Всякий раз, как она видела на улице другую собаку, она начинала лаять.

К детям подошёл кондуктор.

— Возьмите билеты, — сказал он.

— Два детских, — попросил Мадс.

— Два детских и один взрослый, — поправил его кондуктор.

— А мы едем без взрослых.

— Я вижу, — сказал кондуктор. — Но собаке полагается взрослый билет.

— Конечно, мы возьмём ей билет, но тогда у нас не останется денег на обратную дорогу, — прошептал Мадс.

Кондуктор получил деньги, а Самоварная Труба была очень горда тем, что едет по взрослому билету.

И Мадсу и Моне казалось, что трамвай идёт слишком быстро. Вот трамвай остановился на конечной остановке. Самоварная Труба изо всех сил натянула поводок.

Дети пошли точно, как сказала мама, и скоро дошли до дома номер двадцать пять.

— Позвони ты! — сказал Мадс.

— Ладно! — Мона нажала кнопку.

Им долго никто не открывал.

— Может быть, никого нет дома? — Мона даже покраснела от этой мысли.

— Подождём — увидим, — сказал Мадс.

Мона позвонила ещё раз. И тут они услышали, как кто-то, шлёпая туфлями, идёт к двери. Наконец им открыла дверь старая дама.

— Ганнибал, да, никак, это ты! — воскликнула она. — Вот хорошо! По правде говоря, я совсем не знаю, что с тобой делать. Мне бы очень не хотелось, чтобы с тобой случилось какое-нибудь несчастье. Это вы его нашли, дети?

— Да, её нашла вся наша семья, — сказала Мона. — Мы нашли её далеко в лесу. Она, бедненькая, была такая голодная и так дрожала от холода. Наверное, поэтому ей очень понравилось у нас дома. Она могла лежать у нас под печкой подряд день и ночь и всё греться. А у вас есть печка?

— Нет, у меня только паровое отопление, но всё-таки у меня хорошо и тепло, — ответила дама. — Заходите, пожалуйста, и всё увидите сами.

— Спасибо, нам очень хотелось посмотреть, как ей у вас живётся, — сказал Мадс.

Когда они вошли в комнату, дама сказала:

— Ганнибал, да у тебя, кажется, новый ошейник и

цепочка! Можете забрать их домой, дети.

— Нет, нет, не надо! — испугалась Мона. — Папа купил их специально для Самоварной Трубы на память от нас.

— Самоварная Труба? Это вы так называли Ганнибала?

— Да, она же нам не сказала, что её зовут Ганнибал, — ответил Мадс. — И нам показалось, что имя Самоварная Труба ей очень идёт.

— А вы обрадовались, когда узнали, что у собаки есть хозяин? — спросила дама.

— Нет, — сказала Мона. — Мы так надеялись, что никто не будет её искать и она останется у нас навсегда. Вы даже не знаете, как ей хорошо у нас.

— Вот как, — сказала дама и умолкла, о чём-то думая.

Мадс и Мона переглянулись. Дама явно не хотела больше с ними разговаривать.

— Ну, нам пора домой, — сказал Мадс. — Прощай, Самоварная Труба, будь счастлива!

Он наклонился и погладил собаку. А Мона стала перед ней на четвереньки и сказала:

— Если ты ещё раз убежишь отсюда, то приходи прямо к нам. Ладно?

В это время дама очнулась от задумчивости.

— Разве вы так спешите? — спросила она. — Мне хотелось спросить у вас одну вещь. Вы не ошиблись, когда сказали, что вам хотелось бы иметь эту собаку навсегда?

Мадс не успел опомниться, как Мона сказала:

— Конечно, нам бы очень хотелось, чтобы она осталась у нас, но на нет и суда нет, как говорит наша мама, и раз это ваша собака, значит, она ваша, и тут ничего не поделаешь.

— Подождите минуточку, — сказала дама. — Эту собаку прислала мне дочь несколько месяцев назад. Она думала, что мне будет не так одиноко с ней, потому что я живу здесь совсем одна. Но дело в том, что именно теперь, в старости, мне очень понравилось путешествовать. Я собираюсь ехать за границу и не могу взять с собой Ганнибала. И я думала: если я найду каких-нибудь хороших людей, которые захотят взять его к себе, то отдам его. А кроме того, мне трудно ходить с ним гулять. Я вот попробовала выпустить его одного, и вы сами видели, что из этого получилось. Как вы думаете, ваши мама и папа разрешат вам держать дома собаку?

— Ну конечно, обязательно разрешат, — сказала Мона.

— Самое главное, чтобы вы не передумали. Уж очень тяжело было бы снова расставаться с ней, — сказал Мадс.

— Нет, нет, я-то не передумую, потому что на следующей неделе буду уже в Дании, а ещё через две недели — во Франции. Я вернусь домой только к лету, и тогда, если хотите,

можете прийти ко мне в гости, но собаку я отдаю вам навсегда. Вот вам её родословная и квитанция о том, что налог за этот год уплачен.

— Какая вы добрая, — сказал Мадс. — А теперь мы пойдём, нам уже пора.

— Посидите ещё немножко, — сказала дама. — А потом я вызову по телефону такси, чтобы вы вместе с Ганнибалом доехали домой на автомобиле. Деньги на такси я вам дам.

— Вы, наверное, очень богатая? — спросила Мона.

Дама звонко рассмеялась.

Потом она позвонила по телефону, и скоро Мадс, Мона и Самоварная Труба уже ехали домой в красивой красной машине.

Это было необычное зрелище, когда красивая красная машина остановилась перед домом, где жили дети. Мадс расплатился с шофёром, и у него осталась ещё целая крона.

Самоварная Труба вихрем поднялась по лестнице, влетела в квартиру и поскорей спряталась под печку.

— Как приятно снова видеть тебя, — сказала мама. — Надеюсь, ты теперь останешься у нас навсегда?

«Гав!» — ответила ей Самоварная Труба.

Как вы думаете, что это значило?

Самоварная Труба идёт на свадьбу

Папа, мама и все восемь детей были очень горды тем, что у них появилась собака. Она была, конечно, самой замечательной собакой хотя бы уже потому, что у неё были и имя, и фамилия. Ведь старая дама называла её Ганнибалом, а дети — Самоварной Трубой. Вот и получалось: Ганнибал Самоварная Труба. Но дети обычно звали её Самоварной Трубой — так им больше нравилось.

Днём Самоварная Труба любила лежать под печкой и греться, а ночью, когда печка была холодной, ей приходилось искать себе местечко потеплее.

— Пусть она спит со мной, — сказал Мадс.

— Или со мной, — сказала Мона.

И все остальные дети тоже хотели, чтобы Самоварная Труба ночью спала в их кроватях, но мама твёрдо сказала «нет».

— Самоварная Труба не моет ноги перед сном, а гуляет она в любую погоду. Я не хочу, чтобы ваши простыни пачкались.

А папа стоял и смотрел на кровать Мортена. Она была такой же длины, как кровати всех детей, но Мортен не занимал и половины, когда ложился.

— Мы перегородим кровать Мортена поперёк и сделаем из неё две: одну для Мортена, другую для Самоварной Трубы, — сказал папа.

Такое предложение всем понравилось. Папа принёс инструменты, дощечку и сразу всё устроил, а Самоварная Труба лежала под печкой и смотрела на папу.

— А ведь ей нужна подстилочка, — сказала мама.

— Да, да, — пробормотал папа. — Но если нам опять придётся тратить на неё деньги, то, боюсь, нам будет не по карману держать собаку.

— Не беспокойся, — сказала мама. — Мы сами сошьём для неё подстилку из лоскутов. Идемте, дети, будем шить все вместе.

У мамы была целая коробка лоскутков. Все взяли по иголке с ниткой и стали сшивать лоскутки, стараясь получше подбирать цвета.

Получился очень красивый и нарядный матрасик.

— Ну, Мортен, тебе пора ложиться, — сказала мама. — Посмотри-ка, есть ли у тебя сегодня грязное бельё? Есть? Положи всё в свой тазик.

Мортен улегся спать, поставив под кровать свои маленькие башмачки. Самоварная Труба только этого и ждала. Она с быстротой молнии бросилась к ним, схватила один башмак и прыгнула с ним под печку. Это

было замечательно! Она запустила в башмак зубы и хотела полакомиться. Тут все закричали и бросились спасать башмачок Мортена. Но Самоварная Труба была проворнее их. Когда они подбежали к печке, она была уже под кроватью. Пришлось папе стать на четвереньки и лезть под кровать. Наконец он схватил башмак, хотя Самоварная Труба сердито урчала и вид у неё был свирепый.

— Так нельзя, слышишь, Самоварная Труба, — строго сказал папа. — Запомни раз навсегда. Я тебе вот что скажу: у меня восемь детей, которым я должен покупать ботинки, но если ещё и для тебя придётся покупать, то боюсь, что у меня не останется денег на еду ни для тебя, ни для всех остальных.

Самоварная Труба с оскорблённым видом удалилась под печку. И когда папа немного спустя ласково заговорил с ней, она не замахала хвостом, а продолжала сердиться. Она отвернулась и уставилась в стенку.

— Хм, — сказал папа.

— Наверное, она привыкла всегда грызть старые ботинки, — сказал Мадс. — Я сбегая сейчас к Хюльде, может, у неё есть.

Он спустился и спросил Хюльду:

— Хюльда, нет ли у тебя одного старого ботинка?

— Нет, у меня оба новые, — ответила Хюльда и посмотрела на свои ноги.

— Не эти, нам нужен один старый ботинок, который ты больше не носишь.

— Такие, может, и есть, — ответила Хюльда, и выражение лица у неё вдруг стало очень нежным. — Я как раз перебираю все свои сундуки, сегодня попозже вечером я, возможно, скажу вам, зачем я это делаю. Идём выберем тебе ботинок!

Хюльда дала Мадсу четыре старых ботинка. Когда Мадс вышел от неё на лестницу, он встретил там всех остальных детей. Узнав, что Мадс ушёл искать старые ботинки, они сделали то же самое, и теперь все вернулись

от соседей с добычей. Можете себе представить, какая груда старых ботинок выросла перед Самоварной Трубой!

— Боже мой! — испугалась мама. — Ей нужно давать по одному ботинку, а остальные сложите в шкаф на кухню.

Папа положил старый коричневый ботинок на коврик перед Самоварной Трубой и сказал:

— Пожалуйста, кушать подано!

Но Самоварная Труба ушла к кровати Мортена и прыгнула в неё.

Папа сунул ботинок прямо ей в пасть и снова сказал:

— Это твой ботинок. Можешь его есть.

И только теперь Самоварная Труба простила папе его строгость: она сразу же начала грызть ботинок, подбросила его в воздух, поймала и завиляла хвостом.

— Так, — сказал папа. — Значит, мы снова друзья. А то я очень не люблю ссориться.

В это время постучали в дверь. Самоварная Труба вскочила и залаяла изо всех сил, но, увидев, что пришли Нижняя Хюльда и Хенрик, снова успокоилась.

Она уже успела с ними познакомиться и знала, что это друзья и на них лаять не следует.

Мадс взглянул на Хюльду. Она снова показалась ему какой-то странной.

Она стояла, переминаясь с ноги на ногу, посмеивалась, и выражение лица у неё было очень ласковое.

Да и Хенрик выглядел как-то необычно: стоял и мял в руках шляпу.

— Добро пожаловать! — приветствовал их папа.

Хюльда села на стул, Хенрик стал рядом, смущённо покашливая.

— Дело в том... — начал он. — Нам бы хотелось знать...

— Нет, — перебила его Хюльда, — не знать, а нам бы очень хотелось, чтобы вы пришли в субботу к нам на свадьбу.

— Конечно, мы с удовольствием придём, — сказал папа. — Ведь ты имеешь в виду мать и меня?

— Нет, мы приглашаем вас всех. И Самоварную Трубу тоже. Правда, в церковь её не пустят, но потом, на праздник, пусть приходит и она тоже, — сказал Хенрик.

— Вы же знаете, что, кроме вас, у нас нет близких, — сказала Хюльда. — Поэтому нам очень хочется, чтобы и все дети непременно пришли, это будет наша свадебная процессия. У Хенрика ещё есть старая тётушка Олеа, у которой он сейчас живёт, её мы тоже, конечно, пригласим, а больше у нас во всём городе нет ни родных, ни знакомых.

Дети улыбались, кивали, а Мона сказала:

— Ой, Хюльда, как хорошо!

— Что — хорошо? — спросил папа. — Что у них нет родственников?

— Нет, хорошо, что мы все пойдём на свадьбу, — объяснила Марта.

— И ещё одна просьба, — сказал Хенрик. — Понимаешь, Хюльде очень хочется поехать в церковь на автомобиле, хотя до церкви всего два квартала. Так вот я думал, не одолжишь ли ты мне грузовик, тогда я смогу сам отвезти в церковь мою невесту.

— А вы все можете сесть в кузов, тогда и свадебная процессия приедет в церковь на автомобиле, — предложила Хюльда.

— Конечно я дам тебе грузовик, — сразу согласился папа. — Всё будет в порядке. Большое спасибо за приглашение.

Хюльда и Хенрик ушли, а у детей теперь было о чём подумать.

— Ты тоже пойдёшь на свадьбу, слышишь, Самоварная Труба? Ты рада? — сказала Мона.

Но Самоварная Труба не понимала, о чём ей говорила Мона, она грызла свой ботинок и ни о чём другом не желала думать.

И вот наступил день свадьбы.

В церковь нужно было ехать к пяти часам. В половине четвёртого мама позвала всех детей в кухню. По всей кухне были расставлены тазики для умывания с тёплой водой. Детям оставалось только как следует вымыться.

А им было что отмывать!

Наконец восемь отмытых до блеска детей были готовы.

Они надели свои самые нарядные платья. Папа надел синий костюм, мама — красную юбку и белую блузку. И все сели ждать. Без четверти пять в дверь постучали.

Оказалось, что пришла сама невеста и вместе с ней какая-то пожилая дама. Конечно, это была тётушка Олеа, у которой жил Хенрик.

— Просто не знаю, что и думать, но Хенрика ещё нет, — сказала Хюльда.

— Как — нет? — удивился папа. — Это весьма странно.

— Не понимаю, — сказала тётушка Олеа. — В четверть пятого он был уже совсем готов. Я помогла ему красиво завязать галстук, вдруг он вскочил и сказал, что он о чём-то забыл. И убежал. Больше я его не видела.

— Да он сейчас придёт, — сказала мама. — Садитесь, подождите пока.

Но было уже без десяти минут пять, потом без пяти, а Хенрика всё ещё не было.

— Может быть, он передумал? — всхлипнула Хюльда. — Может быть, он уже не хочет жениться на мне?

— Не может быть, — сказал папа. — Здесь что-то другое.

Он был прав. Без трёх минут пять прибежал запыхавшийся Хенрик.

— Хюльда! Хюльда! — кричал он. — Где ты?

Он размахивал руками. В одной руке он держал шляпу, в другой — сухие зелёные веточки, обернутые красной креповой бумагой.

— Хенрик, милый, почему ты опоздал? — спросила Хюльда.

— Я совсем забыл, что тебе нужен свадебный букет. А все магазины уже закрыты. Я достал только эти веточки.

— Ты молодец, обо всём позаботился, — сказала Хюльда, взяв у него веточки.

И теперь уже все вместе побежали вниз по лестнице.

Хюльда и Хенрик сели в кабину, а остальные разместились в кузове. Осталась только тётушка Олеа.

— Мне не влезть наверх, — сказала она. — Видно, мне не придётся поехать с вами в церковь.

Но папа помог тётушке залезть в кузов, и Хенрик поехал так быстро, как ещё никогда не ездил.

Ровно в пять часов они были в церкви.

Когда они входили в церковь, мама шепнула Малышке Мортену и Мине, чтобы они вели себя тихо-тихо.

Но всё обошлось благополучно. В церкви было так много интересного, что Мортен был очень занят. И только когда все запели, после того как Хюльда и Хенрик сказали «да», Мортен повернулся ко всем и сказал:

— Тисе! Лазве вы не знаете, сто в целкви нельзя суметь?

Но это было не страшно, потому что в церкви не было посторонних.

Священник поздравил Хюльду и Хенрика, и можно было ехать домой. Теперь квартира Хюльды принадлежала им обоим, и Хюльда прибила к двери новую дощечку, на которой было написано: «Хюльда и Хенрик».

Мадс сбежал наверх, привёл Самоварную Трубу, и праздник начался. Хюльда напекла много вкусных пирожных и приготовила очень красивые бутерброды с яйцами и колбасой.

Самоварная Труба сидела под столом, и все дети умудрились положить по кусочку колбасы ей прямо в рот.

Самоварная Труба считала, что свадьба удалась на славу.

Впрочем, и все так думали, а если б и вы на ней были, вам бы тоже очень понравилось.

Три раза бегом вокруг квартала

Приближалось Рождество. Все ходили с таинственными лицами и придумывали, что бы такое подарить друг другу.

Мона тоже придумала. Она прятала свою тайну в своём ящике для игрушек. Тайна была салфеткой, которую она вышивала для мамы. Это был кусочек старой простыни, но Мона вырезала из него ровный круг, а Нижняя Хюльда дала ей красных ниток для вышивания. И каждый раз, когда она приходила в гости к Хюльде, она немножко вышивала. Салфетка была уже почти готова. Но вот сегодня, когда она хотела достать из ящика салфетку, её там не оказалось. Мона искала и искала по всей квартире и наконец нашла её на полу под одной из кроватей.

Салфетка была измята, запачкана и испорчена, но самое странное заключалось в том, что кто-то вышел на ней какие-то беспорядочные красные разводы.

Мона стояла с салфеткой в руке и смотрела по очереди то на одного, то на другого. У неё был такой сердитый взгляд, что все испугались и поспешили сказать, что они этого не делали. Даже папа подошёл к Моне и сказал:

— Мона, дорогая, поверь, что я даже не прикасался к твоей вышивке.

И только Малышка Мортен не сказал ни слова, потому что он спал после обеда.

Мона, конечно, сразу догадалась, что напроказничал Мортен, а теперь он спит, и она даже не может выругать его как следует. Он лежал в своей кроватке с таким невинным видом, что Мона рассердилась ещё больше. Ей хотелось схватить весь ящик с игрушками и швырнуть его на пол, чтобы все сразу поняли, как она сердита.

Папа взглянул на Мону.

— Конечно, это очень плохо, — сказал он. — Но самое плохое, что у нас так мало места. Здесь даже посердиться негде по-настоящему.

— Как это — негде? — удивилась Мона. — Разве мне сердитой надо больше места, чем не сердитой?

— Несомненно, — ответил папа. — Вот, например, я, когда сержусь, убегаю из дому и обегаю несколько раз вокруг нашего квартала. Чем злее бываю, тем больше бегаю. И несусь изо всех сил. Так и бегаю, пока не устану настолько, что мне даже захочется вернуться домой и отдохнуть.

— И я попробую! — воскликнула Мона. — Знаешь, как я сердита! Ох, как я сердита!

С этими словами она подбежала к двери и, спускаясь по лестнице, всё время повторяла:

— Ох, как я сердита! Ох, как я зла!

И на улице она тоже сказала громко и чётко:

— Я сердита! Я сердита! Я сердита!

А когда на неё стали оглядываться все прохожие, она забормотала:

— Я сердита. Я сердита.

Она шла в такт этим словам, и, чем быстрее она шла, тем быстрее ей приходилось произносить их:

— Я сердита. Я сердита. Я сердита. Я сердита. Я сердита.

Наконец она побежала, и ей пришлось замолчать, потому что иначе было трудно бежать.

Когда она обежала вокруг квартала три раза, она увидела Мадса. Похоже было, что он, рассердившись, тоже бегал вокруг квартала.

— И ты рассердился? — спросила на бегу Мона.

Мадс только кивнул и побежал дальше.

А Мона уже очень устала, ей больше не хотелось бегать. Она перестала сердиться. Ей хотелось сесть на край тротуара перед домом, где они жили, и подождать Мадса.

Но не успела она сесть, как увидела, что из дому выбежал папа. Ох, если бы вы видели, как он бежал! Наверное, он был страшно сердит! Затем выбежала Марен. В парадном слышались голоса Милли и Мины. Они тоже говорили:

— Мы сердиты. Мы сердиты. Мы сердиты.

Они бежали не так быстро, но лица у них были очень сердитые. В это время вернулся Мадс, сделав первый пробег вокруг квартала, но он, не останавливаясь, побежал дальше. Значит, он ещё не подобрел. Вихрем пролетел папа. Он сделал один круг и начал второй.

«Теперь только мамы с Малышкой Мортеном не хватает», — подумала Мона, и в это время на улицу выбежала мама с Мортеном на плечах.

Мортен громко кричал, а мама повторяла:

— Тише! Ох, как я сердита. Тише! Ох, как я сердита.

«Посижу-ка я здесь и подожду, пока они не перестанут сердиться», — подумала Мона.

Наконец к ней подбежал Мадс.

Он перестал сердиться, но вид у него был очень возбуждённый:

— Видела, как быстро папа бегают?

— Ага, я всех видела. Что там случилось?

— Да вот, понимаешь, когда ты убежала, мама сказала папе: «Что-то я не замечала, что ты имеешь привычку уходить, когда сердишься. По-моему, ты всегда сразу начинаешь кричать: „Что?“» И папа сразу начал кричать: «Я? Кричу? Я всегда так сдержан, что вы ни разу не видели меня сердитым!» — «Если уж и вы начали ссориться, то я действительно рассердился», — сказал я и убежал. Ну, ты видела, что сразу за мной выбежал папа, а потом и все остальные — тоже по очереди рассердились и побежали.

К дому подбежали Марен, Мартин и Марта, потом мама с Мортеном. Мама не смогла пробежать больше одного круга. Ведь у неё на плечах сидел Мортен, а он был не легче мешка с картошкой.

Наконец прибежали все, кроме папы. Он пробежал уже шесть кругов, но каждый раз, когда он пробегал мимо, он кричал:

— Сейчас ещё один кружок и вернусь!

Все сидели и ждали его. Бедный папа! Если б вы знали, как он устал! Он был краснее пиона, когда подбежал к ним, сделав последний круг. Но зато он был добрым и довольным.

— Теперь неплохо пойти домой и поужинать, как вы считаете? — спросил он.

— Конечно, конечно! — ответила мама за всех.

— А потом посидим в темноте, — предложила Мона.

Когда им хотелось провести вечер особенно приятно, они гасили свет в комнате и все садились к окну.

Они очень хитро придумали гасить в комнате свет, потому что, когда свет горел, они видели в окне только собственные отражения, а когда в комнате было темно, они очень хорошо видели всё, что происходит на улице.

Они видели уличные фонари и освещённые витрины магазинов. А если шёл дождь, то было ещё интереснее — тогда уличные фонари отражались в лужах, всё искрилось и сверкало.

Они взяли бутерброды и уселись перед окном. А Самоварная Труба улеглась на подоконнике, потому что ей тоже хотелось смотреть вместе с ними.

Мама погасила свет. Папа включил радио. Он в два счёта съел свой ужин, так как страшно проголодался, затем достал трубку и закурил.

Милли потихоньку радовалась, потому что знала, что теперь никто не вспомнит, что ей, Мине и Мортену пора ложиться спать. Сначала она смотрела на дым из папиной трубки, потом стала разглядывать фонари и витрины и наконец взглянула на дом, стоявший напротив.

Там тоже кто-то курил трубку. Как он сильно дымил! Наверное, у него была очень большая трубка. И наверное, это был очень большой мужчина, раз он мог так много накурить за один раз.

«Жалко, что тролли бывают только в сказках, — думала Милли. — Как интересно было бы думать, что в доме напротив живёт большой, добрый тролль, который курит гигантскую трубку. А его дети сидят рядом с ним перед окном, совсем как мы. Вот ещё больше дыма повалило из окна. Нет, наверняка там сидит тролль и курит длинную трубку».

Милли даже засмеялась при этой мысли.

— Над чем ты смеёшься? — спросила мама.

— Я думаю об этом тролле... то есть, я хотела сказать, об этом человеке, который курит такую большую трубку в доме напротив.

Теперь все увидели дым, и мама быстро сказала:

— Тут что-то не в порядке, отец.

— Верно, — сказал папа. — Смотри, дым валит, а в комнате темно. Может, там никого нет дома.

— Значит, они не знают, что у них горит, а пожарных вызвать некому, — испугался Мадс.

Папа вскочил:

— Я сбегаю посмотрю.

— Там на углу есть пожарный сигнал, — сказал Мартин.

— Знаю, а вы бегите предупредите жильцов того дома. Они ещё ничего не заметили.

Все восемь тут же приготовились бежать, но мама сказала:

— Пойдут Марен, Мартин, Марта и Мадс. Остальные будут смотреть из окна. А я пойду предупредить Хюльду и Хенрика. Я сию минуту вернусь.

Старшие побежали в дом напротив и стали звонить во все квартиры. Они говорили:

— Мы только хотели предупредить вас, что из одного окна в вашем доме идёт дым. Наш папа побежал вызывать пожарных.

Мадс позвонил в одну квартиру, но ему никто не открыл дверь, и, когда он сунул нос в замочную скважину, он ясно почувствовал запах дыма.

Мона, Милли и Мина лежали на подоконнике, прижав носы к самому стеклу. Им очень хотелось посмотреть на пожарную машину.

А Мортен побежал на кухню, взял своё игрушечное ведёрко, набрал в него воды, спустился с лестницы, перешёл через улицу и пошёл к дому, где был пожар. Но окно, из которого шёл дым, было очень высоко.

«Наверное, поможет, если я вылью воду прямо на стену», — подумал Мортен и выплеснул на стенку всё ведро.

Мортен хотел принести много таких ведёрок, ведь ему всегда хотелось стать пожарным, но в это время его обнаружила Марен.

Она подняла его на руки и отнесла домой. И не помогли никакие крики Мортена. Ему пришлось сесть на окно вместе с Моной, Милли и Миной. Своем подъехали пожарные машины. Они ехали на полной скорости и у дома резко затормозили. Повсюду замелькали пожарные.

— Идёмте, я покажу вам квартиру, — сказал Мадс и побежал вверх по лестнице.

Здорово ему повезло в этот день!

Через несколько минут пожарные вместе с Мадсом потушили пожар и спустились вниз.

— Хорошо, что вы предупредили нас так быстро. Ещё немножко — и был бы большой пожар.

Пожарные отдали честь, вскочили в машины и уехали.

— Молодцы пожарные, — сказал папа.

— И я то же, — сказал Мортен.

— Ты это о чём, Малышка? — спросил папа.

— Тепель меня зовут не Малышка Молтен, а Молтен Позалник, — объяснил ему Мортен.

На другое утро в их почтовом ящике лежало письмо, адресованное папе, маме и всем восьми детям. На письме не было почтовой марки. Значит, кто-то рано-рано утром сам опустил письмо в их ящик.

Папа вскрыл конверт и прочитал:

Дорогая большая семья!

Мне хочется от всего сердца поблагодарить вас за то, что вы вчера вызвали пожарную команду. Соседи рассказали мне, как вы бежали и предупреждали всех жильцов дома. Я ушла и забыла выключить утюг, и если бы пожарные не приехали так быстро, то вся моя квартира и все вещи сгорели бы. А может быть, и весь дом. Представляю, какое бы у меня было Рождество. Я вам очень благодарна и надеюсь, что вы примете мой маленький подарок. Купите себе на эти деньги что-нибудь, что порадует всех вас, славных пожарников.

С приветом

*Дама, живущая напротив,
которая никогда больше не уйдёт из дому,
не выключив утюг.*

Внутри конверта лежала красная бумажка.

— Сто крон, — сказал папа. — Ничего хуже нельзя было придумать.

— Ничего лучше нельзя было придумать, — сказала Мона.

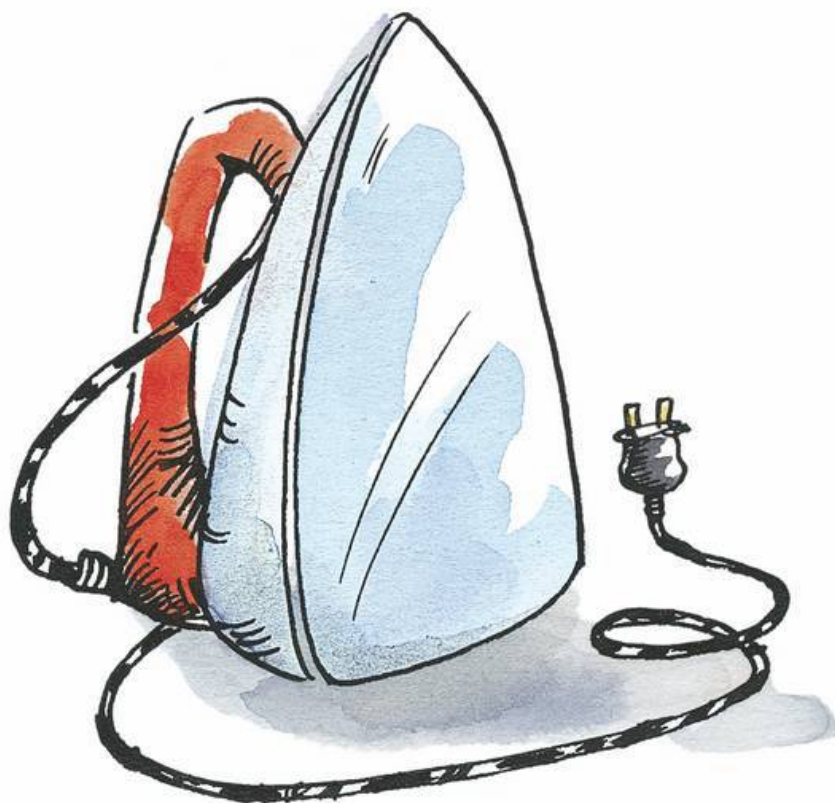
— Недоставало ещё брать деньги за то, что мы помогаем друг другу, — сказал папа. — Я пойду и отдам их обратно.

— Нет, так нельзя, — сказала мама. — Дама так радовалась, что сделала нам подарок, и она очень обидится, если мы вернём его.

— А на что мы их потратим? — спросила Мона.

— Давайте сделаем так, — предложил папа. — Мы будем весь день думать, а вечером скажем, кто что придумал.

Теперь у них было о чём думать целый день, и вам, конечно, тоже любопытно узнать, что же они придумали.

Сто крон

В тот день, когда они получили сто крон, папа, мама и восемь детей непрерывно думали.

Папа, как обычно, пошёл к грузовику. Хенрик уже сидел на своём месте в кабине, но папа не сел сразу рядом с ним. Он обошёл несколько раз вокруг грузовика и сказал:

— Так, так! И тебе ведь тоже, наверное, многое нужно. Например, новые фары. А? Ну, увидим!

Он завёл грузовик, и они поехали. Хенрик смотрел на папу, ничего не понимая, и папа казался ему очень странным, но сказать что-нибудь Хенрик постеснялся.

А дома мама ходила и разговаривала сама с собой:

— Конечно, купить мешок картошки совсем не плохо. Её можно опустить в погреб, и тогда у нас будет запас картошки на всю зиму. Надо непременно сказать об этом вечером.

Милли и Мина сидели в комнате и о чём-то шептались.

— Надо быстрее придумывать, — сказала Милли. — Грузовик у нас уже есть, нового нам не нужно, а вот самолёт, может быть?..

— А по-моему, лучше купить красивую коляску для кукол, — предложила Мина. — Ты сможешь брать её у меня когда захочешь.

— Нельзя, ведь подарок должен быть общим, а папе, например, такая коляска ни к чему. Лучше купить ванну.

— Или пианино.

— Может, и пианино.

Мона надела пальто и пошла бродить по улицам.

Магазины перед Рождеством сверкали праздничными витринами. Здесь было из чего выбрать. Сначала она долго стояла перед витриной игрушечного магазина, но в конце концов поняла, что тут ничего не выберешь для всех, и пошла дальше. Наконец она остановилась перед витриной, где были выставлены ковры.

Ковёр, вот что нужно купить!

У Нижней Хюльды был такой ковер, он всем очень нравился. Да, ковер — это совсем не так глупо!

Мона вошла в магазин и спросила, сколько стоит красивый зелёный ковёр.

— Девятьсот крон, — ответил продавец.

— Как жалко, — сказала Мона, — а у нас есть только сто, так что нам немного не хватает.

— У меня есть ковёр на триста крон, — предложил ей продавец.

— Нет, спасибо, — сказала Мона и пошла дальше.

Мадс, пока был в школе, тоже всё время думал. Ему очень хотелось есть, поэтому он сидел и мечтал о всяких вкусных вещах, которые они могут купить на эти сто крон. А в соседнем классе Марта мечтала о холодильнике, ей казалось, что это звучит так красиво!

А Мартин размечтался о рубанке, потому что он очень любил столярничать. А Марен мечтала о красивых платьях, и все эти платья были сшиты как раз для неё.

Один только Мортен не думал о том, что можно купить на сто крон. Всё утро он просидел под столом в кухне и торопливо доламывал старый будильник. Будильник был испорчен, и папа с мамой отдали его Мортену.

Мортен никогда не уставал разглядывать винтики и колёсики внутри будильника. Когда папа и старшие дети пришли домой обедать, Мортен ещё сидел под столом.

В этот день обед прошёл очень быстро и тихо.

На обед был гороховый суп, все деловито дули на горячий суп и пристально рассматривали каждую горошину перед тем, как положить её в рот.

Мортен с удивлением смотрел на всех. Неужели они все сразу заболели? Обычно они говорили в продолжение всего обеда, перебивая друг друга. А сегодня говорил только Мортен, и ему никто не отвечал.

Наконец Мортену надоело с ними разговаривать, и он стал беседовать с горошинами, которые лежали у него в тарелке.

— Вы плаваете в талелке? — спросил Мортен. — Смотлите не утоните. Сейчас я съем быстло суп, и вы будете на суше.

Но суп был таким горячим, что Мортену пришлось подуть на него. Он изо всех сил надул щёки и дунул. Суп разбрызгался по всему столу. И не только по столу. У папы, например, был обрызган нос.

И тут только все как будто проснулись.

— Странно, как у нас сегодня тихо, — сказал папа. — Из-за этих ста крон все стали какие-то унылые. Ну-ка, говорите, кто что придумал.

Мама пристально изучала свой суп. Всё время ей казалось, что так хорошо купить целый мешок картошки, но теперь, когда предстояло сказать об этом всей семье, она уже не видела в этом ничего интересного.

Наконец она произнесла несколько неразборчивых слов, которые должны были означать примерно следующее:

— Картошка, целый большой мешок, много сотен картошек.

Она была такой смешной, когда говорила, что все засмеялись, и теперь уже никто не боялся сказать, что он придумал.

— Платья, — сказала Марен.

— Рубанок, — сказал Мартин.

— Еды, — сказал Мадс.

— Ковёр, — сказала Мона.

— Пианино, — сказала Милли.

— Пианино или самолёт, — сказала Мина.

— Фары для грузовика, — сказал папа.

Пока они говорили, Мортен успел съесть весь суп. Он съел даже все горошинки. Только одну он взял двумя пальцами и исчез с ней под столом.

— А это тебе, — сказал Мортен будильнику и засунул горошинку в какое-то колёсико. — Ам-ам, как вкусно, тепель ты сколо поплавишься и будешь звонить ещё лучше, чем ланьше. Дзинь, дзинь, дзинь!

А за столом все опять замолчали, потому что никто ещё не придумал такой вещи, которая бы понравилась всем.

— А это не так уж глупо, Мортен, — заметил папа.

— Часы? — спросила Марен, и по её лицу расплзлась улыбка.

— Стенные часы, — сказал папа.

— Такие, чтобы я утром могла узнавать по ним время, — сказала мама.

— А если они такие же дорогие, как мой ковёр? — спросила Мина. — Он стоит целых девятьсот крон.

— Нет, такие дорогие нам не нужны, — ответил папа. — Нам нужны простые хорошие часы без всяких фокусов. Подождите, я что-то придумал.

Папа схватил газету и стал лихорадочно её просматривать, и никто в эту минуту не посмел даже шелохнуться.

— Так, — сказал наконец папа. — Всё в порядке. Посмотрим. Ну-ка, все одевайтесь! Пусть уж в этот раз посуда останется невымытой, ладно, мама? Мы поедем по делам.

— И Самоварная Труба тоже поедет?

— Нет, Самоварной Трубе сегодня придётся остаться дома.

Ничего более обидного Самоварная Труба ещё в жизни не слышала, она так обиделась, что забралась к Мортену под кровать и не желала ни с кем прощаться.

Но, к счастью, она была совсем незлопамятной. Когда все вышли на улицу и взглянули на своё окно, они увидели, что Самоварная Труба лежит на подоконнике, смотрит на них и машет хвостом.

— Ну, всё в порядке, — сказал папа, и они двинулись в путь.

— Как ты думаешь, мы идём в настоящий часовой магазин? — спросила Мона у Мадса.

— Не знаю, а хорошо бы. Знаешь, как интересно, когда все часы начинают бить в одно и то же время.

Но папа проходил, не останавливаясь, мимо всех часовых магазинов. Наконец он остановился перед большим домом. Они поднялись по лестнице и вошли в большой зал.

Здесь всё было очень необычным. В зале стояло много всевозможной мебели. Кресла, стулья и буфеты громоздились друг на друга. Под потолком висело множество люстр и ламп с большими, похожими на купола абажурами. В одном конце зала стояли столы, заставленные подсвечниками, кухонными весами, кастрюлями, формами для пирожных и электрическими плитками. А кроме того, в зале было много-много людей. На высокой кафедре стоял мужчина с кофейной мельницей в руке и кричал:

— Кто купит кофейную мельницу? Настоящую старинную кофейную мельницу?

— Две кроны!

— Предложено две кроны! Три кроны! Четыре кроны! Кто больше? Никто? — С этими словами он постучал по столу маленьким молоточком.

Мортену это очень понравилось. Здесь настоящие взрослые люди так же, как и он, любили стучать молотком.

— Я тоже! — закричал Мортен. — Я тоже удалю!

Но и папа, и мама, и Марен, и Мартин, и Марта, и Мадс, и Мона, и Милли, и Мина повернулись к нему и сказали:

— Тиш-ш-ш-ш-ше!

И тогда Мортен понял, что действительно надо сидеть тихо.

Но мужчина на кафедре вовсе не замолчал. Он продолжал поднимать один предмет за другим. Вот он поднял в воздух круглый стул для рояля.

— Кто купит? — кричал он. — Удобно сидеть за роялем! Тра-ля-ля! — запел он и затанцевал вместе со стулом.

Все засмеялись.

— Десять крон! — предложил кто-то.

— Одиннадцать!

— Двенадцать! — крикнула дама, сидевшая рядом с мамой.

— Двенадцать! Кто больше? Стул ваш, пожалуйста!

— Знаете, у меня нет никакого рояля, — шепнула дама маме, — но этот стул показался мне таким уютным!

— Конечно, конечно, — ответила мама.

— А теперь займёмся часами, — сказал человек на кафедре, и все дети, как по команде, выпрямились на стульях. — Начинаем с красивых английских часов!

Пока он объявлял, двое мужчин вынесли в зал очень большие часы, которые должны были стоять на полу.

— Пятьсот, — сказал кто-то.

— Шестьсот!

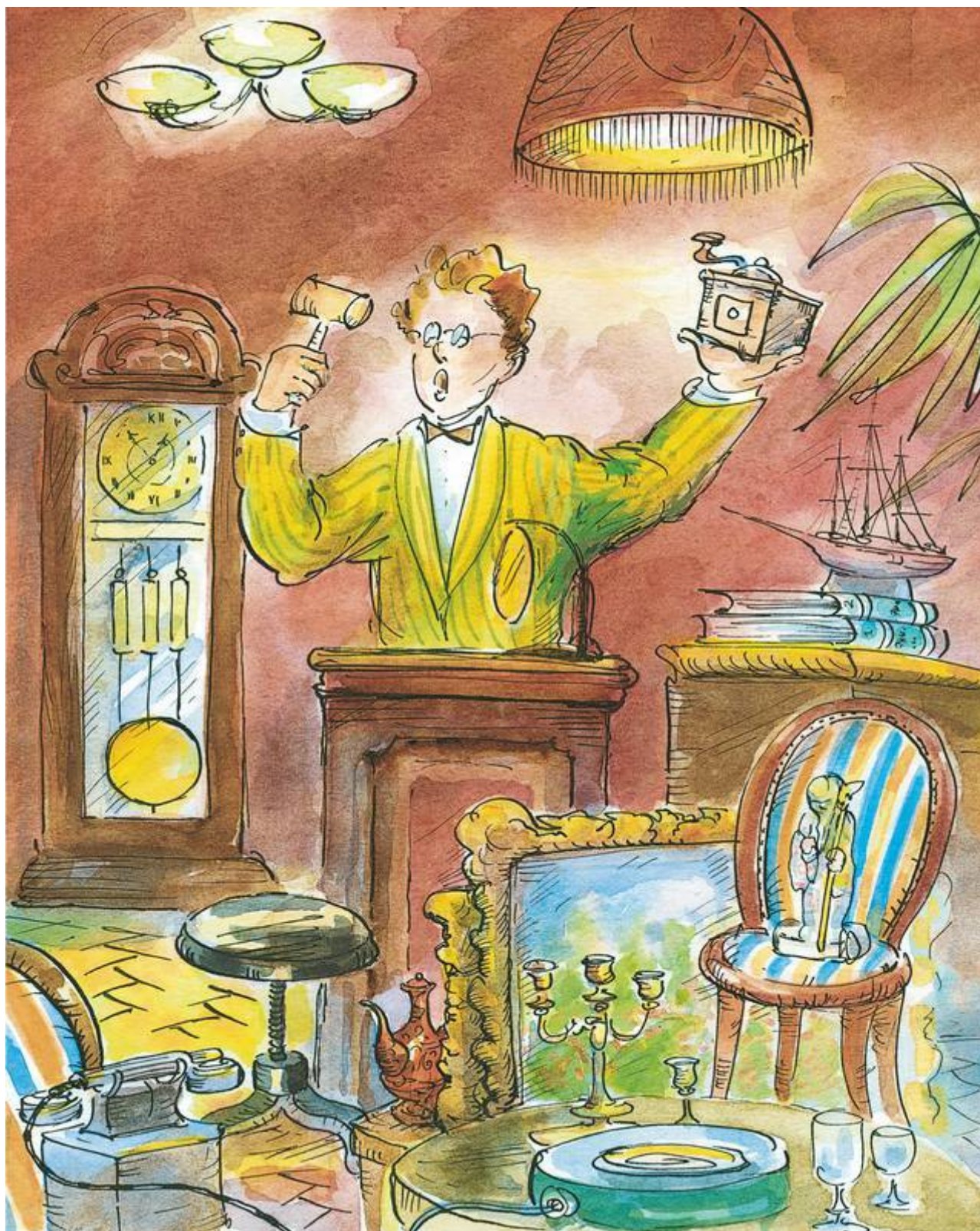
— Тысяча! — крикнул чей-то голос, и часы были проданы.

— Для нас такие часы слишком велики, — сказал папа.

— И ведь они стоят на полу, — сказала мама, — а у нас есть Мортен. Он мигом разберёт их по винтику.

Принесли другие часы. Они были не такие большие, их вешали на стену. Они были очень красивые, с двумя большими гирями. У часов был такой уютный, домашний вид, что они сразу понравились папе, маме и восьми детям. Они зашептались и закивали головой.

Но вдруг произошло нечто странное. Из дверцы, сделанной на самом верху часов, выскочила маленькая синяя кукушка и закуковала.

Дети раскрыли рты от удивления. Все заулыбались.

— Вот бы нам такие часы, — шепнул Мадс.

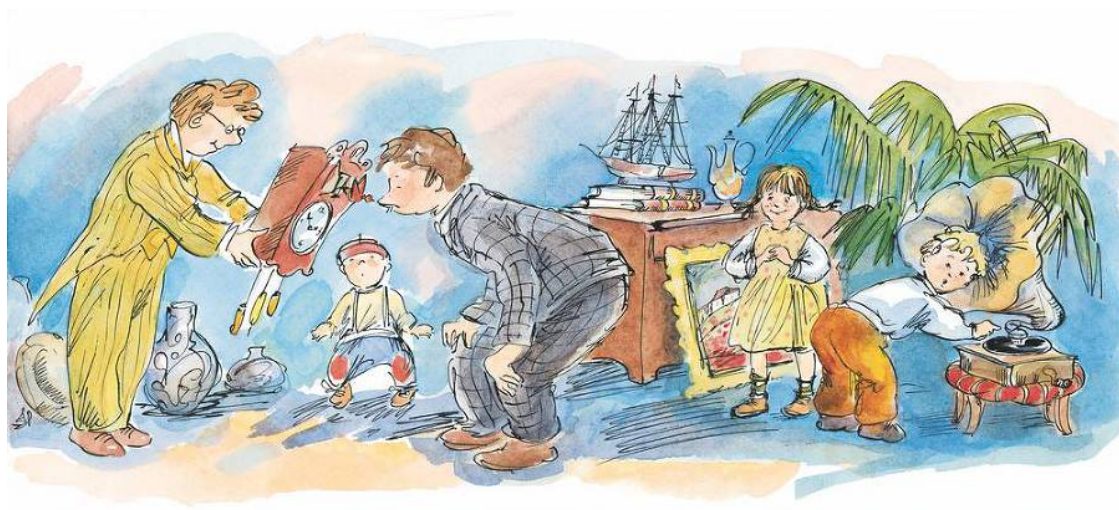
— Ага, — согласились остальные.

Папа откашлялся и предложил за часы пятьдесят крон.

— Дают пятьдесят крон! — закричал человек на кафедре. — Это не простые часы, а с кукушкой. Это очень хорошие старинные часы.

— Почему ты не предложил сразу сто крон, ведь они у нас есть? — спросила Марта папу.

— Шшш, слушай, — сказала мама.

— Шестьдесят крон! — сказал мужчина, сидевший рядом.

— Шестьдесят пять! — быстро крикнул папа.

— Семьдесят!

Мона была в отчаянии. Ну неужели этот человек не мог помолчать! Ведь он должен понять, что это их часы.

— Семьдесят пять! — крикнул папа.

Он сидел совсем тихо, но Мона видела, что он тоже очень волнуется.

Мортен не понимал, что здесь происходит, но по лицам папы, мамы и всех детей он видел, что им очень не нравится тот человек, который сидит рядом с ними. Мортен сполз со скамейки и подошёл к нему.

— С-с-с-с! — сказал он. — Не говори так, мне это не нравится.

Но мужчина не обратил на Мортена никакого внимания.

— Восемьдесят крон! — крикнул он.

— Девяносто! — крикнул папа.

— Девяносто пять! — сказал мужчина.

Папа был вне себя. Ведь у него было только сто крон. А что, если этот мужчина предложит больше?

Человек на кафедре уже начал размахивать молоточком.

— Девяносто пять! Девяносто пять! Кто больше?

Тогда мама кивнула папе и детям, они все встали и хором крикнули:

— Сто крон!

У них получилось так здорово, что все заулыбались, засмеялись, а человек на кафедре подпрыгнул и так ударил молоточком по столу, что всё кругом зазвенело.

— У вас такой дружный хор, что, по-моему, часы должны достаться вам, — сказал он.

— Конечно, — сказал Мортен.

Папа пошёл платить и вернулся с часами в руках. Он нёс их осторожно, словно ребёнка. Мама держалась за гири, Мортен — за маму, Мина — за Мортена, Милли — за Мину, Мона — за Милли, Мадс — за Мону, Марта — за Мадса, Мартин — за Марту, Марен — за Мартина, и все хором говорили о своих часах. И вдруг часы сказали «ку-ку» и притворились, будто это сделала маленькая синяя кукушка.

Домой они шли очень медленно, боялись, что быстрая ходьба часам не понравится.

Когда они подошли к своему дому, папа что-то шепнул Мартину. Мартин побежал в дом напротив, позвонил к той даме, которая подарила им сто крон, и сказал:

— Открой окно и выгляни!

А Марен побежала к Хюльде и Хенрику и сказала им то же самое.

Папа поднял часы высоко-высоко. Мама опустила гири, теперь все ждали, чтобы большая стрелка остановилась на двенадцати, потому что было как раз шесть часов.

Раз... Из часов выскочила маленькая синяя кукушка и закуковала.

Дама через улицу улыбнулась и махнула им рукой. А Хюльда и Хенрик подошли посмотреть поближе, и все считали, что более красивых часов нет ни у кого на свете.

Потом часы повесили высоко на стенку. Там они висели в полной безопасности, а раз им жилось так хорошо, то они всегда всем сообщали, который час.

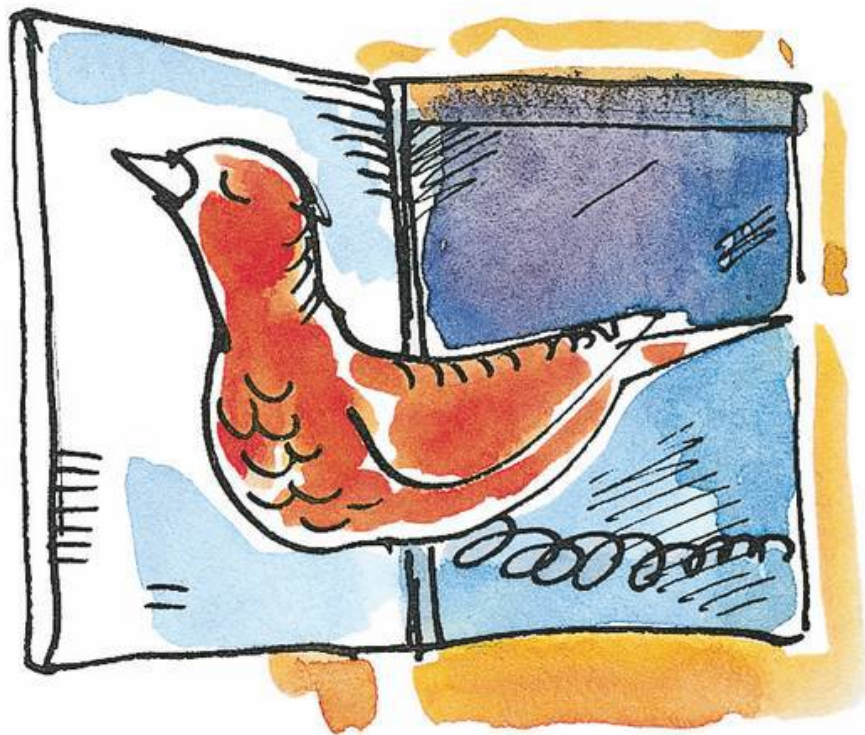
— Это рождественский подарок нам всем, — сказал папа.

— Правильно, — обрадовалась мама.

— Они висят слишком высоко, — сказал Мортен.

— Нет, они висят как раз на месте, — сказал папа.

И часы с кукушкой очень обрадовались его словам.

Рождество

Мона раздобыла новую тряпочку и теперь почти все вечера просиживала у Хюльды с Хенриком, вышивая новую салфетку для мамы.

Однажды вечером Мона сидела с Хенриком, а Хюльда пекла пироги на кухне.

— Ты рад, что скоро Рождество? — спросила Мона.

— Очень, — ответил Хенрик. — К нам придёт тётушка Олеа. Будет очень хорошо, только, конечно, тихо. — Хенрик вздохнул.

— Разве вы не будете танцевать вокруг ёлки?

— Как раз танцевать-то мы и не будем. — Хенрик вздохнул ещё раз.

Мона встала и задумалась.

— А может, вы придёте к нам? У нас на Рождество всегда бывает очень весело.

— А что скажет на это твоя мама? Вас и самих много. Может, лучше вы к нам придёте?

— Нет, мы не любим уходить из дома на Рождество. Подожди, я сейчас сбегаю спрошу...

— Мама, можно Хенрик, и Хюльда, и тётушка Олеа придут к нам на Рождество?

Мама молча оглядела комнату.

— Нельзя? — Мона была огорчена. — Значит, они будут сидеть у себя и не смогут даже потанцевать вокруг ёлки?

— Конечно можно, — сказала мама. — Я только хотела посмотреть, хватит ли на всех места. Конечно пригласи их.

Нижняя Хюльда очень обрадовалась, когда Мона пришла и пригласила их на Рождество.

— Как я рада! — сказала она. — У нас тоже было бы очень хорошо, но у вас вместе со всеми детьми, конечно, будет веселее в такой вечер. Вы только подумайте, в прошлом году я сидела дома совсем одна и слушала, как вы там наверху поёте, а в этом году я сама буду петь вместе с вами. Передай маме большое-большое спасибо!

Нужно сказать, что папа, мама и восемь детей очень красиво убрали свою квартиру к Рождеству.

Они вырезали звёзды из золотой бумаги и наклеили их на все кровати. С потолка свисали еловые шишки, покрашенные серебряной краской. Ну и, разумеется, была ёлка.

Она была маленькая, потому что для большой ёлки у них не было места. Но зато они очень хорошо её украсили. Мама сделала маленькие корзиночки, как раз для такой маленькой ёлочки. Дети смастерили маленьких птичек и покрасили их во все цвета. А свечи у них были самые настоящие!

Когда они слышали, что по лестнице поднимаются Хюльда, Хенрик и тётушка Олеа, они зажгли свечи, так что, когда гости вошли, ёлочка светила и сверкала им навстречу.

Мона положила под ёлку маленький пакетик, в котором была завернута салфетка для мамы. И мама, и папа, и другие дети тоже положили под ёлку свои подарки. И Хюльда, и Хенрик тоже принесли несколько пакетов, дети это сразу заметили, но мама сказала:

— Положите их под ёлку и давайте садиться за стол.

Маме пришлось накрыть и обеденный и кухонный столы, чтобы всем хватило места. Кухонный стол она украсила красной креповой бумагой и поставила на него маленькие белые свечи.

И как раз в ту минуту, когда они садились за стол, кто-то постучал в дверь.

Все испуганно переглянулись: ведь в рождественский вечер чужие обычно не приходят.

— Войдите! — крикнул папа.

Дверь широко открылась, и они увидели красную шапочку ниссе.

— Ниссе, — испуганно прошептала Мона. Она давно мечтала увидеть живого, настоящего ниссе — доброго гнома, который приносит детям рождественские подарки.

Милли и Мина спрятались за маму. Мортен с быстротой молнии исчез под столом. А папа встал и сказал:

— Добро пожаловать, ниссе, мы все тебе очень рады!

Но когда они получше разглядели ниссе, то оказалось, что это вовсе и не он, потому что на нём была юбка.

— Добрый вечер и приятного аппетита, — сказал одетый в юбку ниссе очень знакомым голосом.

— Бабушка! — завопил Мортен из-под стола.

— Бабушка! — закричали папа и все дети.

— Как хорошо, что ты приехала, — обрадовалась мама.

— Я решила приехать к вам на Рождество. Я так соскучилась, — объяснила бабушка. — И вот я у вас. Можно мне остаться?

— Конечно! Конечно! — засуетился папа. — Садись скорей к столу.

Папа вытащил ящик и сел на него, а свой стул отдал бабушке, потому что больше стульев у них не было.

— А что мне делать с этим мешком? — спросила бабушка. — Я здесь навязала для всех носков, как и обещала.

— Положи его под ёлку, — сказал папа.

Маленькая ёлочка даже испугалась — так много пакетов пришлось ей стеречь.

Она приподняла нижние ветки, чтобы всем пакетам хватило места.

Начался праздничный ужин. А бабушка кивала всем и очень радовалась, что она опять вместе с ними.

Встречать Рождество в деревне не так весело, как с папой, мамой и детьми.

Потом все танцевали вокруг ёлки. Им пришлось сделать три хоровода, иначе на всех не хватало места.

Они пели рождественские песни, и, как раз когда они запели: «О Рождество!», из часов выскочила маленькая синяя кукушка и запела вместе с ними.

Все получили подарки, а потом Мадс притащил из коридора что-то большое и тяжёлое.

— Что это ты притащил? — удивился папа.

— Это маленький подарок для Самоварной Трубы, — сказал Мадс.

Маленький подарок оказался большой корзиной, которую Мадс поставил возле печки и застелил до половины старыми газетами.

Самоварная Труба тут же прыгнула в корзину, и с тех пор она не желала спать ни в какой другой кровати.

Так прошло Рождество.

Хюльда, Хенрик и тётушка Олеа попрощались и ушли, а мама снова постелила бабушке на кухонном столе.

Они погасили свет, распахнули окно и немного постояли, глядя на звёздное небо и вдыхая морозный, чистый зимний воздух.

И в доме и на улице наступила рождественская ночь.

Папа делает открытие

Прошло Рождество, прошёл первый день праздников, за ним — второй. Папе очень нравились праздники. Но на второй день праздников папа забеспокоился. Собственно говоря, до обеда ещё всё было в порядке, потому что папа ходил на прогулку с бабушкой и детьми, но вот к вечеру он стал беспокойно бродить из угла в угол.

Время от времени он глядел в окно. Как вы думаете, на что он глядел?

Конечно на грузовик! Папа так без него соскучился, что на третий день Рождества встал раньше всех. Он ходил по квартире, распевая песни, и вид у него был очень довольный.

— Сегодня обычный рабочий день, — радовался папа. — Сегодня я наконец снова поезжу и поработаю хоть немного.

Он сам сварил себе кофе, потому что ему хотелось продлить мамин рождественский отдых, и побежал вниз по лестнице.

Вот что значит быть прирождённым шофёром! Но когда он вышел на улицу, он увидел ещё одного человека, которому тоже хотелось прокатиться на грузовике. Это был Хенрик.

— Это ты, Хенрик! Тоже собираешься сегодня работать?

— Ну да! Я думал, что ты захочешь ещё отдохнуть сегодня и что я поработаю один.

— Ничего, ничего! Иди и отдыхай, если хочешь. До самого Нового года можешь спокойно отдыхать.

Хенрик огорчённо вздохнул и пробормотал:

— Как видно, ничего не поделаешь...

— Я вижу, нам обоим надоело сидеть дома, — сказал папа. — Ну, Хенрик, тогда садись — и поехали!

— Вот спасибо! — Хенрик пожал папе руку.

— И тебе спасибо!

Папа сел за руль, мотор заработал, и они двинулись.

— Поехали прямо на вокзал, — предложил папа. — Там наверняка есть какие-нибудь грузы для перевозки.

На улицах было тихо и пустынно. У многих ещё не кончились рождественские каникулы. На вокзале в товарном отделе они нашли только одного заспанного человека.

— Быстро же вы кончили отдыхать, — сказал он. — А у нас сегодня нет никакой работы.

— Как жалко! — огорчился папа. — Нам так хотелось поработать.

— И поездить на грузовике, — добавил Хенрик.

— Для грузовика-то всегда что-нибудь найдётся, — сказал железнодорожник. — Вот нужно отвезти пакет за город, адресат живёт в лесу. Наш грузовик сегодня занят. И нельзя гонять его так далеко из-за одного пакета, так что, если вы не возьмётесь отвезти посылку, она пролежит до Нового года.

— Мы отвезём, — сказал папа, узнал точно дорогу, и они отправились в путь.

Грузовик быстро выехал из города, дорога шла по холмам, то вверх, то вниз. Домов почти не было видно. Они повернули направо. Дорога стала совсем узкой — это была настоящая лесная дорога.

Один раз грузовик даже увяз в снегу, так что Хенрику пришлось расчищать дорогу, чтобы они смогли ехать дальше.

— Хорошо, что ты поехал со мной, — сказал папа.

Наконец из густого леса вынырнул маленький домик.

— Сюда, — сказал папа. —

Дом маленький, серый и стоит один.

— Я отнесу пакет, — предложил Хенрик.

— Неси.

Папа зажёл трубку, Хенрик исчез в доме. И пробыл там очень долго. Папа курил, курил, а Хенрик всё не появлялся.

«Долго он там сидит, — подумал папа, — надо пока пройтись, размять ноги».

Он прошёлся по полянке перед домом. С одной стороны стоял сарай для дров, с другой — домик с вырезанным на двери сердечком — уборная.

Хенрик высунул голову из дома и крикнул:

— Хозяин! Заходи в дом. Нас хотят угостить кофе.

— Иду, — ответил папа. — Неплохо выпить чего-нибудь горяченького!

Оказалось, что в доме живут старик и старушка.

— Добрый день! Добрый день! — приветствовал их папа. — Я рад, что приехал. Мне у вас очень нравится. Совсем как в деревне, хотя город близко.

— Да, здесь очень тихо, — сказала старушка. — Только случайно и встретишь человека. Мы видим людей лишь по воскресеньям. Приходят в лес погулять.

— Здесь очень хорошо, — снова повторил папа.

— Хвастать нечем, — ответила старушка.

«Странно, чем же она недовольна, — подумал папа. — Живёт в таком замечательном домике».

Старик кашлянул и сказал:

— Моей жене теперь не нравится здесь жить. С тех пор как дети выросли и разъехались, у нас стало слишком тихо. Да и тяжело для стариков — надо воду из колодца носить.

— Да, да, — согласился папа.

— Мне бы хотелось жить в городе, — сказала старушка. — Подумать только, в любую минуту можно пойти в гости или погулять по городу. Жить в доме с водопроводом... — Старушка даже заулыбалась от удовольствия.

— В городе не так-то легко получить целый дом. У меня восемь детей, а вот квартира состоит всего из одной комнаты и кухни.

— Не может быть, — удивился старик. — Собственно говоря, считается, что наш дом тоже находится в городе, ведь город так вырос, но мы здесь этого совсем не ощущаем.

А Хенрик сидел и наслаждался кофе. Пусть другие говорят сколько им угодно, а ему и так хорошо.

Вдруг папа встрепнулся.

— Сколько у вас здесь комнат? — спросил он.

— Вот это кухня, видишь, какая она большая. Ещё две комнаты здесь внизу, и наверху три спальни. Правда, они небольшие, но для нас это больше чем достаточно.

У папы даже глаза округлились.

— Иди к грузовику, Хенрик, я сейчас приду, — сказал он.

Как только Хенрик вышел, папа сказал:

— Так, так, значит, вы хотите переехать в город. — И тут папа зашептал им что-то с хитрым видом,

и старики тоже зашептали ему в ответ, и вид у них был такой же хитрый, как у папы.

Наконец они перестали шептаться, и папа, уже стоя на пороге, сказал:

— Значит, в субботу после обеда я приеду за вами. Мы очень любим, когда к нам приходят гости.

Хенрик ждал, ждал, а папы всё не было. Хенрик прошёлся по полянке, заглянул в сарай и в домик с вырезанным сердцем. Подошёл к берёзам, потрогал их белые стволы. Наконец папа явился. Но он был таким странным, что Хенрик за всю дорогу до дома не мог добиться от него ни слова. Я знаю, что теперь вы вместе с Хенриком будете гадать, о чём думал папа, пока они ехали в город.

Папа какой-то странный

Не успел папа прийти домой после поездки в лес, как он приложил ладонь козырьком к глазам и сказал:

— Фу, какой беспорядок! И какая теснота! Мы просто топчем друг друга... Здесь необходимо убрать как следует к субботе. В субботу у нас всё должно блестеть, понятно?

— Неужели мы должны убирать целых четыре дня? — спросила Марен.

— Вот именно, — ответил папа. — А ты, мать, должна постараться и испечь что-нибудь вкусное, и ещё надо купить самого лучшего кофе, потому что в субботу у нас будут гости и их надо угостить самым хорошим кофе.

Ни мама, ни дети ничего не поняли, а бабушка от удивления стала вязать в два раза быстрее прежнего.

Порядок!

И это говорит папа, который сам обычно переворачивал всё вверх дном! Что с ним произошло?

— Ну? — сказал папа сердито. — Разве вы не слышали, что я вам сказал? Я сказал: принимайтесь за уборку!

Дети бросились врассыпную. Мама схватила шарф, который валялся на полу, но в смятении она положила его на стол. Марта доставала дрова из ящика и снова аккуратно складывала их обратно. А Малышка Мортен высыпал на пол все свои игрушки и кричал:

— Я убирrrrrrrrrrrраю! Я убирrrrrrrrrrrrrраю!

Он только что научился произносить букву «р» и очень этим гордился.

Бабушка уронила на пол клубок, а Мина в спешке нечаянно закатила его под кровать. Самоварная Труба сейчас же набросилась на клубок, и папе пришлось лезть под кровать, чтобы отобрать у неё клубок.

— Ничего не понимаю! — воскликнула мама. — Только ты не волнуйся. К субботе мы всё прекрасно успеем. А кто, собственно говоря, должен прийти к нам, отец?

— Два человека, с которыми я недавно познакомился, старик и старушка, — ответил папа.

Беспокойные это были для всех дни. Всю пятницу мама простояла у плиты и пекла печенье, хотя от Рождества у них ещё остались пирожки.

В субботу после обеда папа уехал куда-то на грузовике. Он только сказал:

— Я вернусь с гостями в пять часов. Предупреждаю вас, дети, чтобы вы вели себя как следует. И чтобы при них никто из вас пикнуть не смел, понятно?

Дети испуганно кивали головами, не смея даже вымолвить «да».

А может, папа просто заболел? Ведь он всегда был таким добрым и весёлым. И никогда не делал им никаких замечаний, хотя они порой и поднимали страшный шум.

— Не понимаю, что с ним случилось, — сказала мама, когда папа ушёл. — Но мы должны слушаться его и делать, как он велит, тогда всё будет хорошо.

— А я тоже должна сидеть тихо и молчать весь вечер? — спросила бабушка.

— Не знаю, — ответила мама. — Про тебя он ничего не сказал.

— Тогда мне лучше всё-таки помолчать, — решила бабушка.

Они сидели тихонько каждый на своём стуле и ждали. Ровно в пять минут пятого мама поставила кофе. Стол уже был накрыт, и никто бы не мог сказать, что он накрыт некрасиво.

Наконец они услышали, что кто-то поднимается по лестнице. В дверь постучали, и на пороге показался папа со своими гостями.

— Здравствуйте, здравствуйте, добро пожаловать! — приветствовала их мама.

— Ах, как вкусно у вас пахнет кофе! — сказала старушка.

Она огляделась.

— У вас очень уютно, — сказала она. — Ведь это кухня, правда?

Старушка обошла кухню, разглядывая полки, она заглянула даже в стенной шкаф.

Маме показалось странным, что гостя ведёт себя так в незнакомом доме, но она промолчала. Гости прошли в комнату.

— Какая красота, здесь красный пол, — снова сказала старушка.

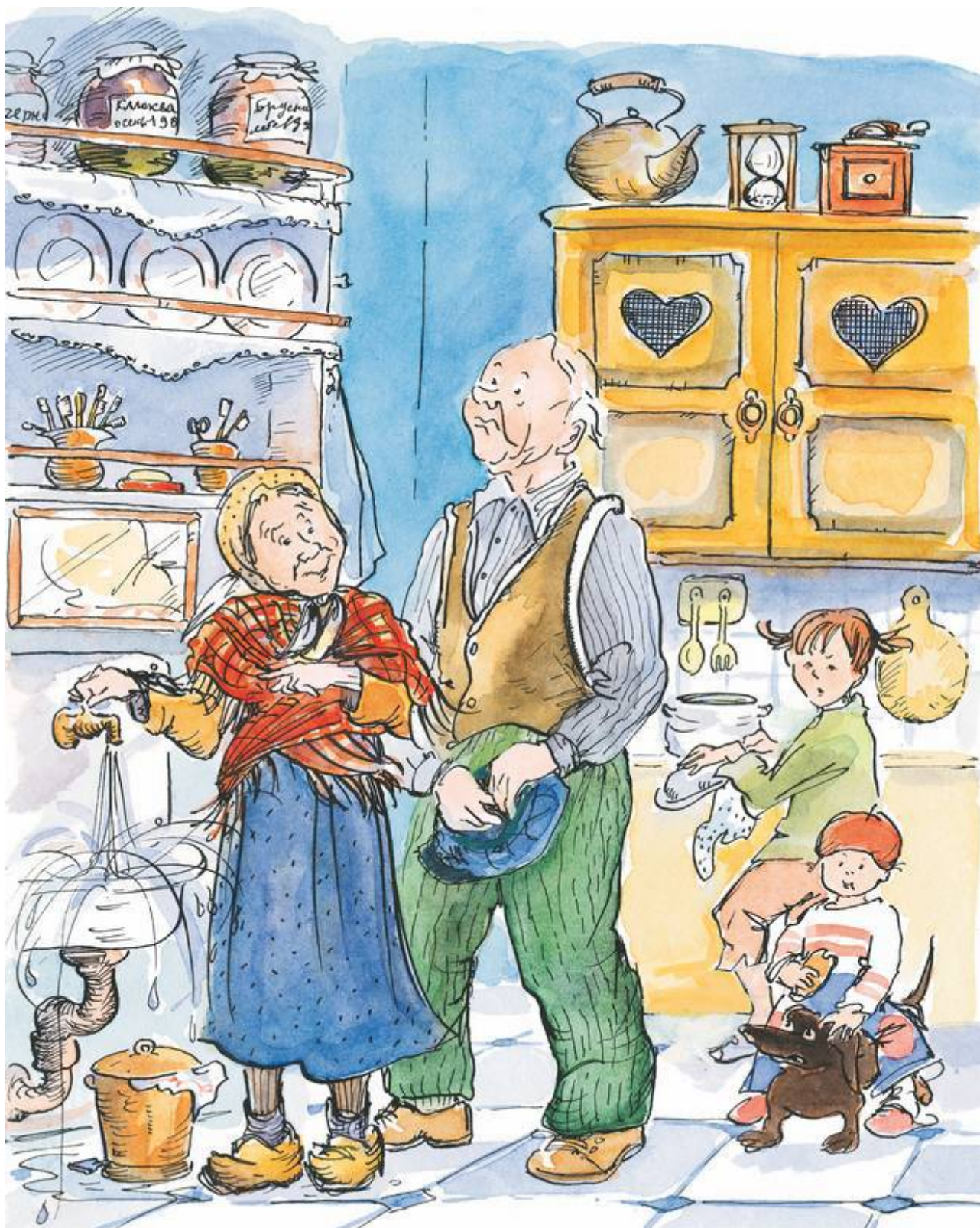
— Да, да, здесь очень уютно, — сказал старик. — Здравствуйте, дети!

Мальчики вежливо кивнули, девочки сделали реверанс, но никто из них не сказал ни слова.

Они никогда в жизни не видели такой забавной старушки. Мама пригласила всех к столу, и старушка побежала в кухню. Она потащила за собой мужа и, отвернув кран так, что вода брызнула во все стороны, сказала:

— Смотри! Смотри! Какая прелесть! Она течёт сама, стоило мне только повернуть кран.

— Хе-хе, — усмехнулся старик. — Тебе это, конечно, нравится!

Мама ещё раз пригласила их пить кофе. Они сели за стол, но вдруг старушка вскочила и что-то зашептала папе прямо на ухо. Папа задумался на секунду, потом что-то прошептал ей в ответ. Ему и не нужно было просить детей вести себя тихо. Им совсем не хотелось разговаривать, они молча разглядывали своих странных гостей.

Когда все выпили кофе, старушка вдруг спросила у мамы:

— А что ты делаешь со стиркой?

Мама очень удивилась и ответила:

— Стираю, вот и всё.

— А где сушишь? — не унималась старушка.

— На верёвке на улице или на чердаке, если идёт дождь.

— Ах, здесь и чердак есть! А я там ещё не была, — сказала старушка и вскочила.

Проходя по кухне, она снова открыла кран, посмотрела на воду, потом оторвалась от крана и побежала дальше: в переднюю, на лестницу, на чердак. Папа пошёл за ней.

— А я лучше посижу здесь, — сказал старик.

— Пик! — вдруг сказала бабушка.

— Что? — спросил старик.

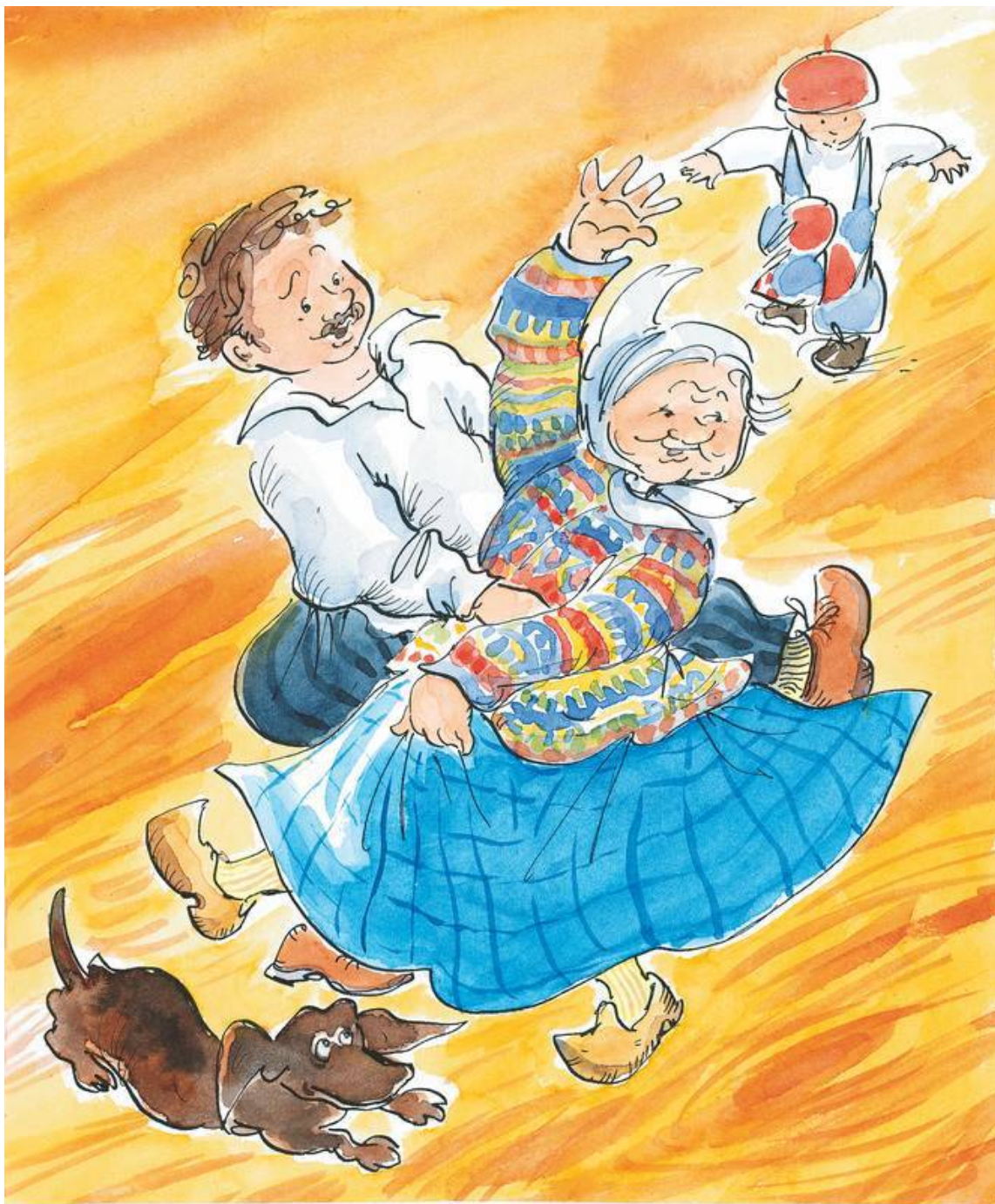
— Я сказала только «пик», — объяснила бабушка. — Раз папа вышел, мы можем говорить всё, что нам вздумается. Пик! Пик!

Дети засмеялись, и старик вместе с ними, потому что бабушка показалась ему очень смешной. Но мама смеялась громче всех. От смеха она даже села на пол, и, когда папа вернулся с чердака, она всё ещё сидела на полу и смеялась так, что у неё по щекам текли слёзы.

— Чему ты смеёшься? — спросил папа.

— Я смеюсь над бабушкой, — сказала мама. — Но я сейчас уже перестану. Подожди немножко.

— Ну, большое спасибо вам за приём, — сказала вдруг старушка, — значит, завтра мы ждём вас всех к себе.

— Мы обязательно приедем к вам, — сказал папа. Он даже не спросил ни у кого ни слова, просто поблагодарил от имени всех.

Папа отвёз гостей, а когда наконец вернулся домой, он сиял, как солнце. Он схватил маму и закружился с ней по комнате.

Затем он поднимал и кружил по воздуху по очереди всех детей и наконец закружился по кухне вместе с бабушкой.

— Ай-яй-яй! Вот это великолепно! — ликовал папа.

Ну, вы уже догадались, чему он так радовался?

Складчина

Один только папа знал, где живут старики. И сколько мама ни выспрашивала, чтобы узнать, куда они поедут, папа так ничего и не сказал. Он только покачивал головой и подмигивал с таинственным видом.

— Ну ладно, завтра мы всё сами увидим, — сказала мама. — Только я не понимаю, что с тобой происходит в последнее время.

— Ничего, поймёшь! — сказал папа и поднял маму к самому потолку.

Мама кричала, папа смеялся, а детям даже очень нравилось, что их папа стал таким странным.

В воскресенье утром папа велел им одеться потеплее, потому что ехать зимой в кузове очень холодно. Вообще-то он устроил над кузовом крышу из брезента, но от холода крыша почти не спасала.

— А Самоварная Труба тоже поедет с нами? — спросила мама.

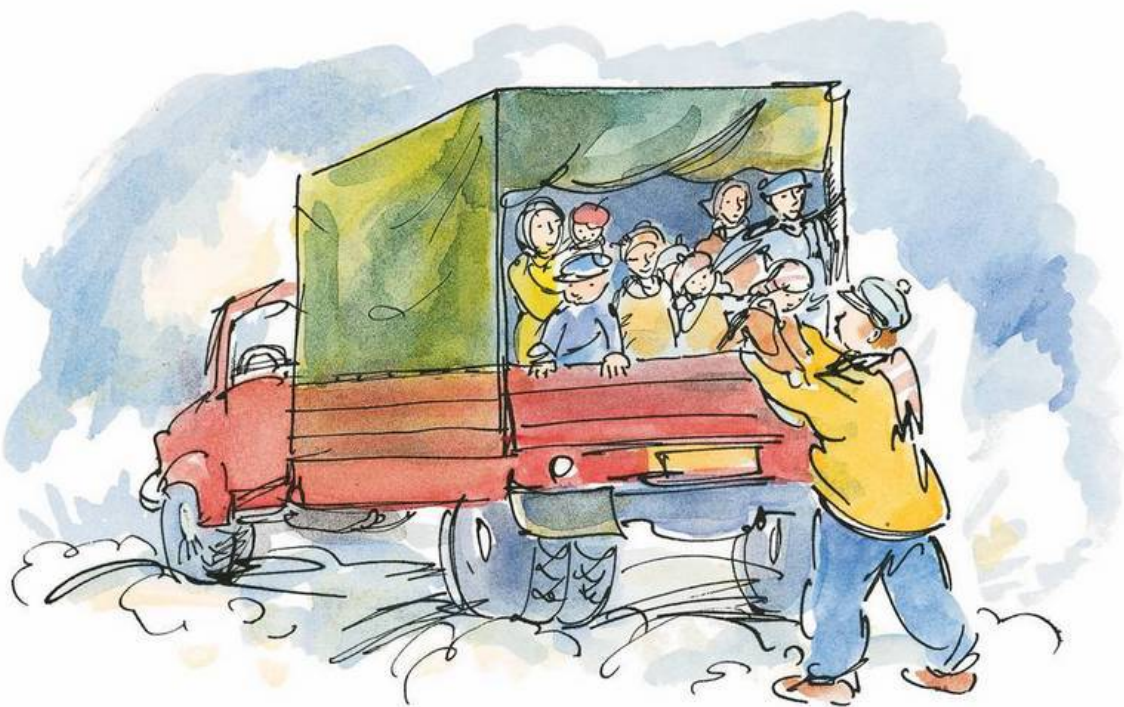
— Конечно поедет, — сказал папа. — Ей там очень понравится.

У бабушки не было с собой тёплых вещей, поэтому папа завернул её в толстое шерстяное одеяло и посадил в кузов. На этот раз с папой пришлось сесть Малышке Мортену и Самоварной Трубе. Остальные залезли к бабушке в кузов. Они хлопали друг друга по спине и громко пели, чтобы согреться. Им не было видно дороги, они только замечали, что иногда их слишком сильно подбрасывает.

— Не очень-то эта дорога похожа на городскую, — сказала мама после нескольких основательных подскоков.

— Ну-ка, я посмотрю. — Мадс нашёл небольшую дырочку в брезенте и начал рассматривать дорогу. — Я вижу ёлку! — закричал он. — А вот ещё и ещё! Да здесь целый лес! Какая прелесть!

Наконец грузовик остановился. Папа поднял брезент с кузова, дети попрыгали на землю и начали осматриваться. Перед ними стоял маленький домик, в котором жили вчерашние старичок и старушка.

— Они здесь живут? Как здесь красиво! — воскликнула мама.

Здесь и правда было очень красиво. На крыше дома и на сарае лежал толстый слой чистого снега. Берёзы сверкали инеем. Казалось, что они особенно принарядились к приезду папы, мамы и восьми детей.

— Вот мы и приехали, — сказал папа и похлопал берёзку по стволу.

Папа постучал в дверь, и все терпеливо ждали, пока им откроют, все, кроме Самоварной Трубы, которая носилась взад и вперёд, рылась в снегу и прыгала во все стороны.

Это, конечно, не то, что гулять по улицам на поводке с серьёзным видом.

Дверь открыла старушка. Сегодня на ней был белый нарядный передник и белый платочек на голове. У неё был такой же праздничный вид, как у берёз. Перед дверью лежали свежие еловые ветки.

— Как у вас здесь хорошо! — сразу сказала ей мама.

— Добро пожаловать! Добро пожаловать! — приветствовала их старушка. — У меня есть для взрослых кофе, а для детей молоко. И печенье для всех.

Когда все поели, старушка захотела, чтобы они осмотрели их дом. И теперь папа оказался таким же любопытным, какой была накануне старушка. Он заглядывал во все уголки.

После осмотра дома дети захотели пойти погулять. Столько снега сразу в городе не увидишь — надо было воспользоваться случаем.

Они выбежали на улицу и принялись катать большой снежный ком. Время прошло незаметно. Когда папа, мама и бабушка вышли из дома, они увидели большого красивого снеговика. Он стоял, высоко подняв руки, и, когда дети уезжали домой, им казалось, что снеговик машет им вслед.

По дороге домой все притихли. Каждый думал о своём. Мама задумчиво сказала:

— Какой смысл мечтать о том, что всё равно невозможно.

А когда они вошли в свою квартиру, они сказали те же слова, что и папа, вернувшись в первый раз из домика в лесу:

— Ну и теснота же у нас и какой беспорядок!

У всех было плохое настроение. У всех, кроме папы. Он был таким же

странным, как и все эти дни. Он насвистывал и смеялся, что-то бормотал вполголоса, ходил, приложив палец к носу, и о чём-то думал.

На другой день его почти не было дома. Когда мама спросила, где он пропадает, он ответил:

— Бегаю по всяким конторам. Радуйся, что тебе не приходится заниматься тем же самым.

Но вот почему он бегаёт по всяким конторам, он так и не сказал.

Как-то вечером папа спросил, все ли дети дома.

Для верности он устроил переключку по именам, а дети, мама и бабушка ему отвечали.

— Садитесь, — сказал папа. — Нам надо поговорить об одном очень важном деле. Помните ли вы маленький домик в лесу?

Все с удивлением посмотрели на папу. Ну как он может задавать такие странные вопросы? Да ведь они ни о чём другом и не думали всё это время.

— Хороший дом, — сказал папа.

— Может быть, мы скоро опять поедem к ним в гости? — спросил Мадс.

— Может быть, и поедem, — сказал папа с лукавым видом. — Я думаю, что мы там будем жить. Но это зависит от одной вещи. Чтобы купить этот дом, нам надо достать пять тысяч крон. Сам дом уже старый и стоит немного, но вот участок очень хороший, да вы сами видели. Мы можем купить его, потому что старики страшно хотят переехать в город. Они могут жить здесь, в нашей квартире.

— А мы будем жить в том домике, в самом лесу? — спросил Мадс.

— Ты хочешь сказать, что именно мы будем жить в том доме? — спросила Марта. — А разве у нас есть пять тысяч крон? А что будет, если мы не достанем столько денег?

— Во-первых, успокойтесь, — сказал папа. — У нас с мамой есть у каждого по две тысячи в банке. И понемногу денег у каждого из вас. Мы положили их в банк на ваши имена, когда вы были маленькими. Если вы хотите купить дом, давайте устроим складчину, мы возьмём ваши деньги, а потом постепенно снова накопим.

— Конечно! Конечно! — сказали дети. — А где наши сберегательные книжки?

— Вот они, — сказала мама, порывшись в верхнем ящике комода.

— Смотрите, у меня есть триста крон! — сказала Марен гордо.

— А у меня двести! — обрадовался Мартин. — Даже двести пять.

— А у меня сто пятнадцать! — сказала Марта.

— Вы старшие, так что у вас денег больше, — объявил им папа. — Ну-ка посмотрим... Всего у вас шестьсот двадцать крон.

— И у меня восемьдесят, — сказал Мадс.

— Значит, семьсот, — сказал папа.

— У Моны, Милли, Мины и Мортена — по пятьдесят крон, — сказала мама.

— Уже девятьсот, — обрадовался папа. — У нас есть почти все деньги, мать.

— У меня есть две кроны, кроме денег на обратную дорогу, — сказала бабушка.

— Я думаю, тебе теперь не понадобятся деньги на обратную дорогу, — заметила мама. — Теперь тебе лучше жить с нами. Места у нас хватит, и ты сможешь вязать всем тёплые носки.

— Ты правда так думаешь? — спросила бабушка. — А ты что скажешь, отец?

— Я согласен с мамой. А так как я рву носки больше всех, тебе придётся и работать больше всего на меня.

— Я сейчас же пойду и дам телеграмму, — серьёзно сказала бабушка.

И она пошла отправлять телеграмму, а в телеграмме было сказано: «Пришлите мои вещи, потому что я не вернусь обратно. Спасибо за всё. Всем привет. Бабушка».

И она вернулась домой. Если бы вы знали, как она радовалась, что будет жить вместе с папой, мамой и детьми! Проходя мимо грузовика, она похлопала его по заднему колесу и сказала:

— Ну, скоро ты повезёшь нас всех на новое место. Ты доволен?

Грузовик ничего не ответил, но ему хоть стало ясно, почему папа в последние дни так часто навещал домик в лесу. Конечно, теперь всё переменится, но ведь люди-то останутся прежними, и, значит, всё будет в порядке.

Так думал грузовик.

Когда бабушка вернулась домой, там шла оживлённая беседа.

— Скоро мы переедем? Завтра? — спросила Мона.

— Нет, — ответил папа. — Через две недели, старикам надо дать время собраться, я обещал помочь им с переездом. Я повезу туда наши вещи, а вернусь с их вещами.

— Только не бери сразу много, — предупредил его Мадс. — Помни о грузовике. Он тоже может надорваться. Тогда тебе же будет плохо.

— Я уже всё обдумал, Мадс. Лучше я сделаю лишний рейс, так что не бойся за грузовик.

— Просто не знаю, как я проживу эти четырнадцать дней, — заметила Мона.

— Они быстро пройдут. У нас так много дел, — утешил её папа.

На другой день за обедом Мадс сказал:

— Если бы вы видели, как удивились учительница и все мальчики в классе, когда я рассказал им, что мы купили дом.

— И у меня тоже, — сказал Мартин. — Они решили, что это шутка.

— А это правда, — сказала Марта.

— Меня одно тревожит, — заметил папа. — Вам теперь придётся далеко ходить в школу. Правда, зимой вы сможете ходить на лыжах, да и летом прогуляться через лес не так уж плохо.

— Ведь мы будем ходить все вместе, нам будет весело, — сказала Марта.

Все были очень рады и не могли говорить ни о чём, кроме переезда.

Но Нижняя Хюльда и Хенрик вовсе не радовались. Хюльда так жалела, что они переедут, так жалела!

— Без вас снова будет тихо, — вздыхала она, — так тихо, что мне опять придётся спать после обеда.

— Зато ты сможешь приходить к нам в гости, — утешала её мама. — Летом вы будете приезжать к нам как на дачу и жить у нас, сколько вам захочется, а зимой будете гулять на лыжах в лесу и потом у нас обедать.

— Теперь я уже не смогу работать вместе с тобой на грузовике, — грустно сказал Хенрик папе.

— Почему же? — удивился папа. — Я буду приезжать за тобой утром. Всё будет в порядке.

— Всё равно мне грустно, что вы больше не будете жить над нами, — твердил Хенрик.

— Тебе придётся помочь мне в день переезда, Хенрик, — сказал папа. — А потом, так уж и знай, мы с тобой немного постолярничаем: сам знаешь, дом не новый.

— Есть, постолярничаем! — ответил Хенрик и заметно повеселел.

Папа оказался прав. Четырнадцать дней пролетели незаметно, потому что у всех было очень много дел.

И вот в понедельник утром на маленький грузовичок поставили все восемь кроватей и комод.

«Надеюсь, больше меня ничем не нагрузят, — подумал грузовик. — А то у меня кузов перекосится ещё больше».

Папа сразу догадался, о чём думает грузовик, и сказал:

— Ну хватит с тебя, дружище, поехали!

Дети очень расстроились, что их не взяли в первый рейс.

Маме некогда было даже голову поднять, потому что она мыла пол в комнате, там, где стояли кровати.

— Хорошо, что мы покрасили осенью пол в красный цвет, — сказала она. — Он такой красивый, так блестит, неудивительно, что наша комната всем нравится.

— Даже жалко уезжать от такого красивого пола, — сказала Марен. — Но ведь мы и в новом доме тоже сможем покрасить пол в красный цвет.

— К весне обязательно покрасим, — сказала мама.

Прошло несколько часов, и они услышали, что приехал грузовик. В кузове стояли стол и стулья. Но грузовик не устал, потому что домик в лесу стоял на горке, и грузовику было легко съезжать вниз. Но вот от жажды у него всё внутри пересохло, и он очень обрадовался, когда папа отвинтил крышечку у него на носу и дал ему напиться.

Младшие дети и Самоварная Труба в этот день сидели у Хюльды. Хюльда старалась на прощание напичкать их всем самым вкусным, что только у неё было. Время от времени она начинала плакать, и слёзы лились у неё ручьём, а Мона, как могла, утешала её:

— Мы будем часто приезжать к тебе в гости, теперь ты наша городская тётя. Ведь у нас здесь нет других тёт, кроме тебя. И нам будет очень приятно приезжать к тебе.

После этих слов Хюльда на некоторое время переставала плакать. Наконец грузовик приехал из леса в последний раз. Он привёз последние вещи, старика и старушку.

— Будь добра, Хюльда, помоги этим старикам чем сможешь. Они ведь не привыкли жить в городе, так что последи немного за ними, — попросила мама.

— Не беспокойся, я всё сделаю, — ответила Хюльда; ей было приятно, что кому-то нужна её помощь.

Осталось только погрузить в кузов Самоварную Трубу, бабушку, маму и детей. Дети махали руками, а наверху в их бывшем окне стояли старик, старушка и Нижняя Хюльда и тоже махали детям.

И грузовик тронулся в путь.

— Вон стоит наш дом, — сказал Мадс, увидев впереди маленький домик.

— Он ждёт нас, — сказала Мона.

Они спрыгнули с грузовика, папа взял за руку маму, мама — бабушку, бабушка — Мортена, Мортен — Мину, Мина — Милли, Милли — Мону, Мона — Мадса, Мадс — Марту, Марта — Мартина, Мартин — Марен, Марен взяла на поводок Самоварную Трубу, и так они все вместе направились к домику в лесу, к своему новому дому.

Мортен делает открытие

Если ты когда-нибудь пойдёшь через лес, окружающий большой город, и увидишь там на маленькой полянке серый домик и густую берёзу, то знай — это как раз и есть тот самый дом, в который переехали папа, мама, бабушка и восемь детей.

В доме, куда переехали папа, мама и восемь детей, было два этажа. Внизу находилась большая кухня, маленькая гостиная и ещё одна совсем крохотная каморка. Эту каморку

заняла бабушка, потому что ей трудно было подниматься по лестнице. Наверху одну комнату заняли девочки — Марен, Марта, Мона, Милли и Мина, другую мальчики — Мартин, Мадс и Мортен, а третью, самую маленькую, — папа и мама. Самоварная Труба устроилась на кухне в пустом бочонке, что лежал возле плиты.

Лесной дом с некоторой тревогой присматривался к новым обитателям: старые дома вообще не любят перемен. До сих пор здесь царили тишина и покой, а теперь, конечно, будет шумно и суматошно... Но не это беспокоило дом в лесу. Он даже соскучился по детским голосам и беззаботному смеху. Сейчас он думал вот о чём: а будет ли мир и согласие в этой огромной и шумной семье? Ведь больше всего на свете дома не любят, чтобы в них жили недобрые, ленивые или сварливые люди.

Когда расставили по местам все кровати, вдруг обнаружилось, что не хватает кровати для бабушки.

Значит, прежде всего папа должен был смастерить бабушке кровать.

Папа сел за руль, поехал в город и привёз доски, планки и сетку. Он мастерил кровать в дровяном сарае, потому что стояла зима и работать на улице было слишком холодно.

Пока папа столярничал, дети носились по лестнице, по гостиной, по кухне и даже по крохотной бабушкиной каморке — словом, по всему дому. Вот где было замечательно играть в прятки! Наконец у мамы лопнуло терпение, и она выгнала их играть на улицу.

На улице, конечно, было ещё лучше.

— Весь этот снег наш! — закричала Мона.

— Наш дом и наш снег! — подхватила Мина.

— Давайте построим снежный дом! А вечером зажжём в нём свечу! — предложил Мартин.

Все занялись постройкой дома, и никто не обратил внимания на Мортена, чему он, по правде сказать, был очень рад.

Как хорошо, когда никто не обращает на тебя внимания и не следит за каждым твоим шагом!

Мортену очень хотелось осмотреть всё кругом. Сначала он заглянул в маленький домик, на двери которого было вырезано сердце, потом остановился в дверях сарая, наблюдая, как папа столярничает.

Папа не замечал его, и он побрёл дальше. В снегу была протоптана узенькая тропинка, и Мортену захотелось узнать, куда она ведёт.

Он шёл и шёл по тропинке, пока не увидел какой-то странный маленький домик, сколоченный из досок. Сверху на домике была дверца. Что бы это могло быть?

Мортен подошёл к домику:

— Домик, домик, кто в тебе живёт?

Домик молчал, и Мортену пришлось повторить свой вопрос. Но домик опять не удостоил его ответом. Он считал, что Мортену ещё очень мало лет, и не желал с ним разговаривать. Мортен рассердился и схватился за дверцу. Дверца оказалась просто крышкой, и к тому же не особенно тяжёлой. Мортен поднатужился и открыл крышку. Глубоко внизу он увидел воду! А воду Мортен любил больше всего на свете.

Прошлым летом, когда папа, мама и восемь детей ездили на грузовике на взморье, всем по очереди приходилось караулить Мортена, чтобы он один не убегал к морю.

Вы, наверно, уже догадались, что за домик увидел Мортен?

Это был колодец. Мортен свесился так низко, что чуть не свалился прямо в воду. Он хотел выпрямиться, но не смог.

Согнувшись пополам, он повис на краю колодца и закричал.

Это-то он хорошо сделал. Его крик услышал Мадс, который вместе со всеми детьми строил снежный дом.

«Чего это Мортен кричит? — подумал Мадс. — Надо показать ему наш снежный дом».

Он посмотрел по сторонам и вдруг увидел Мортена, свесившегося в колодец. Мадс от испуга не мог произнести ни слова. Он со всех ног бросился к колодцу и схватил Мортена за ногу, а потом и сам закричал, да так, что его крик по всему лесу разнёсся.

На крик прибежал папа и вытащил Мортена из колодца.

Мортен заплакал. Слезы градом катились у него по щекам; все молча смотрели на него, а папа тихонько покачивал его в своих объятиях.

— Если в лесу жить так опасно, давайте лучше переедем обратно в город, — сказала Мона.

— Переезжать не надо, — успокоил её папа. — Просто я не успел сразу обо всём подумать. Спасибо, Мадс! Иди домой, успокойся, а мама возьмёт Мортена и уложит его в постель. Придётся бабушке эту ночь поспать на скамье — я должен спешно сделать одно очень важное дело.

— Ничего, мы уложим Мортена в большом ящике комода, он в нём прекрасно поместится, а бабушка сегодня поспит на его кровати, — сказала мама.

Она прижала Мортена к груди, и мало-помалу он утих.

Папа снова начал работать, но уже не в сарае, а на улице. В доме было слышно, как он что-то пилил, стучал молотком и снова пилил. Когда на улице стемнело, маме пришлось выйти и светить ему карманным фонариком.

Наутро дети увидели, что над колодцем стоит новый домик с новой прочной крышкой и на крышке висит замок. А ключ от замка папа положил к себе в карман.

Теперь уже никто из детей ни нарочно, ни случайно не мог открыть крышку и заглянуть в колодец.

Сквозняк

Папа, мама, бабушка, восемь детей и Самоварная Труба уже больше недели жили в новом доме. Они привыкли к нему, и им казалось, что они уже давно-давно живут в нём. Но сколько каждый день случалось неожиданностей!

Однажды Мортен придумал новую игру. Он обнаружил, что в стенах между брёвнами торчит олений мох. И в кухне, и в гостиной, и в бабушкиной каморке. Все были заняты своими делами, а Мортен ходил из комнаты в комнату и вытаскивал из щелей мох. Иногда ему приходилось становиться на скамейку, чтобы дотянуться до самых высоких щелей. Весь

мох он аккуратно складывал в свой ящик для игрушек. У Мортена появилась тайна, он был очень горд этим и работал с необыкновенным усердием. Мортен не понимал, как это другие могут без умолку трещать за работой. Он работал молча и потому успел сделать очень много.

Вдруг мама сказала:

— Мона, затвори, пожалуйста, дверь — ужасно дует.

— А дверь затворена.

— Неужели? Странно...

Прошло некоторое время, и мама снова попросила:

— Мадс, проверь, пожалуйста, хорошо ли закрыто окно. Мне кажется, что у нас стало очень холодно.

Мадс подошёл и сказал, что оно закрыто как следует.

— Но мне тоже почему-то холодно, — удивился он.

— Может быть, нам это только кажется? — сказала мама и с ещё большим усердием принялась за штопку.

«Я согреюсь, если буду работать быстрее», — думала она. Но ей всё равно было холодно, и она решила, что заболела и её знобит.

Но когда мама посмотрела на детей, она увидела, что холодно не ей одной. Мона сидела, спрятав руки в рукава свитера, Марта съёжилась, и кончик носа у неё покраснел, а у Марен волосы разлетались так, как будто она стояла на ветру.

— Может, печка погасла? — спросила мама. — Марен, будь добра, посмотри, есть ли в ней дрова!

Марен открыла дверцу печки, и все с удивлением увидели, что в печке весело пылает огонь. Дрова потрескивали, и печка довольно гудела.

— Ничего не понимаю, — сказала мама. — Посмотрите на волосы Марен. Можно подумать, что у нас по кухне гуляет северный ветер.

При этих словах папа очнулся. Сначала он сидел и читал газету, но потом задремал, тихонько покачиваясь в качалке.

— О чём это вы говорите? — спросил он. — Вам что, холодно? Может, вы ещё скажете, что у нас дом холодный? Ничего подобного! Если сегодня в доме недостаточно тепло, значит, у вас плохо топится печь.

Он подошёл к печке и помешал в ней кочергой.

— Сейчас всё будет в порядке, — гордо сказал он. Папа очень любил показать, что он мастер на все руки.

Вскоре бабушка незаметно ушла в свою каморку. Она так замёрзла, что у неё уже не было сил терпеть, но ей стыдно было в этом признаться. Бабушка просто сделала вид, что устала и хочет спать. Она с удовольствием думала, как тепло и уютно сейчас у неё в комнате. Но напрасно она радовалась. В её комнате царил тот же ледяной холод. Бабушка совсем растерялась. Она остановилась в дверях и покачала головой.

И вдруг в гостиной раздался страшный вой. Все вскочили и бросились туда. Это Мортен упал со скамейки и теперь, лёжа на полу, громко кричал. В кулаке у него был зажат большой клоч оленьего моха. Он кричал не потому, что ушибся. Нет, ему вовсе не было больно, ему просто было досадно, что он не смог дотянуться до моха, который торчал высоко в стене. Впрочем, он сразу же пожалел о том, что закричал. Теперь-то уж они не дадут ему спокойно поработать!

— Что ты здесь делаешь, Мортен? — спросил папа. — По-моему, здесь тоже очень холодно.

— Я работаю, мне не холодно.

— Работаешь? А в чём заключается твоя работа?

— Это секрет.

Папа посмотрел на клочки моха.

— Ты собираешь олений мох?

— Да, — гордо ответил Мортен. — Если хочешь, я покажу, сколько уже собрал.

И когда папа увидел ящик для игрушек, доверху наполненный оленьим мохом, он сразу понял, в чём дело.

— А где же ты его взял? — спросил папа.

— В стенках, — ответил Мортен. — Смотри, теперь через дырочки видно, что делается на улице.

Он взял папу за руку и заставил взглянуть в щёлку. И папа увидел сарай!

— Теперь понятно, откуда тут взялся сквозняк, — сказал он. — Какие щели! Не зря прежние хозяева позатыкали их оленьим мохом.

— Что же нам делать? — спросила мама. — Надо что-нибудь придумать, не то мы превратимся в ледышки.

— Не волнуйся, — сказал папа. — Мортен, давай поменяемся секретами. Идём, я тебе что-то покажу. Я сделал деревянную лошадку. Если хочешь, я отдам её тебе в обмен на олений мох. Но обещай мне, что больше не вытащишь ни клочка моха, а то мы все замёрзнем и станем большими сосульками.

— Обещаю, — сказал Мортен, которому гораздо больше хотелось получить деревянную лошадку, чем превратиться в большую сосульку.

Он взял под мышку лошадку, и мама увела его спать.

Все принялись за работу, заткнули мохом щели, и в доме снова стало тепло.

Бабушке расхотелось ложиться спать, а волосы Марен перестали трепетать на ветру.

Теперь вы знаете про домик в лесу почти столько же, сколько папа, мама, бабушка, восемь детей и Самоварная Труба.

Дети идут в новую школу

Марен, Мартин, Марта и Мадс собирались в путь. Сегодня они первый раз шли в новую школу и немного побаивались.

— Я бы мог весь век жить в лесу и не ходить ни в какую школу, — сказал Мартин. — Я бы и так научился добывать еду, готовить обед, следить за домом и жил бы, как живут все отшельники.

Мадс молчал. Он думал, как было бы замечательно, если бы их старая школа тоже переехала в лес. Жаль только, что остальным ученикам пришлось бы очень далеко ездить в школу.

Впрочем, лесной домик тоже был расположен не так уж близко от школы. Сначала дети долго шли лесом. Тропинка была такая узкая, что им приходилось идти гуськом. Зато как интересно было в лесу! Тропинка вела к шоссе. По нему мчались грузовики и автобусы, бежали школьники. Грузовики и автобусы не смущали Мадса, а вот со школьниками он предпочёл бы не встречаться. Ему стало не по себе, когда они принялись разглядывать его, Мартина, Марен и Марту.

Школьники были такие важные и вовсе не боялись идти в школу. Они давно к ней привыкли.

А самое главное — все они уже хорошо знали друг друга.

Вдали показалась школа. Она высилась на холме, как маленький замок.

— Ну, полюбовались на школу, а теперь пошли домой, — предложил Мадс.

— Что ты, нельзя! Папа и мама договорились с директором школы, что мы все придём сегодня. Идём, Мадс, не трусь. Мама говорила, что мы должны зайти в канцелярию, чтобы узнать, где наши классы, — сказала Марен.

В канцелярии их встретил сам директор школы. Он был очень любезен, и Мадс подумал: наверно, директор рад, что к нему пришли сразу четыре новых ученика. Может быть, у него в школе не хватает учеников?

Но когда Мадс взглянул на школьный двор, он понял, что ошибся: двор был полон ребят.

Директор попросил одного из учителей показать новичкам, где находятся их классы. Первой ушла Марен, потом Мартин и Марта, остался один Мадс.

— Если вы очень торопитесь, то я и сам могу найти свой класс, — сказал Мадс учителю.

Но учитель не торопился. Он был так приветлив, что очень понравился Мадсу.

— А в нашем классе вы учите? — спросил Мадс с надеждой.

— Нет, к сожалению, — ответил учитель, — в твоём классе учительница. А вот когда ты перейдёшь в четвёртый класс, я, может, и буду преподавать у вас.

Прозвенел звонок на урок. Загудели, зашумели

лестницы и коридоры. Учитель остановился перед одной из дверей.

— Сюда, — сказал он.

Мальчики один за другим, обгоняя их, скрывались за этой дверью. Все они здоровались с учителем и таращили глаза на Мадса. Наконец пришла учительница.

— Вот ваш новый ученик, его зовут Мадс, — сказал ей учитель.

— Добро пожаловать, — приветствовала Мадса учительница. — Заходи в класс, сейчас мы найдём тебе место.

Мадс взглянул в последний раз на доброго учителя и вошёл в класс. Все ученики стояли возле своих парт и с любопытством смотрели на него.

— Вот вам новый товарищ. Его зовут Мадс. Садись вот сюда, Мадс, — сказала учительница и показала ему парту возле окна. — А теперь скажи нам, где ты живёшь?

— В лесу, — ответил Мадс.

Все мальчики засмеялись.

— Разве ты не знаешь своего точного адреса? — спросила учительница.

— Знаю. Домик в лесу. В самой середине леса. Мы переехали сюда из города, там у нас была очень маленькая квартира.

— Ну хорошо, садись, — сказала учительница.

Мадс слышал, что мальчики потихоньку смеются над ним.

Начался урок чтения. Мадс слушал, как все читали. Ему самому не хотелось читать сегодня. Учительница, наверное, поняла это и не вызвала его. Урок прошёл быстро. Наступила большая перемена.

Мальчики выбежали из класса, но Мадс не торопился. Он долго надевал свитер, потом медленно пошёл по коридору. Там он остановился и постоял у окна. Вдали он увидел свой лес. Тот самый лес, который теперь был его домом!

К Мадсу подошла учительница:

— Почему ты стоишь здесь, Мадс? Иди лучше во двор, подыши свежим воздухом.

Мадс спустился по лестнице. Выйдя на школьный двор, он внимательно огляделся. Ему хотелось найти местечко, где бы он мог побыть в одиночестве. Ещё ему хотелось увидеть Мартина, Марен или Марту. Вскоре он отыскал их в толпе, но они оживлённо беседовали с другими детьми. Они-то, конечно, уже со всеми перезнакомились.

Ну что ж!

В углу двора стояло несколько ящиков для мусора. За ними можно было спрятаться. Там его никто не найдёт. Мадс пробрался через двор и сел на корточки за один из ящиков. Когда он закрывал глаза, шум голосов слышался ещё громче. Казалось, что дети хором кричат во всё горло. Мадсу было грустно и холодно сидеть здесь, но как быть, если не хочется разговаривать с мальчиками? Они все смеялись, когда он сказал, что живёт в лесу. А ведь он действительно живёт в лесу, и смеяться тут не над чем.

Наконец зазвенел звонок. Мадс подождал, пока школьный двор опустеет, потом выбрался из своего укрытия и пошёл к дверям. Когда он вошёл в

класс, все уже сидели на своих местах. Мальчик, который сидел ближе всех к Мадсу, шёпотом спросил:

— Куда ты пропал? Мы тебя всюду искали, хотели, чтобы ты играл вместе с нами.

— Я был во дворе, — ответил Мадс. Ему вдруг очень понравился этот мальчик.

«Хорошо бы узнать, как его зовут», — подумал Мадс, но спрашивать было неловко.

— Уле-Александр, не мешай Мадсу разговорами! — строго сказала учительница.

Мадс огляделся. На него уже почти никто не смотрел, и никто не смеялся. Может быть, они не такие уж плохие? Может быть, они ничем не хуже его товарищей в прежней школе? Мадс вздохнул с облегчением.

На следующей перемене он вышел во двор вместе со всеми, и не успел он опомниться, как уже носился по двору и кричал так же громко, как все. А может, даже громче всех, потому что самое трудное было уже позади.

Мадс находит друга

Когда Мадс на другой день пришёл в школу, он сразу же увидел Уле-Александра. Уле-Александр стоял на школьном дворе вместе с другими ребятами. Заметив Мадса, он подбежал к нему:

— Угадай, где я живу?

Мадс огляделся. Прежде всего он посмотрел на лес, в котором жил сам. Уж во всяком случае, не в лесу. Потом он посмотрел на множество маленьких домиков, разбросанных вокруг. Если он начнёт гадать и показывать отдельно на каждый домик, то они простоят здесь весь день. Наконец он взглянул на большие дома, стоявшие отдельно на самой вершине холма.

— Наверно, вон в тех домах? — сказал он.

— Правильно, угадал. Пойдём сегодня ко мне в гости, и ты увидишь, в каком именно доме я живу.

— Хорошо, только я должен предупредить своих, чтобы они меня не ждали.

Мадс подбежал к Мартину и прошептал ему на ухо:

— Не ждите меня сегодня после школы, я пойду в гости к одному мальчику.

— А ты без нас не заблудишься?

— Нет. Я буду у него недолго, а дорогу я хорошо помню.

Сразу после уроков Мадс вместе с Уле-Александром пошёл к нему в гости.

Уле-Александр говорил немного. Мадс тоже помалкивал. Идти в гости уже само по себе было интересно. Да он и не знал, о чём говорить. Они шли и шли. И уходили всё дальше от леса, в котором жил Мадс.

— Ну вот и Тириллтопен, — сказал Уле-Александр.

Мадсу очень понравилось это название, оно было весёлое, как считалка, и он повторил его несколько раз:

— Тириллтопен! Тириллтопен! Тириллтопен!

— А разве ты не знал, что наша школа тоже называется Тириллтопен? — удивился Уле-Александр.

— Не знал. А ты всегда здесь жил?

— Нет. Раньше мы жили в городе. В самом высоком доме. Но здесь мне тоже очень нравится.

— И мне, — сказал Мадс.

Подошли к большому белому кирпичному дому. Этот дом ничем не отличался от других белых кирпичных домов, но Уле-Александр, как видно, твёрдо знал, где именно он живёт.

— У нас есть собака, — предупредил он, — она, наверно, начнёт лаять, когда ты войдёшь, но ты не бойся: она просто хочет показать, что хорошо стережёт дом.

— У нас тоже есть собака. Её зовут Самоварная Труба.

— Какое чудное имя! А нашу зовут Пуффи.

Они поднялись на третий этаж. Там Уле-Александр остановился и отпер дверь. Как только дверь открылась, из неё выскочила чёрная кудлатая собака и чуть не сбила Уле-Александра с ног. Вдруг она увидела Мадса и громко залаяла.

— Тише, тише, Пуффи, ты же видишь — к нам пришёл гость.

Пуффи и сама поняла, что никто никому не угрожает, завиляла хвостом и поскорее убежала в квартиру.

— Мама! — крикнул Уле-Александр. — Я привёл к нам мальчика из нашего класса, его зовут Мадс. Это он живёт в лесу. Помнишь, я тебе вчера рассказывал?

— Милости просим в Тириллтопен! — крикнула из кухни мать Уле-Александра.

В переднюю вышла маленькая девочка. Она очень обрадовалась, увидев брата, подбежала к нему и обхватила обеими руками его колени.

— Пусти, пусти меня, Биттелиттен. Поздоровайся с моим новым товарищем.

Биттелиттен отпустила брата, взглянула на Мадса и сделала смешной реверанс.

Мать Уле-Александра вышла из кухни и сказала:

— Снимайте в прихожей грязные башмаки и идите на кухню: я вас покормлю.

Мадсу сразу понравилось в гостях. Он и оглянуться не успел, как уже сидел в кухне и рассказывал об их маленькой городской квартире и о домике в лесу. Он рассказал и про бабушку, и про грузовик, и про Самоварную Трубу.

Потом Уле-Александр показал ему квартиру и свою комнату, в которой жил только он один. Больше всего Мадсу понравилась ванна.

Мадс видел однажды ванну в окне магазина. И теперь, когда он увидел настоящую ванну в квартире друга, у него даже внутри защеботало...

— Ты, наверно, купался в ней много-много раз? — спросил он Уле-Александра.

— Ну конечно. А ты никогда не купался в ванне? Разве у вас нет дома ванны?

— Нет. А в ней приятно купаться?

Уле-Александр не мог поверить, что Мадс никогда в жизни не купался в ванне. Он не слыхивал ничего подобного.

— Мы купаемся в корыте, но я из него уже вырос, — сказал Мадс.

Уле-Александр помчался на кухню:

— Мамочка! Мадс никогда в жизни не купался в ванне! Можно, он сейчас искупается?

— По-моему, сейчас этого делать не следует, — сказала мама Уле-Александра. — Мадсу скоро идти домой, а на улице мороз. Пусть он лучше придёт к нам в субботу и останется у нас ночевать. Тогда он сможет купаться сколько захочет. Хорошо, Мадс?

— Ладно, а сейчас мы будем пускать в ванне кораблики, — предложил Уле-Александр, и Мадс с радостью согласился.

Они так весело играли, что Мадс совсем забыл, что ему ещё далеко идти до дому. Он опомнился, когда отец Уле-Александра пришёл с работы. На улице было уже совсем темно.

— Ой, мне пора! — закричал Мадс испуганно. Он так торопился, что в одних носках выскочил на лестницу.

Мать Уле-Александра выбежала за ним с башмаками в руках.

— Приходи к нам в гости! — сказала она ему.

— Спасибо, и вы к нам тоже, — вежливо ответил Мадс.

Мадс шагал домой. Сначала он думал только о том, как весело было в гостях, но, войдя в лес, он уже не мог думать ни о чём, кроме темноты, окружавшей его.

В темноте ели выглядели совсем иначе, чем днём. Они были тёмные, большие и страшные. В лесу раздавалось много разных звуков. Мадс побежал. Но ему стало стыдно.

«Не беги, — сказал он самому себе. — Иди как обычно. Ведь ты идёшь по своему лесу, к своему дому...»

Вдруг он услышал новые, незнакомые звуки. Кто-то тяжело дышал и сопел. Мадс замер. Чёрный маленький зверь выскочил из зарослей и метнулся прямо к нему. Это была Самоварная Труба!

Самоварная Труба прибежала его встречать! Мадс очень обрадовался. Теперь он уже ничего не боялся. А тут навстречу ему вышел и папа. Папа и Самоварная Труба решили, что Мадсу будет приятнее идти через лес вместе с ними.

И они не ошиблись. Теперь лес снова стал таким же, как днём, и все таинственные звуки показались Мадсу даже приятными.

— Когда-нибудь, Мадс, ты научишься различать эти звуки и полюбишь лес ещё больше, — сказал ему папа.

— Папа, а я познакомился в школе с одним мальчиком, его зову Уле-Александр.

— Забавное имя! Пригласи своего приятеля к нам в гости, чтобы мы могли тоже с ним познакомиться.

— Ну конечно! Ведь теперь у нас много места, — обрадовался Мадс.

Папа кивнул. Тут они оба увидели свой дом и подумали, что такого хорошего дома нет ни у кого на свете. И они были правы.

Мона обижена

В одну из суббот перед обедом Мона, Милли и Мина сидели в кухне у окна, прижавшись носами к стеклу.

— Сейчас они придут, — сказала Милли.

— Уже недолго ждать, — подхватила Мина.

Мама готовила обед. Папа в сарае пилил дрова. А Мортен залезал на кухонную табуретку и прыгал с неё на пол, залезал и прыгал. Так он мог прыгать без усталости целый день.

— Вот они! — вдруг крикнула Мона.

Из лесу вышла Марен с портфелем под мышкой, за ней шли Мартин и Марта, а за ними ещё два мальчика. Один из мальчиков был Мадс, а другого раньше никто не видел.

— Это и есть тот самый Уле-Александр, — сказала Мона.

— Давайте убежим и спрячемся, — предложила Милли.

— Правильно! — Моне очень не нравилось, что Мадс подружился с этим мальчишкой.

Раньше они всегда играли вдвоём, она и Мадс, а теперь Мадс часто задерживался после школы. В субботу он и вовсе не пришёл ночевать домой, и всё воскресенье его не было. Такого никогда не случалось, пока он не подружился с этим Уле-Александром. И Мона решила, что, когда Уле-Александр придёт к ним в гости, она сделает вид, будто не замечает его.

Мина и Милли спрятались под столом, а Мона — в углу за папиной качалкой. Мортену тоже захотелось спрятаться. Он повалил табуретку и притаился за ней.

На крыльце затопало множество ног. Дверь распахнулась.

— Мама, мы голодные! — закричала Марен.

— Сейчас будем обедать, — сказала мама.

Самоварная Труба громко залаяла, как только Уле-Александр вошёл в кухню. Она боялась чужих. Когда она немного успокоилась, Уле-Александр подошёл к ней и сказал:

— Здравствуй, Самоварная Труба!

И она лизнула ему руку, словно хотела сказать, что теперь всё в порядке и он может оставаться у них сколько захочет.

Уле-Александр поздоровался с мамой, с папой, который вошёл с полной охапкой дров, и с бабушкой. Потом он спросил:

— А где же все остальные? Марен, Марту и Мартина я знаю по школе, но Мадс говорил, что у него семь братьев и сестёр.

— Ку-ку! Я здесь! — крикнул Мортен из-за табуретки.

Уле-Александр наклонился к нему:

— Так, один нашёлся.

Милли с Миной захихикали под столом, и Уле-Александр без труда отыскал их.

— Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, — сосчитал он, — одного ещё не хватает.

— Ку-ку, вон она где спряталась, — сказал Мортен и показал на качалку.

Уле-Александр заглянул за качалку и увидел Мону.

И Мортен, и Милли, и Мина смеялись, когда Уле-Александр нашёл их, а Мона рассердилась и не захотела с ним здороваться. В это время вошла мама. Она несла громадную кастрюлю картошки с мясом, и Уле-Александр забыл о неприветливой Моне, потому что он, как и все, очень хотел есть. Но после обеда, когда дети собрались гулять, он снова вспомнил о ней. Мона не пошла гулять. Она сидела на своём месте с таким видом, словно собиралась просидеть за столом весь день.

Мама стала мыть посуду, папа зевнул и сказал:

— Гляди-ка, какой снег повалил, придётся вечером разгрести, а то и к дому не подойдёшь. Так что теперь надо немного отдохнуть.

Дети ушли, бабушка удалилась в свою каморку. Она, как и папа, тоже любила вздремнуть после обеда.

Мона медленно поднялась со стула, взяла кухонное полотенце и принялась вытирать вилку. Она задумалась и долго-долго тёрла одну и ту же вилку. Вилка уже блестела; мама успела перемыть всю посуду, вытерла и тарелки, и вилки, и ложки, и чашки, и стаканы, а Мона всё стояла и тёрла свою вилку.

— Спасибо за помощь. Вот мы и кончили, — сказала мама.

В кухню вихрем влетела Милли:

— Мамочка, до чего нам весело! Этот Уле-Александр такой смешной! Мы тоже всё время играли со старшими. Иди скорее к нам, Мона! Мы играем в прятки!

— Фу! — фыркнула Мона, но, как только Милли снова убежала на улицу, она потихоньку подошла к вешалке и оделась.

— Я вовсе не собираюсь с ними играть, ты не думай, — сказала она маме, — я только немножко посмотрю на них.

Мона осторожно вышла за дверь. Ей хотелось, чтобы никто её не заметил. Дети кричали громко и весело; по их голосам Мона поняла, где они. Она опустилась на четвереньки и поползла в сарай. Ну, вот наконец она в убежище! Вдруг голоса умолкли. Мона увидела, как дети разбегаются в разные стороны, и услышала голос Уле-Александра, который громко считал.

Ага, значит, он водит! Ну, её-то он уж, во всяком случае, не найдёт. Она может спокойно стоять здесь и следить за игрой, а если он придёт сюда, она спрячется за другим углом сарая.

Уле-Александр досчитал до ста и крикнул:

— Я иду искать!

— Ку-ку! Вот я! — сказал Мортен. Он не успел спрятаться и стоял рядом с Уле-Александром.

— Палочка-выручалочка за Мортена! — обрадовался Уле-Александр. — Пойдём искать остальных.

Он немного побаивался, что не сумеет найти всех: ведь они в своём дворе знали, конечно, много укромных местечек. Уле-Александру показалось, что он заметил чью-то голову, которая на мгновение высунулась из-за сарая. Он решил притвориться, будто ничего не заметил. Самое главное, не бежать туда сразу же. Он посмотрел сначала на небо, потом на лес и вдруг бегом помчался к сараю. Подбежав к нему, он услышал бормотание Моны:

— Меня-то этому дураку ни за что не найти.

— Как бы не так! — крикнул Уле-Александр и побежал к тому месту, где он водил. — Палочка-выручалочка за... Как её зовут, Мортен? — тихонько спросил он у Мортена.

— Мона! — радостно подсказал Мортен.

— Палочка-выручалочка за Мону! — громко крикнул Уле-Александр. — Вот хорошо, что я нашёл тебя. А то как-то неприятно, когда никого не можешь найти.

Теперь ему стало легче, и он быстро нашёл остальных. Всех, кроме Мартина, потому что Мартин сидел в лесу на самой высокой ёлке и его совсем не было видно среди пушистых веток.

Но Мортен показал на ёлку и сказал:

— Ку-ку! Мартин, а тебя видно.

— С Мортеном нельзя играть в прятки! — рассердился Мартин.

Уле-Александр посмотрел на высокие сугробы, окружавшие дом.

— Давайте разгрести снег? — предложил он. — У нас в Тириллтопене снег убирают машинами, но, по-моему, гораздо веселее разгрести снег лопатой.

— Верно! Мы все будем разгрести снег! Вот папа обрадуется, когда проснётся! — подхватил Мадс.

Старшие взяли лопаты, младшие — совки, и работа закипела.

Они расчистили дорожку к сараю, к воротам и к маленькому домику с сердцем на двери.

Когда папа, поспав после обеда, вышел во двор, чтобы разгрести снег, и увидел дорожки среди сугробов, он так и просиял:

— У меня не дети, а золото!

— Это Уле-Александр придумал, — неожиданно для самой себя сказала Мона.

— По-моему, мы все должны проводить Уле-Александра через лес, — предложил папа. — Я тоже пойду вместе с вами, раз мне не надо убирать снег.

И они все гуськом пошли по лесу. Папа шёл первый. Дорогу занесло, и он протапывал в снегу тропинку.

Мона перестала сердиться и была даже рада, что Уле-Александр пришёл к ним в гости.

Но Мортену было лучше всех, потому что он сидел у папы на плечах, и, хотя ветки щекотали ему лицо и за воротник попадал снег, он воображал себя королём, который едет верхом по лесу.

Мама считает ворон

На новой крепкой дверце колодца висел большой замок, а ключ от замка папа всегда носил с собой.

В кухне стояла большая бочка, и каждое утро папа наполнял её водой. Но теперь он должен был уехать на три дня, а так как одной бочки воды на три дня мало, папа отдал ключ от колодца маме, и она спрятала его на полку.

На первый день воды ещё хватило, но на второй день бочка была почти пуста.

Мама вооружилась вёдрами и коромыслом. Она впервые шла на колодец за водой, хотя они жили здесь уже давно.

Когда они переехали сюда из города, мама сказала папе, что она всегда сама носила воду из колодца, когда была молодая и жила в деревне.

Но папа стукнул кулаком по столу и сказал:

— Не будет этого! Не женская это работа!

С тех пор каждое утро папа приносил воду...

Мама весело размахивала вёдрами. Она подошла к колодцу и отперла тяжёлый замок. Потом она подняла крышку, привязала верёвку к дужке ведра и опустила в колодец. Плюх! — сказала ведро. Мама подождала немного, а потом начала тянуть верёвку. Папа был прав, когда говорил, что это не так уж легко.

Мама взглянула на дом. Ну конечно! Все восемь детей и бабушка стоят у окна и смотрят на неё. Они ещё не оделись как следует, но пропустить такое зрелище не могли. Бабушка была не причёсана, зато надела очки, чтобы лучше видеть. За свою жизнь она перетаскала из колодца много вёдер воды, и теперь ей было любопытно, как мама справится с этой задачей.

Мама с полными вёдрами шла по скользкой тропинке.

«Они думают, что у меня ничего не получится. Надо сделать вид, что я их не замечаю», — сказала себе мама и посмотрела на небо.

Как раз этого ей и не следовало делать, потому что, когда несёшь воду, надо глядеть под ноги, а не считать ворон в небе. Мама поскользнулась и

во весь рост растянулась на тропинке. Одно ведро опрокинулось, зато второе только чуть-чуть расплескалось.

Мама полежала минутку не двигаясь. Но она не собиралась лежать тут весь день и попробовала подняться. Это оказалось не так-то просто. Одна нога никак её не слушалась. Было очень больно, и мама не могла встать.

Из дому выбежали дети. Мартин был в одном носке, другой он надеть не успел; Мадс был в майке и трусах; Мона — в ночной рубашке. Кто-то был в тапочках, кто-то босиком. За детьми бежала бабушка, так и не успев заколоть свою тонкую седую косичку.

— Нет! Нет! Нет! — закричала мама. — Сейчас же идите домой и оденьтесь как следует! Вы с ума сошли.

Но дети не хотели уходить. Они пытались помочь маме подняться и тянули её в разные стороны.

Самоварная Труба тоже выскочила из дому. Она подбежала к маме и начала лизать ей лицо. Первой опомнилась бабушка.

— Санки, быстрее! — крикнула она.

Мартин притащил из сарая санки; дети посадили на них маму и повезли к дому. Мартин и Марен помогли маме подняться на крыльцо. Наконец мама оказалась на кухне и опустилась на стул. Она до того волновалась, как бы

дети не простудились, что почти забыла о своей больной ноге. Она командовала, как полководец:

— Разотритесь полотенцами! Наденьте сухие чулки! Ни слова, пока все не оденетесь!

— Но со мной-то ты можешь говорить, я ведь одета, — заметила бабушка.

— И с тобой не могу, ты ещё не причёсана. Заколи косу, а то зацепишься за что-нибудь!

Бабушке и детям пришлось молча привести себя в порядок. И надо сказать, что в этот день они справились с утренним туалетом необыкновенно быстро.

Когда все были готовы, они выстроились перед мамой. Младшие плакали, потому что мама упала и ушиблась; старшие стояли и думали, что же им теперь делать.

Мама была белая как снег. Нога у неё сильно распухла.

— Надо найти доктора, — прошептала Мона.

— Где его здесь найдёшь? — грустно сказал Мартин.

— Я знаю! — придумал Мадс. — Я на лыжах побегу в Тириллтопен к Уле-Александру. У них есть телефон, и его мама скажет, что надо делать!

— Беги! — скомандовала бабушка.

Дома у Уле-Александра все очень удивились, увидев Мадса в столь ранний час. Мадс так запыхался, что долго никто не мог разобрать ни слова. Но они сразу догадались, что случилось какое-то несчастье.

Уле-Александр первый сообразил, в чём дело. Он повернулся к маме и сказал:

— Мадс говорит, что надо позвонить доктору: его мама упала и ушибла ногу.

— Конечно, конечно! Сейчас я позвоню и попрошу доктора приехать к нам. А дальше Мадс покажет ему дорогу.

— Я тоже поеду с Мадсом, — сказал Уле-Александр.

Мадс объяснил доктору, куда ехать, и больше за всю дорогу не вымолвил ни слова. Он очень боялся, что маму положат в больницу и они останутся одни.

Осмотрев мамину ногу, доктор сказал:

— Перелома, к счастью, нет. Это вывих, и очень сильный. Две недели, самое маленькое, вам нельзя ходить: нога должна быть в полном покое. А вы, дети, хорошенько ухаживайте за мамой.

— Мы будем хорошо ухаживать, — сказала Мона.

— Я ей сейчас сварю картошки, — предложила Мина.

Доктор сделал маме перевязку, и она сказала:

— А теперь, дети, вам пора в школу!

— Мы думали, что нам сегодня лучше пропустить занятия, — ответила Марен.

— Ни в коем случае! Сейчас же отправляйтесь в школу! — возмутилась мама.

— Кто идёт в школу? Я могу вас подвезти, — предложил доктор.

— Нас пятеро, — ответил Мадс, — но мы с Уле-Александром усядемся вдвоём на одно место.

— Места всем хватит, — успокоил его доктор.

— Я тоже иду в школу, — сказал Мортен. Он взял старый рюкзак и вышел во двор, где стоял красивый автомобиль доктора.

— Нет, ты останешься дома и будешь ухаживать за мамой, — сказала Марен и на руках отнесла Мортена в дом.

— Я приеду к вам через несколько дней, — сказал доктор, прощаясь с мамой.

Бабушка воюет с разбойниками

Теперь, когда мама заболела, хозяйством пришлось заниматься бабушке и детям. Обычно бабушка сидела у себя в каморке, вязала чулок или просто дремала. Но тут она словно на двадцать лет помолодела. Она и забыла, что любит поспать после обеда.

— Что мы будем делать с водой? — вздохнула мама, глядя на пустую бочку.

— Вода — это пустяки! — заявила бабушка. — Я всю свою жизнь только и делала, что таскала воду для коров. Так неужели же я не принесу двух вёдер для нас?

Она схватила вёдра и отправилась к колодцу.

— Бегите за бабушкой и помогите ей! — приказала мама детям.

И когда бабушка нагнулась над колодцем, вытаскивая первое ведро, Марен обхватила её за талию, Мартин ухватился за Марен, Марта за

Мартина, Мадс за Марту, Мона за Мадса, Милли за Мону, Мина за Милли, Мортен за Мину, а Самоварная Труба ухватила Мортена за штанину.

С помощью детей бабушка легко вытащила из колодца первое ведро, а за ним и второе. Потом они поставили оба ведра на санки и без всякого труда довезли воду до дому.

Так они сходили за водой несколько раз и наполнили бочку до самого верха.

— Как же ты одна приготовишь обед на такую ораву? — снова вздохнула мама.

— Ты думаешь, я уже никуда не гожусь! — возмутилась бабушка. — Когда я была молодая и работала на скотном дворе, мне иногда приходилось готовить обед на всех работников. Неужто я не смогу приготовить обед для одной семьи?

Бабушка сварила огромный котёл каши, и все были очень довольны.

Вечером бабушка села вязать носки для Мортена. Младшие легли спать; мама читала, положив ногу на табуретку. Ей давно не удавалось спокойно почитать, и теперь она думала, что не так уж плохо вывихнуть иногда ногу.

Вдруг Самоварная Труба забеспокоилась. Она спала в своём бочонке и, не просыпаясь, тихонько залаяла, как будто сказала: «Будьте осторожны!» Мама подняла голову от книги; бабушка перестала вязать.

Из своей комнаты в ночной рубашке спустилась Мона.

— Бабушка, по-моему, кто-то ходит вокруг дома! Я слышала чьи-то шаги, честное слово!

— Бабушка, ты не забыла запереть дверь? — взволнованно спросила мама. — Надо же так случиться, что папы как раз нету дома!

— Дверь заперта, не волнуйся, — прошептала бабушка. — А для верности я и стол к двери придвину!

Самоварная Труба забеспокоилась ещё больше. Шерсть у неё на спине встала дыбом, и она громко залаяла.

— Мартин, ты ещё не лёг? — спросила бабушка.

— Нет, нет. Никто не спит.

— Идите все сюда, у нас будет военный совет! — шёпотом распорядилась бабушка.

На лестнице появились Милли, Мона и Мортен в ночных рубашках.

— Возле дома кто-то ходит — это так же верно, как то, что я пятьдесят лет доила коров, — сказала бабушка.

— Как жалко, что мы теперь живём не в городе. Там бы мы могли постучать в пол, и Хенрик с Нижней Хюльдой сразу прибежали бы к нам на помощь, — сказала Милли.

— Мы и без них не пропадём, — гордо заявила бабушка.

— А почему стол стоит возле двери? — спросил Мартин.

— Ш-ш-ш! — шикнула на него бабушка.

— Помолчите минутку и прислушайтесь, может быть, это только наше воображение, — сказала мама.

Все прислушались, и теперь уже не было сомнения, что по двору кто-то ходит. Они услышали не только шаги, но и голоса.

— Вот беда, их, оказывается, двое! — вздохнула бабушка.

— Бабушка, ты боишься? — спросила Марен.

— Боюсь? — Бабушка очень удивилась. — Ещё что! Им с нами всё равно не справиться! Да это самое интересное, что случилось с тех пор, как мы переехали сюда из города. А то было уж слишком тихо и скучно. Ш-ш-ш, давайте ещё послушаем!

В дверь постучали.

Бабушка приложила палец к губам и покачала головой. Вслед за ней все повторили её жест. Мона зажала пасть Самоварной Трубе, чтобы та не залаяла.

За дверью снова послышались голоса.

— Ну-ка, проверьте, все ли окна заперты, и принесите сюда свои одеяла, — распорядилась бабушка.

Дети побежали за одеялами.

— Одеяла повесьте на окна! — приказала бабушка. — А теперь мы пристроим над дверью ведро с водой. Если разбойники откроют дверь, оно опрокинется прямо на них.

— Вот здорово! — засмеялся Мадс.

— И ещё надо написать большое объявление: «Берегитесь злой собаки!» Ты можешь написать его быстро, Мадс? — спросила бабушка.

— Сейчас! У меня есть бумага. Я напишу: «Берегитесь злой собаки! Она опасна для жизни!» Так будет страшнее!

— Хорошо! Мы выставим это объявление в окне на кухне, — сказала бабушка. — Если у них есть карманный фонарик и они прочтут наше объявление, они непременно испугаются!

— А что бы нам ещё придумать? — спросила Марен.

— Я придумала, — сказала бабушка. — Я возьму свечу и пойду на чердак...

— Только не свечу. Ты устроишь пожар, — испугалась мама.

— Ладно, тогда дайте мне карманный фонарик.

Мадс протянул бабушке фонарик.

— Я завешу окно на чердаке синей тряпкой. Не пугайтесь, если услышите страшные завывания. Я буду выть, чтобы они приняли меня за привидение.

Бабушка поднялась на чердак. Вскоре в окне чердака загорелся синеватый свет и послышался протяжный жалобный вой.

За дверью стало совершенно тихо. Бабушка спустилась вниз.

— Ну как, хорошо я выла?

В это время в дверь опять постучали, и мужской голос спросил:

— Есть кто дома? Принимайте гостей!

— Вот негодяй! — Бабушка не на шутку рассердилась. — Какие ещё гости? Забирай своих людей и проваливай отсюда. Нам не впервой сражаться с разбойниками.

— Но мы вовсе не разбойники, — сказал за дверью робкий женский голос.

— Не разбойники? А кто же вы тогда, позвольте вас спросить? Я не желаю с вами разговаривать, но, может быть, вы объясните мне, что вы делаете в лесу поздно ночью? — спросила разгневанная бабушка.

У мамы был такой вид, точно она только что проснулась:

— Бабушка! Бабушка! Скорей отвори дверь! Ведь это...

— Твоя воля, — перебила её бабушка. — Но если в тебя угодят чем-нибудь тяжёлым, я не виновата.

Мартин помог бабушке отодвинуть стол. Бабушка отперла дверь. Дверь отворилась, и тут произошло то, на что бабушка не рассчитывала. Ведро с водой опрокинулось ей на голову. А за дверью стояли испуганные Хенрик и Нижняя Хюльда.

— Мы уже думали, что вы нас так и не впустите, — жалобно сказала Хюльда.

— Ап, буль-буль, — произнесла бабушка.

— Идём, бабушка, я тебя вытру. — Хюльда схватила полотенце и начала вытирать бабушке волосы.

— Мы подумали, что вам надо помочь, пока папы нет дома, — объяснил Хенрик. —

У Хюльды в сумке много всяких припасов...

— А мы вас так встретили! Какой позор! — смутилась мама.

— Мне ещё никогда в жизни не было так страшно, — призналась Хюльда. — Я чуть не убежала назад, в город. Но страшнее всего это привидение на чердаке. Бр-р, даже вспомнить жутко.

— Ты правда испугалась? — Бабушка была в восторге. После холодного душа и особенно после того, как выяснилось, что это вовсе не разбойники, бабушка чувствовала себя немного сконфуженной, но, услышав про привидение, она просияла: — Я очень рада, что оно было такое страшное!

— Пока бабушка с вами, вам нечего бояться, — уверенно сказал Хенрик.

При этих словах бабушка совсем расцвела и снова принялась за своё вязание.

— Я тебе тоже свяжу носки, Хенрик, — пообещала она.

А потом бабушка сварила кофе. Хюльда вытащила из сумки пирожные, и все уселись за стол. В этот вечер в домике в лесу долго никто не ложился спать.

